



ПАМЯТЬ ЛЬДА

ТОМ 1

МАЛАЗАНСКАЯ КНИГА ПАВШИХ: СКАЗАНИЕ ТРЕТЬЕ



СТИВЕН ЭРИКСОН

Малазанская империя

Стивен Эриксон
Память льда. Том 1

«ЭКСМО»

2001

УДК 821.111-312.9(71)
ББК 84(7Кан)

Эриксон С.

Память льда. Том 1 / С. Эриксон — «Эксмо»,
2001 — (Малазанская империя)

Разрываемый длительными войнами континент Генабакис стал колыбелью для новой кровожадной империи – Паннионского Домина. Армии таинственного Провидца захватывают город за городом, буквально опустошая всё на своём пути. Чтобы противостоять им, объявленное вне закона Войско Дуджека Однорукого вынуждено объединиться с заклятым врагом Малазанской империи. С теми, кто многие годы сражался с малазанцами: с кочевым народом рхиви, Каладаном Брудом, Аномандром Рейком и его народом тисте анди. Ситуацию усложняет то, что кланы древних неупокоенных воинов, т'лан имассов, тоже приходят в движение и грозят серьёзными изменениями в расстановке сил. В этом безумном водовороте сражений, интриг и тайн мало кто знает о природе настоящей угрозы. О том, кого называют Увечным богом. О том, кто некогда был вызван сюда из чуждого, враждебного мира, – и теперь начал собственную игру. Третий роман из величественного эпического полотна «Малазанской Книги Павших» – впервые на русском!

УДК 821.111-312.9(71)
ББК 84(7Кан)

© Эриксон С., 2001
© Эксмо, 2001

Содержание

Благодарности	6
Действующие лица	7
Караван-сарай	7
Капастан	8
Войско Однорукого	9
Войско Бруда	10
Баргасты	11
Послы из Даруджистана	12
Т'лан имассы	13
Паннионский Домин	14
Другие	15
Пролог	18
I	18
II	25
Книга первая. Искра и пепел	30
Глава первая	30
Глава вторая	47
Глава третья	65
Глава четвёртая	86
Конец ознакомительного фрагмента.	89

Стивен Эриксон

Память льда. Том 1

Steven Erikson
Memories of Ice

Copyright © Steven Erikson 2001.

© Лихтенштейн Е., перевод на русский язык, 2016

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

* * *

Посвящается Р. С. Лундину

Благодарности

Я хотел бы поблагодарить за поддержку и дружбу следующих: Клэр, Боуэна, Марка, Дэвида, Криса, Рика, Кэм, Кортни; Сьюзан и Питера, Дэвида Томаса Ст. и Мл., Хэрриет и Криса, Лили и Мину и Смаджа; Патрика Уолша, Саймона и Джейн. Спасибо Дейву Холдену и его дружелюбным подчинённым (Трише, Синди, Лизе, Танис, Барбаре, Джоанне, Наде, Аманде, Тони, Энди и Джоди) из «Пицца-Плейс» за столик и горячие напитки. И спасибо Джону Мини за отвратительные подробности о мёртвом семени.

Действующие лица

Караван-сарай

Остряк, охранник каравана
Скалла Менакис, охранница каравана
Драсти, охранник каравана
Бук, охранник каравана
Бошелен, путешественник
Корбал Брош, его молчаливый напарник
Эмансипор Риз, слуга
Керули, торговец
Мрамор, чародей

Капастан

Брухалиан, Смертный меч Фэнерова Устава («Серые мечи»)
Итковиан, Кованый щит Фэнерова Устава («Серые мечи»)
Карнадас, Дестриант Фэнерова Устава («Серые мечи»)
Вельбара, новобранец («Серые мечи»)
Мастер-сержант Норул («Серые мечи»)
Фаракалиан («Серые мечи»)
Накалиан («Серые мечи»)
Торун («Серые мечи»)
Сидлис («Серые мечи»)
Нильбанас («Серые мечи»)
Джеларкан, князь и правитель Капастана
Арард, князь и правитель Коралла в изгнании
Рат'Фэнер (жрец из Совета Масок)
Рат'Престол Тени (жрец из Совета Масок)
Рат'Королева грёз (жрица из Совета Масок)
Рат'Худ (жрец из Совета Масок)
Рат'Д'рек (жрец из Совета Масок)
Рат'Трейк (жрец из Совета Масок)
Рат'Огнь (жрица из Совета Масок)
Рат'Тогг (жрец из Совета Масок)
Рат'Фандерея (жрица из Совета Масок)
Рат'Дэссембрей (жрица из Совета Масок)
Рат'Опонн (жрец из Совета Масок)
Рат'Беру (жрец из Совета Масок)

Войско Однорукого

Дуджек Однорукий, командир малазанской армии отступников
Скворец, заместитель командира малазанской армии отступников
Вывих, командир Чёрных морантов
Артантос, знаменосец малазанской армии отступников
Барак, офицер связи
Хареб, капитан-аристократ
Ганос Паран, капитан «Мостожоги»
Мураш, сержант, Седьмой взвод, «Мостожоги»
Хватка, капрал, Седьмой взвод, «Мостожоги»
Дэторан, солдат, Седьмой взвод, «Мостожоги»
Штырь, маг и сапёр, Седьмой взвод, «Мостожоги»
Дымка, солдат, Седьмой взвод, «Мостожоги»
Молоток, целитель, Седьмой взвод, «Мостожоги»
Вал, сапёр, Седьмой взвод, «Мостожоги»
Тротц, солдат, Седьмой взвод, «Мостожоги»
Быстрый Бен, маг, Седьмой взвод, «Мостожоги»
Бестолочь, капрал, «Мостожоги»
Бакланд, сержант, «Мостожоги»
Рантер, сапёр, «Мостожоги»
Грунт, целитель, «Мостожоги»
Перл, маг, «Мостожоги»
Чубук, маг, «Мостожоги»
Пальчик, маг, «Мостожоги»

Войско Бруда

Каладан Бруд, предводитель освободительной армии Генабакиса
Аномандр Рейк, Владыка Лунного Семени
Каллор, Верховный король, правая рука Бруда
Мхиби, женщина из племён рхиви
Серебряная Лиса, Перерождённая рхиви
Корлат, одиночница, тисте анди
Орфантал, брат Корлат
Хурлокель, всадник в освободительной армии
Карга, старейшая из великих воронов и спутница Аномандра Рейка

Баргасты

Хумбролл Тор, военный вождь клана Белолицых

Хетан, дочь вождя

Кафал, старший сын вождя

Неток, второй сын вождя

Послы из Даруджистана

Колл, посол
Эстрайсиан Д'Арле, советник
Барук, алхимик
Крупп, горожанин
Мурильо, горожанин

Т'лан имассы

Крон, предводитель Кроновых т'лан имассов
Канниг Тол, вождь клана
Бек Охан, заклинатель костей
Пран Чоль, заклинатель костей
Окрал Лом, заклинатель костей
Бендал Хоум, заклинатель костей
Ай Эстос, заклинатель костей
Олар Этил, первая заклинательница костей и первая одиночница
Тлен, Отверженный, прежде Первый Меч
Килава, отступница, заклинательница костей
Ланас Тог, из Керлумовых т'лан имассов

Паннионский Домин

Провидец, царь-жрец Домина
Ультентха, септарх Коралла
Кульпат, септарх осаждающей армии
Инал, септарх Леста
Анастер, тенескаури, Дитя Мёртвого Семени
Провидомин Кальт

Другие

К'рул, Старший бог
Драконус, Старший бог
Сестра Холодных Ночей, Старшая богиня
Госпожа Зависть, обительница Морна
Гетол, Глашатай
Трич, Первый герой (Тигр Лета)
Ток Младший, Арал Фэйл, малазанский разведчик
Гарат, огромный пёс
Баальджагг, ещё более огромная волчица
Мок, сегулах
Турул, сегулах
Сену, сегулах
Скованный, неизвестный Взошедший (также именуемый Увечным богом)
Ведьма Теннеса
Мунуг, даруджиец-ремесленник
Таламандас, баргастское чучелко
Ормулогун, художник в Войске Однорукого
Гамбл, его критик
Харадас, глава каравана Тригалльской торговой гильдии
Азра Джаэль, морпех из Войска Однорукого
Корешок, из Моттских ополченцев
Хлев, из Моттских ополченцев
Пень, из Моттских ополченцев
Иов Валун, из Моттских ополченцев

ГЕНАБАКИС

Паннионская война ок. 1160 года Сна Огни

 ПАННИОНСКИЙ ДОМИН

 МАЛАЗАНСКАЯ ОККУПАЦИЯ

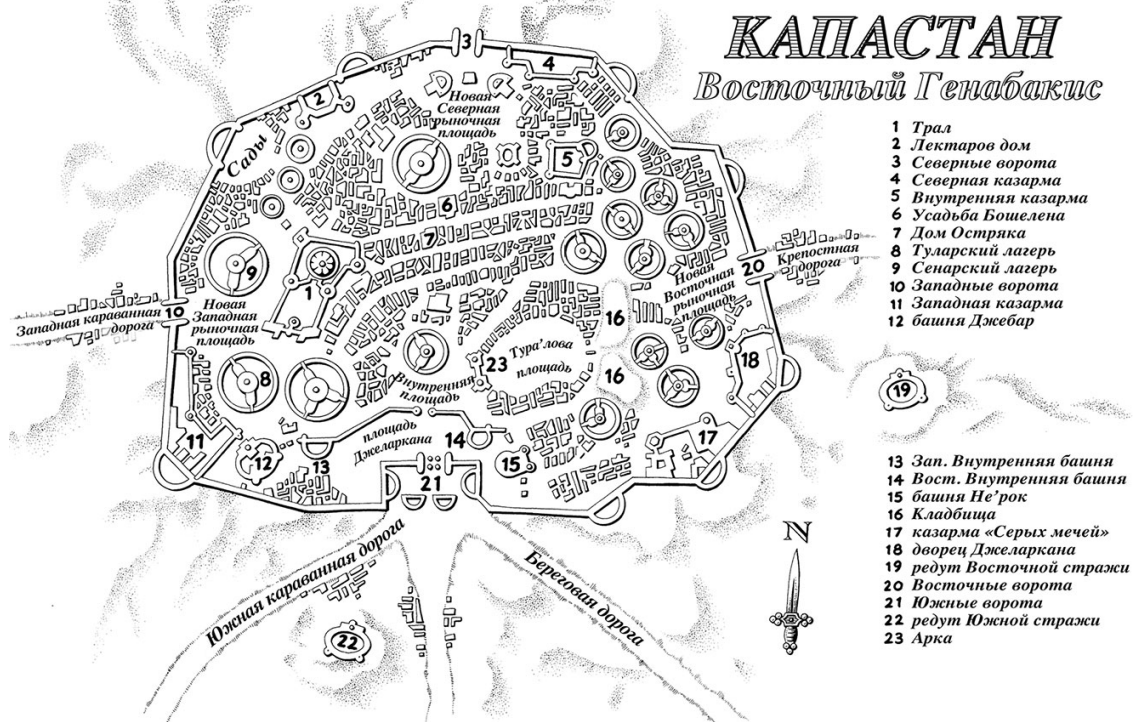
 Б И Т В Ы

МАСШТАБ

0 50 100 лиг

МЕДИТАЛЛЕЙСКИЙ ОКЕАН





Пролог

Древние войны между т'лан имассами и яггутами опустошили мир. По разорённым землям маршировали огромные армии, оставляя позади груды мёртвых тел, кости мертвецов стали костями гор, пролитая кровь – кровью морей. Чародейство бушевало до тех пор, пока сами небеса не запылали огнём...

Киничик Карбар'н.

Древние истории. Том I

I

Маэс'ки Им (Погром Гнилого Цветка), 33-я Яггутская война

За 298 665 лет до Сна Огни

Ласточки пронзали тучи мошкеры над отливной косой. Небо над болотом оставалось серым, но уже утратило переливчатое сияние зимы, а тёплый ветер над разорённой землёй нёс запах исцеления.

То, что некогда было внутренним пресноводным морем, которое имассы называли Яггра-Тиль, – морем, рождённым благодаря таянию яггутских ледовых полей, – умирало. Бледные тучи отражались в пересыхающих озерах и лужах – глубиной разве что до колена, – которые тянулись к югу, насколько хватало глаз, но новорождённой суши было уже заметно больше, чем воды.

Когда разрушились чары, вызвавшие оледенение, в эти земли вернулась естественная смена времён года, но память о горах льда была ещё жива. Обнажившийся материковый грунт на севере был изрезан и изъязвлён, долины – наполнены валунами. Тяжёлый ил, устилавший прежде дно внутреннего моря, то и дело разрывали пузыри выходящих газов, сама земля, избавившись от невообразимого груза отступившего восемь лет назад ледника, продолжала медленно подниматься.

Жизнь Яггра-Тиль была недолгой, но слой ила на дне был толстым. И предательски опасным.

Пран Чоль, заклинатель костей из клана Канниг Тола из Кроновых имассов, неподвижно сидел на почти ушедшем в землю валуне рядом с прежней береговой линией. Склон перед ним покрывали низкая, жёсткая трава и высохший плавник. В двенадцати шагах впереди земля плавно уходила вниз, к широкой, покрытой илом долине.

Три ранага провалились в заболоченную воронку в двадцати шагах от склона. Крупный бык, его самка и детёныш попытались стать в круг для защиты. Завязшие в грязи, уязвимые, они, видимо, показались лёгкой добычей для стаи айев.

Но болото было действительно опасным. Крупных тундровых волков постигла та же участь, что и ранагов. Пран Чоль насчитал шесть айев, в том числе и годовичка. Следы указывали на то, что ещё один молодой волк долго кружил вокруг топкого места, прежде чем уйти на запад: его, несомненно, ждала одинокая смерть.

Как давно это случилось? Невозможно сказать. Ил покрывал ранагов и айев толстой, потрескавшейся коркой. Ярко-зелёные точки блестели там, где проросли принесённые ветром семена. Это напомнило заклинателю костей видения, которые открывались ему во время странствий духа, – множество обыденных подробностей сплеталось в нечто ирреальное. Для этих зверей схватка стала вечной, охотник и его жертва навсегда сплелись воедино.

Кто-то подошёл, присел на корточки рядом с заклинателем.

Пран Чоль не отводил золотистых глаз от неподвижной сцены. Ритм шагов дал понять, кто именно решил составить компанию заклинателю, а теперь стали различимы и запахи теплокровного, что выдавали гостя столь же явно, как прямой взгляд на него.

Канниг Тол заговорил:

– Что сокрыто под глиной, заклинатель?

– Лишь то, что придало ей форму, вождь клана.

– Ты не видишь в этих зверях дурного предзнаменования?

Пран Чоль улыбнулся.

– А ты?

Канниг Тол поразмыслил, затем сказал:

– Ранагов больше нет в этих землях. И айев тоже нет. Мы видим древнюю битву. Смысл этих знаков глубок, ибо они встревожили мою душу.

– И мою, – отозвался заклинатель костей.

– Мы охотились на ранагов, покуда их не стало, и тем самым обрекли на голодную смерть айев, ибо мы также охотились на тенагов, покуда их не стало. Агкоры, что ходят за стадами бхедеринов, не стали делиться с айями, и вот тундра опустела. Оттого я думаю, что мы охотились расточительно и неразумно.

– Однако нам нужно было кормить своих детей.

– Нам очень нужны были новые дети.

– Нужны и ныне, вождь клана.

Канниг Тол заворчал.

– Яггуты были сильны в этих землях, заклинатель. Они не бежали – поначалу. Ты сам знаешь, какую цену мы заплатили кровью имассов.

– И земля отдаёт сторицей эту цену.

– Служит нашей войне.

– Это тревожит душу.

Вождь клана кивнул и замолчал.

Пран Чоль ждал. Обмениваясь словами, двигаясь к сути, они пока лишь скользили по коже. Откровения плоти и кости были ещё впереди. Но Канниг Тол не был глуп, и долго ждать не пришлось.

– Эти звери – мы.

Взгляд заклинателя костей метнулся на юг, стал жёстким.

Канниг Тол продолжал:

– Мы – глина, и наше бесконечная война против яггутов отражается в борьбе зверей. – Он указал рукой вниз. – И перед нами, в образе этих созданий, которые медленно обращаются в камень, – проклятье вечности.

И это было ещё не всё. Пран Чоль молчал.

– Ранагов и айев, – продолжал Канниг Тол, – уже почти не осталось в мире смертных. Ни охотников, ни жертв.

– До самых костей, – прошептал заклинатель.

– Лучше бы тебе разглядеть здесь предзнаменование, – пробормотал вождь клана, поднимаясь.

Пран Чоль выпрямился.

– Лучше бы разглядеть, – согласился он тоном, в котором отражалась сухая, сардоническая ирония последних слов Канниг Тола.

– Сколько ещё, заклинатель?

Пран Чоль взглянул на свою тень, рассмотрел украшенный оленьими рогами силуэт, фигуру, которую можно было угадать в очертаниях мехового плаща и шкур. Солнце стояло низко, так что он казался высоким – почти таким же высоким, как яггуты.

- Завтра, – ответил Пран Чоль. – Они ослабевают. Ночь бегства ослабит их ещё больше.
- Хорошо. Тогда клан разобьёт здесь лагерь на ночь.

Заклинатель костей услышал, как Канниг Тол шагает обратно, туда, где ждали остальные. Когда опустится тьма, Пран Чоль выйдет на дорогу духовидца. Уйдёт в шепчущую землю в поисках себе подобных. Пусть жертва ослабела, но клан Канниг Тола ослаб ещё больше. Осталось менее дюжины взрослых. Когда преследуешь яггутов, разница между охотником и жертвой едва ли имеет значение.

Пран Чоль поднял голову и принялся к вечернему воздуху. По этим землям странствует ещё один заклинатель костей. Ошибиться было невозможно. Пран Чоль гадал, кто это, почему он путешествует в одиночестве – без клана и родичей. И, зная, что другой заклинатель тоже почувствовал его присутствие, Пран Чоль гадал, отчего тот до сих пор не отыскал имассов Канниг Тола.

Она с трудом выбралась из грязи и рухнула на песчаный берег, дыхание вырывалось из груди хриплыми, натужными толчками. Её сын и дочь выбрались из ослабевших рук матери и поползли дальше к вершине крошечного островка.

Мать-яггутка опустила голову и упёрлась лбом в прохладный, влажный песок. Крупные песчинки с глухим упорством впивались в кожу. Ожоги были слишком свежими и ещё не залечились, да и не залечатся, скорее всего, – она потерпела поражение и знала, что смерть придёт вместе с преследователями.

К счастью, убивали они умело. Этих имассов не интересовали пытки. Один быстрый смертельный удар. Сперва для неё, затем – для детей. И с ними – с этой нищей, измученной семьёй – исчезнут последние яггуты на континенте. Милосердие является в разных обликах. Если бы они не соединили силы, чтобы сковать Рейста, все – имассы и яггуты – преклонили бы колени перед Тираном. Временное перемирие, вынужденное. Она знала достаточно, чтобы бежать, едва лишь Тиран оказался скован; знала и то, что клан имассов отправится в погоню.

Мать не испытывала горечи, но это не делало её менее отчаянной.

Она почувствовала, что на островке появился кто-то ещё, резко вскинула голову. Дети замерли от ужаса, глядя на возникшую перед ними женщину из имассов. Серые глаза матери сузились.

– Хитро, заклинательница. Мои чувства были направлены только на тех, кто шёл сзади. Что же, приступай.

Молодая черноволосая женщина улыбнулась.

– Не будешь торговаться, яггутка? Вы же всегда пытаетесь заключить сделку, только чтобы сохранить жизнь своим детям. Или ты уже разорвала нить родства с ними? Кажется, они ещё слишком маленькие для этого.

– Торговаться бессмысленно. Твои родичи всегда отказываются.

– Да, но *твои* родичи всё равно пытаются договориться.

– Я не буду. Убей нас. Быстро.

На плечи женщины из имассов была брошена шкура пантеры. Глаза у неё были чёрными, как блестящий в закатном свете мех зверя. Видно было, что эта женщина хорошо питается и, судя по большим, набухшим грудям, недавно родила. Яггутка не смогла прочесть выражение лица женщины, поняла только, что на нём нет обычной тени мрачной убеждённости, характерной для странных, круглых лиц имассов.

Заклинательница костей заговорила:

– На моих руках довольно крови яггутов. Я вас оставлю клану Крона, что найдёт вас завтра.

– Мне всё равно, – прорычала мать, – кто из вас убьёт нас, важно лишь то, что вы нас убьёте.

Широкий рот женщины дрогнул.

– Это я могу понять.

Усталость одолевала яггутку, но та сумела приподняться и сесть.

– Чего, – процедила она, задыхаясь, – ты хочешь?

– Предложить тебе сделку.

Тяжело дыша, мать всмотрелась в тёмные глаза заклинательницы и не увидела в них насмешки. Глаза яггутки на миг метнулись к сыну и дочери, а потом вновь встретили взгляд женщины.

Та медленно кивнула.

Когда-то в прошлом земля здесь треснула; распахнувшаяся рана оказалась столь глубокой, что из неё выплеснулась и разлилась от края до края река лавы. Огромная чёрная река камня и пепла покатила на юго-запад, к далёкому морю. Лишь самые маленькие растения сумели здесь удержаться, и под ногами заклинательницы, которая несла по яггутскому ребёнку на сгибе каждой руки, вздымались облачка удушливой пыли – а после оставались висеть в неподвижном воздухе у неё за спиной.

Мальчику было, как ей показалось, около пяти лет от роду; девочке, наверное, четыре. Оба, кажется, ничего толком не поняли и явно не осознали, что произошло, когда мать обняла их на прощанье. Бесконечное бегство через Л’амат и Яггра-Тиль потрясло обоих. А жуткая смерть отца, свидетелями которой они стали, тоже не слишком помогла детям успокоиться.

Они цеплялись за неё маленькими грязными ручками – мрачное напоминание о ребёнке, которого она недавно потеряла. Вскоре оба начали сосать её груди, выказывая отчаянный голод. А затем уснули.

Чем ближе она подходила к берегу, тем тоньше становился слой застывшей лавы. По правую руку вздымались холмы, переходящие вдалеке в горы. Прямо перед ней раскинулась плоская равнина, которую на расстоянии полулиги окаймляла невысокая гряда. Она не могла этого видеть, но знала, что по ту сторону гряды земля уходит вниз, к морю. По равнине были разбросаны холмики правильной формы, и заклинательница остановилась, чтобы рассмотреть их. Курганы располагались концентрическими кругами, а в центре высился крупный купол, покрытый доверху лавой и пеплом. На краю равнины, у подножия первого холма гряды, гнилым зубом высились развалины башни. Даже сами эти холмы, как она заметила ещё во время первого визита сюда, были расположены слишком равномерно, чтобы быть естественными.

Заклинательница подняла голову. Смешанные запахи ни с чем нельзя было спутать: один – древний и мёртвый, другой... не такой. Мальчик шевельнулся у неё на руках, но не проснулся.

– Ага, – пробормотала заклинательница, – ты тоже чувствуешь.

Она направилась по равнине к почерневшей башне.

Врата Пути зияли внутри здания, висели в воздухе на высоте шести человеческих ростов. Заклинательница видела их как красноватый рубец, не зажившую, но переставшую кровоточить рану. Она не сумела опознать Путь – из-за давних повреждений параметры врат были слишком искажены. И это её слегка встревожило.

Заклинательница уложила детей на землю у подножия башни и уселась на обломок стены. Она смотрела на двух маленьких яггутов, свернувшихся во сне на ложе из пепла.

– А есть ли у меня выбор? – прошептала она. – Это наверняка Омтоз Феллак. Точно не Телланн. Старвальд Демелейн? Вряд ли. – Она перевела взгляд на равнину, увидела сходившиеся круги курганов и нахмурилась. – Кто жил здесь? Кто ещё строил из камня? – Она

долго молчала, затем снова посмотрела на развалины. – Эта башня – последнее подтверждение, уж она – точно яггутская, её бы не стали строить совсем рядом с воротами враждебного Пути. Нет, это портал на Омтоз Феллак. Наверняка.

Но были и другие угрозы. Взрослый яггут, обнаружив на этом Пути двух детей чужой крови, с одинаковой лёгкостью может как убить их, так и усыновить.

– Тогда кровь запятнает чужие руки, яггутские. – Слабое утешение. *Всё равно, кто из вас убьёт нас, важно лишь то, что вы нас убьёте.* Женщина громко выдохнула сквозь стиснутые зубы. – А есть ли у меня выбор? – повторила она.

Она позволит им ещё немного поспать. А затем пошлёт во врата. Скажет мальчику: *позаботься о сестре. Идти недалеко. И обоим: ваша мать ждёт вас внутри. Ложь, но необходимая, чтобы придать им храбрости. Если она не сумеет вас найти, отыщет кто-то из её родичей. Идите – к безопасности, к спасению.*

В конце концов, что может быть хуже смерти?

Она встала, когда они приблизились. Пран Чоль принялся и нахмурился. Яггутка не открыла свой Путь. Но больше тревожило другое – где дети?

– Встречает нас спокойно, – пробормотал Канниг Тол.

– О да, – согласился заклинатель костей.

– Не верю я этому – нужно её убить, немедленно.

– Она хочет говорить с нами, – возразил Пран Чоль.

– Смертельный риск – удовлетворить это её желание.

– Не могу спорить, вождь клана. Но... что она сделала с детьми?

– Ты их не чувствуешь?

Пран Чоль покачал головой.

– Прикажи копейщикам быть наготове, – сказал он и шагнул вперёд.

В её глазах заклинатель увидел умиротворённость, и это ясное осознание собственной неизбежной смерти потрясло Пран Чоля. Он подошёл, сперва ступал по щиколотку в воде, затем выбрался на песчаный островок и встал лицом к лицу с яггуткой.

– Что ты сделала с ними? – требовательно спросил он.

Мать улыбнулась, так что обнажились клыки.

– Они ушли.

– Куда?

– Туда, где ты их не найдёшь, заклинатель.

Пран Чоль нахмурился ещё сильнее.

– Это наши земли. Нет в них такого места, где мы бы их не нашли. Ты их убила своей рукой?

Яггутка склонила голову набок, рассматривая имасса.

– Я всегда думала, что вы все едины в своей ненависти к моему народу. Всегда считала, что понятия сочувствия и милосердия чужды вашей натуре.

Заклинатель костей долго смотрел на женщину, затем отвёл взгляд и осмотрел мягкую, глинистую землю.

– Здесь был имасс, – проговорил он. – Женщина. Заклинательница... – *та самая, которую я не смог найти на тропах духа. Которая не захотела, чтобы её нашли.* – Что она сделала?

– Она изучила эту землю, – ответила яггутка. – И нашла врата на юге. Врата в Омтоз Феллак.

– Хорошо, – проговорил Пран Чоль, – что я – не мать. *А для тебя, женщина, хорошо, что я лишён жестокости.* – Он подал знак. Из-за спины заклинателя взметнулись тяжё-

лые копья. Шесть длинных, кремниевых наконечников пронзили кожу на груди яггутки, та пошатнулась, затем согнулась и упала на землю под стук древков.

Так закончилась тридцать третья Яггутская война.

Пран Чоль резко обернулся.

– У нас нет времени на погребальный костёр. Мы должны выступать на юг. Быстро.

Канниг Тол шагнул вперёд, а его воины двинулись к телу, чтобы выдернуть копья.

Вождь клана прищурился, глядя на заклинателя.

– Что тебя тревожит?

– Предательница забрала детей.

– На юг?

– В Морн.

Вождь нахмурился.

– Эта заклинательница костей хочет спасти яггутских детей. Она думает, что Разрыв ведёт на Омтоз Феллак.

Пран Чоль увидел, как кровь отлила от лица Канниг Тола.

– Спешу в Морн, заклинатель, – прошептал вождь клана. – Мы не жестоки. Спешу.

Пран Чоль поклонился. Затем его окутал Путь Телланн.

Легчайшего дуновения её силы хватило, чтобы послать яггутских детей вверх, к зияющим вратам. Девочка заплакала за миг до того, как оказалась у портала, закричала, призывая мать, которая, как она думала, ждала внутри. Затем две фигурки исчезли.

Заклинательница вздохнула и ещё некоторое время глядела вверх, высматривая признаки неудачного перехода. Однако древняя рана не открылась, поток силы не устремился наружу из врат. В них будто что-то изменилось? Заклинательница не была уверена. Это была незнакомая ей земля; она не впитала здесь с молоком матери ту чувствительность, которой обладала в землях клана Тарад, в сердце Первой империи.

Рядом открылся Путь Телланн. Женщина развернулась на месте, приготовилась принять облик одиночницы, превратиться...

Из портала выскочил полярный лис, при виде её замедлил бег, а после принял облик имасса. Она увидела молодого человека со шкурой его тотемного зверя на плечах и в украшенном оленьими рогами головном уборе. Его лицо было искажено страхом, взгляд устремлён не на заклинательницу, а на портал у неё за спиной.

Женщина улыбнулась.

– Приветствую тебя, заклинатель. Да, я отправила их туда. Твоя месть не достанет их, и я рада этому.

Взгляд его золотистых глаз устремился к ней.

– Кто ты? Из какого клана?

– Я ушла из своего клана, но когда-то считалась одной из Логросовых. Меня зовут Килава.

– Лучше бы тебе было позволить мне найти тебя вчера ночью, – сказал Пран Чоль. – Тогда я смог бы убедить тебя, что быстрая смерть – большая милость для этих детей, чем то, что ты с ними сделала, Килава.

– Они ещё маленькие, их усыновят...

– Ты пришла сюда, в Морн, – холодно перебил Пран Чоль. – В развалины древнего города...

– Яггутов...

– Не яггутов! Эта башня – да, их, но её выстроили много лет спустя, во времена между разрушением города и Т'ол Ара'дом – извержением лавы, которая погребла под собой то, что уже было мертво. – Он вскинул руку, указал на висевшие в воздухе врата. – Вот эта рана

уничтожила город, Килава. Путь за ней... ты не понимаешь? Это *не* Омтоз Феллак! Скажи мне, как запечатываются такие раны? Ты знаешь ответ, заклинательница!

Женщина медленно повернулась, взглянула на Разрыв.

– Если эту рану связывала душа, она должна была освободиться... когда вошли дети...

– Освободиться, – прошипел Пран Чоль, – *в результате обмена!*

Килава задрожала и вновь обернулась к нему.

– Так где же она? Почему не появилась?

Пран Чоль повернулся и глядел на центральный курган посреди равнины.

– На самом деле, – прошептал заклинатель, – она появилась. – Пран Чоль снова взглянул на Килаву. – Скажи, а сама ты отдашь жизнь за этих детей? Они теперь в ловушке, заключены в бесконечном кошмаре боли. Хватит ли твоего сострадания на то, чтобы пожертвовать собой? Совершить ещё один обмен? – Заклинатель внимательно посмотрел на неё, затем вздохнул. – Я так и думал. Утри слёзы, Килава. Лицемерие не к лицу заклинательнице костей.

– Что же... – смогла наконец произнести женщина, – что же освободилось?

Пран Чоль покачал головой. Снова взглянул на центральный курган.

– Не уверен, но рано или поздно нам придётся что-то с этим сделать. Подозреваю, что времени у нас в досталь. Этому созданию теперь нужно выбраться из собственной гробницы, а её тщательно запечатали чарами. Более того, мантия Т'ол Ара'да укрывает курган слоем камней. – Он помолчал и добавил: – Но времени-то нам хватит.

– Что ты имеешь в виду?

– Нас призвали на Соединение. Нас ждёт Обряд Телланна, заклинательница.

Та сплонула.

– Вы все сошли с ума. Выбрать бессмертие ради войны... это безумие. Я не явлюсь на зов, заклинатель.

Он кивнул.

– Однако же Обряд будет проведён. В странствиях духа я видел будущее, Килава. Я видел собственное иссохшее лицо через двести с лишним тысяч лет. Мы получим свою вечную войну.

В голосе Килавы прозвучала горечь.

– Мой брат будет доволен.

– Кто твой брат?

– Онос Т'лэнн, Первый Меч.

Пран Чоль обернулся.

– Ты – Отступница. Ты перебила своих родичей... свой клан...

– Да – чтобы разорвать связь и обрести свободу. Увы, умения моего старшего брата оказались во всём равны моим. Однако теперь мы *оба* свободны, хоть то, что я благословляю, Онос Т'лэнн проклинает. – Она обняла себя руками, и Пран Чоль увидел в ней глубокую неизбывную боль. Такой свободе он не завидовал. Килава снова заговорила: – А этот город? Кто его построил?

– К'чейн че'малли.

– Я слышала это имя, но почти ничего – о них самих.

Пран Чоль кивнул.

– Думаю, нам придётся узнать о них больше.

II

Континенты Корелри и Якуруку, Время Смерти

119 736 лет до Сна Огни

(три года после Падения Увечного Бога)

Падение уничтожило материк. Леса выгорели, огненные бури озаряли горизонт от края до края, окрашивали в пурпур застывшие небо облака из пепла. Пожар казался бесконечным, неудержимым, он длился неделями, месяцами, и в его рёве были слышны крики бога.

Боль породила ярость. Ярость – отраву, пагубу, которая никого не щадила.

Выжили немногие, вконец одичав, они бродили под вечно бурлящим тучами небом, по земле, изрытой огромными кратерами, которые теперь заполнились мутной, безжизненной водой. Семьи и роды распались, любовь оказалась слишком тяжким бременем. Они ели всё, что могли найти, нередко – друг друга, и на разорённый мир взирали жадным, хищным взглядом.

По этой земле шагала одинокая фигура. Путник кутался в прогнившие лохмотья, был он невысокий, черты его лица – невзрачные и неказистые. На этом лице лежала тёмная печать, в глазах горела тяжкая непреклонность. Он шёл, будто собирал все страдания в себе, не замечая их неимоверного веса; шёл, будто неспособен был смириться, отречься от даров собственного духа.

Банды оборванцев издали смотрели, как он, шаг за шагом, пересекал пустошь, которую в будущем назовут континентом Корелри. Голод толкал их вперёд, но глупцов среди выживших после Падения не осталось, поэтому живые сохраняли безопасную дистанцию, страх приглушил их любопытство. Ибо мужчина, ходивший среди смертных, был древним богом.

К'рул охотно принял бы в себя не только страдания, но и сами эти изломанные души, но он питался кровью, пролитой на землю, и знал: кровь эта рождает силу, которая скоро ему понадобится.

Там, где проходил К'рул, люди убивали друг друга: гибли мужчины, женщины, дети... Мрачная бойня была рекой, по которой плыл Старший бог.

Старшие боги воплощали явления жестокие и неприятные.

Падение разорвало чужеродного бога на части. Куски его тела падали на землю в потоках пламени. Боль его была огнём, криками и громом, этот глас услышала добрая половина мира. Боль. И ярость. И, подумалось К'рулу, горе. Много времени пройдёт, прежде чем чужеродный бог начнёт собирать оставшиеся фрагменты своей жизни и тем самым проявит свою природу. К'рул боялся прихода этого дня. Такое расчленение могло породить одно лишь безумие.

Призыватели были мертвы. Их погубила та самая сила, которую они вызвали. Бессмысленно было их ненавидеть, глупо воображать кары, которых они заслуживали. В конце концов, это был жест отчаяния. Отчаяние толкнуло их на то, чтобы разорвать ткань хаоса, открыть проход в чуждый, далёкий мир; затем подманить любопытного бога этого мира ближе, ещё ближе, пока ловушка не захлопнулась. Призыватели искали силы.

И всё это ради того, чтобы уничтожить одного человека.

Старший бог пересёк разрушенный материк, взглянул на ещё живую плоть Павшего бога, увидел чужеродных червей, которые выбрались из груды гниющего, пульсирующего мяса и костей. Увидел, чем стали затем эти черви. Даже сейчас, когда К'рул добрался до изломанного побережья Якуруку, древнего континента рядом с Корелри, они парили над Старшим богом на широких чёрных крыльях. Чували силу в нём, жаждали отведать её вкус.

Но могущественный бог мог не обращать внимания на падальщиков, вьющихся за ним, а К'рул был могущественным. Ему посвящали храмы. Бессчётные поколения проливали кровь на его алтарях. Новорождённые города купались в дыме кузнечных горнов, ритуальных костров, алом отблеске зари человечества. Восстала Первая империя – на материке в другой половине мира. Империя людей, рождённая из наследия т'лан имассов, у которых она и приняла своё название.

Но недолго она пробыла в одиночестве. Здесь, на Якуруку, в тени развалин городов давно вымерших к'чейн че'маллей, возникла другая империя. Жестокая, пожирающая души, под железной рукой воителя, не знавшего себе равных.

К'рул пришёл, чтобы уничтожить его, явился, чтобы разбить цепи двенадцати миллионов рабов – даже яггутские Тираны не властвовали над своими подданными с подобной жестокостью. Нет, чтобы добиться такого уровня тирании над себе подобными, потребовался смертный человек.

Двое других Старших богов приближались сюда, к Каллоровой империи. Решение было принято. Эти трое – последние из Старших – положат конец деспотичному правлению Верховного короля. К'рул чувствовал своих спутников. Оба были уже близко; оба некогда были ему друзьями, но все они – в том числе и сам К'рул – изменились, отдалились друг от друга. Это будет их первая встреча за тысячи лет.

Старший бог чувствовал присутствие четвёртого – древнего зверя, который бежал по его следу. Зверя земли, холодного дыхания зимы, зверя с белой, окровавленной шерстью, раненного почти смертельно этим Падением. Зверя, который теперь единственным оставшимся глазом взирает на разорённый край, бывший прежде его домом – задолго до основания империи. Зверь шёл по следу, но не приближался. И К'рул знал, что тот останется отстранённым наблюдателем, свидетелем всему, что произойдёт. Старший бог не чувствовал к нему жалости, но и к боли его равнодушен не был.

Все мы выживаем, как умеем, а когда приходит наш час, ищем место, чтобы умереть в одиночестве...

Каллорова империя раскинулась от моря до моря, на всём Якуруку, но до сих пор К'рул не встретил здесь ни души. Повсюду простиралась безжизненная пустошь. Воздух был серым от пепла и пыли, небо над головой налилось тяжестью, будто расплавленным свинцом. Старший бог ощутил первый приступ беспокойства, словно холодное дуновение коснулось его души.

Наверху с карканьем кружили богорождённые падальщики.

Знакомый голос прозвучал в сознании К'рула:

– *Брат, я на северном побережье.*

– А я на западном.

– *Ты встревожен?*

– Да. Всё здесь... мертво.

– *Сгорело дотла. Жар всё ещё теплится глубоко под слоем пепла. Пепла... и костей.*

Вступил третий голос:

– *Братья, я иду с юга, где прежде стояли города. Все они уничтожены. Отголоски предсмертных криков целого континента всё ещё звучит здесь. Может, нас обманывают? Это всё – иллюзия?*

К'рул обратился к первому из Старших, который заговорил с ним.

– Драконус, я тоже ощущаю этот смертный крик. Такая боль... воистину, она страшнее, чем мука Павшего. Если это не обман, как предполагает наша сестра, то... что же он наделал?

– *Мы все пришли в эту землю, и поэтому все чувствуем то же, что и ты, К'рул,* – ответил Драконус. – *Я тоже не уверен в истинности того, что мы видим. Сестра, ты уже приблизилась к чертогам Верховного короля?*

– Да, брат Драконус, – ответил третий голос. – *Вы с братом К'рулом присоединитесь ко мне, чтобы вместе противостоять этому смертному?*

– Мы идём.

Открылись врата Путей – одни на крайнем севере, другие прямо перед К'рулом.

Двое Старших богов оказались рядом со своей сестрой на зазубренной вершине холма, где ветер свистел среди пепла, сплетал из него погребальные венки и швырял в небо. Прямо перед ними на гряде обгорелых костей возвышался трон.

Сидевший на нём человек улыбнулся.

– Как видите, – прохрипел он, презрительно окинув взглядом богов, – я... подготовился к вашему приходу. О да, я знал, что вы явитесь. Драконус из рода Тиам. К'рул, Открыватель Троп. – Он перевёл взгляд серых глаз на богиню. – И *ты*. Милая моя, я-то полагал, что ты оставила свою... прежнюю сущность. Бродила среди смертных, притворялась второсортной чародейкой – такой отчаянный риск, хотя, возможно, именно он и привлекает тебя в игре смертных. Ты стояла на полях сражений, женщина. Одна неверная стрела... – Человек медленно покачал головой.

– Мы пришли, – проговорил К'рул, – чтобы положить конец ужасам твоего правления.

Брови Каллора приподнялись.

– Вы отнимете у меня то, что я с таким трудом сумел обрести? Пятьдесят лет, любезные мои соперники, я потратил, чтобы покорить весь континент. Возможно, Ардатха и лукавила – всегда запаздывала с тем, чтобы прислать мне положенную дань, – но я равнодушен к таким мелочным выходкам. Она сбежала, вы знали? Сучка. Думаете, вы первые бросили мне вызов? Круг призвал чужеземного бога. Да, ритуал у них слегка... не удался, что избавило меня от необходимости собственноручно убивать этих остолопов. А Павший? Что ж, он ещё некоторое время не оправится, и даже тогда – вы ведь не думаете, что он будет исполнять чью-то чужую волю? Я бы...

– Довольно, – прорычал Драконус. – Твоя болтовня нас утомляет, Каллор.

– Ну, хорошо, – вздохнул Верховный король. Он склонился вперёд. – Вы явились, чтобы освободить народ от моей тирании. Увы, я не из тех, кто по собственной воле отдаст власть. Ни вам, ни кому другому. – Он откинулся на спинку трона, вяло взмахнул рукой. – Потому я отказываю вам в том, в чём вы бы отказали мне.

И хотя истина была очевидна, К'рул не мог в неё поверить.

– Что ты...

– *Вы ослепли?* – завопил Каллор, сжимая подлокотники своего трона. – *Всё! Их больше нет! Хочешь разбивать цепи? Валяй – милости прошу! Все и всё вокруг вас теперь на воле! Свобода! Пепел! Кости! Вот она, свобода!*

– Ты и вправду испепелил целый континент? – прошептала Старшая богиня. – Яку-руку...

– Больше нет, и никогда уже не будет. То, что я сотворил, никогда не исцелится. Ты меня понимаешь? Никогда. И это всё твоя вина. Ваша. Костями и пеплом вымощена дорога благородства, по которой вы вздумали пройти. *Ваша дорога.*

– Мы не можем допустить...

– Всё уже случилось, глупая женщина!

К'рул мысленно обратился к своим родичам:

– *Это необходимо сделать. Я сотворю... место для всего этого. В себе.*

– *Путь, который вместит всё это?* – с ужасом переспросил Драконус. – *Брат мой...*

– *Нет, это необходимо сделать. Помогите мне, сотворить это будет нелегко...*

– *Это ломает тебя, К'рул,* – сказала сестра. – *Должен быть другой способ.*

– *Его нет. Оставить континент таким... нет, этот мир ещё слишком молод, чтобы нести на себе такой ирам...*

– А что с Каллором? – спросил Драконус. – Что мы сделаем с этим... созданием?

– Мы отметим его, – ответил К’рул. – Мы ведь знаем его самое сокровенное желание, не так ли?

– А срок его жизни?

– Долгий, друзья мои.

– Решено.

К’рул моргнул, перевёл тяжёлый взгляд на Верховного короля.

– За это преступление, Каллор, мы назначим тебе соразмерную кару. Знай: ты, Каллор Эйдеранн Тэс’тесула, будешь жить бесконечной жизнью смертного. Жизнью смертного, который подвластен разрушительной силе времени, боли от ран, мукам отчаянья. Того, чьи мечты обратятся в прах. Того, чья любовь истает и расточится, а дни и ночи отмечены будут тенью призрака Смерти, который всегда будет грозить отнять то, что ты не желаешь отдать.

Заговорил Драконус:

– Каллор Эйдеранн Тэс’тесула, ты никогда не *возйдёшь*.

Их сестра сказала:

– Каллор Эйдеранн Тэс’тесула, всякий раз, когда ты вознесёшься, падёшь. Всё, чего ты добьёшься, обратится пеплом в твоих руках. То, что ты по своей воле содеял здесь, будет возвращаться к тебе вновь и вновь.

– Три голоса проклинают тебя, – нараспев проговорил К’рул. – Да будет так.

Человек на троне задрожал. Губы его приподнялись в зловещем оскале.

– Я сокрошу вас. Каждого из вас. В этом я клянусь на костях семи миллионов жертв. К’рул, ты исчезнешь из мира и будешь забыт. Драконус, то, что ты создашь, обратится против тебя. А что до тебя, женщина, нечеловеческие руки разорвут твоё тело на поле брани, но покоя ты не найдёшь – таково моё проклятье тебе, Сестра Холодных Ночей. Каллор Эйдеранн Тэс’тесула, один голос, произнёс три проклятья. Да будет так!

Они оставили Каллора на троне, стоящем на груде костей. Они соединили силы, чтобы обернуть цепи вокруг континента, ставшего местом бойни, а затем утащили его на Путь, сотворённый лишь для этой единственной цели. Осталась лишь голая твердь, которая могла исцелиться. Это усилие сломило К’рула, оставило раны, которые – он знал – не заживут до конца его дней. И бог уже чувствовал упадок и забвенье, на которые обречён был его культ. Так сбывалось проклятье Каллора, – но, к удивлению К’рула, это причиняло меньшую боль, чем он мог бы вообразить.

...Трое стояли у портала, ведущего в новорождённое, безжизненное владение, и взирали на своё творение.

Затем Драконус сказал:

– Со времён Всеобщей Темноты я ковал меч. – К’рул и Сестра Холодных Ночей обернулись к нему, ибо ничего об этом не знали. Драконус продолжал: – Это заняло... долгое время, но я уже близок к завершению. Сила, вложенная в этот меч, наделена... необратимостью.

– Тогда, – прошептал, поразмыслив, К’рул, – ты должен внести изменения в план перед завершением.

– Похоже на то. Мне нужно как следует всё обдумать.

Они долго молчали, а затем К’рул и Драконус посмотрели на свою сестру. Та пожала плечами.

– Я буду беречься. В роковой час меня поразит предательство – и лишь оно. К нему невозможно подготовиться, иначе жизнь моя превратится в кошмар из вечных подозрений и недоверия. На это я не пойду. А до того дня я буду участвовать в смертной игре.

– Хотя бы, – пробормотал К’рул, – осторожнее выбирай, на чьей стороне сражаешься.

– Найди себе спутника, – посоветовал Драконус. – Достойного.

– Мудрые слова. Благодарю вас обоих.

Больше говорить было не о чем. Трое сошлись ради цели, которой теперь достигли. Пусть и не так, как сами бы того пожелали, но всё же – дело было сделано. А цена – заплачена. Добровольно. Три жизни и одна – разрушены. Для одного это стало началом вечной ненависти. Для троих – честной сделкой.

Старшие боги, как уже было сказано, воплощали явления жестокие и неприятные.

Издали зверь наблюдал, как три фигуры расстались и пошли в разные стороны. Его терзала боль, кровь пятнала белую шерсть, пустая глазница истекала алой влагой, ноги едва держали огромное тело. Зверь желал смерти, но смерть не приходила. Он жаждал отмщения, но те, кто ранил его, были уже мертвы. Оставался лишь человек, который разорил и разрушил дом зверя.

Настанет время расплатиться и по этому счёту...

И последнее жгучее желание коснулось измученной души зверя. Где-то там, среди пламени и хаоса Падения, он потерял свою подругу и остался один. Но может, она ещё жива. Может, бродит, раненая, как и он сам, по истерзанным пустошам и ищет его.

Или, возможно, бежала – от боли и ужаса – на Путь, который придал огонь её духу.

Куда бы она ни ушла – если, конечно, осталась в живых – он найдёт её.

Три фигуры вдалеке открыли Пути, шагнули – каждый в собственное Старшее Владение.

Зверь решил не идти ни за кем из них. Они были юными созданиями, если сравнивать с ним самим и его подругой, а Путь, на который она могла бежать, был намного древней владений Старших богов.

Зверя ждала опасная дорога, и страх коснулся его истерзанного сердца.

За открывшимся перед зверем порталом бушевала пронизанная серыми нитями буря силы. Он колебался лишь миг, а затем прыгнул вперёд.

И исчез.

Книга первая. Искра и пепел

Пять магов, адъютант, бесчисленные имперские демоны, а также катастрофа в Даруджистане – всё оправдывало в глазах общественности решение Императрицы объявить вне закона Дуджека Однорукого и его потрёпанные легионы. То, что это позволило Однорукому и его Войску начать новую кампанию, на сей раз в качестве независимой армии, и заключить новые сомнительные союзы, которым было суждено привести к продолжению ужасной Магической канонады в Генабакисе, можно было бы считать случайностью. Разумеется, бесчисленные жертвы тех разрушительных времён могли бы, по милости и с разрешения Худа, озвучить совершенно противоположное мнение. Возможно, самой поэтичной деталью кампании, которую затем стали именовать Паннионской войной, своего рода предвестьем её, следует считать тот момент, когда Яггутский Тиран, шагая к своей гибели в Даруджистане, бездумно и легко разрушил единственный каменный мост через реку...

Имригин Таллобант (род. 1151).

Войны Империи. Паннионская война, 1194–1195.

Том IV: Генабакис

Глава первая

Воспоминания ткнутся в гобелен на холодной стене —

Скажите, друзья, какая по нраву вам нить,

И я расскажу, какова суть вашей души...

Ильбарес-Ведьма. Жизнь снов

1164-й год Сна Огни

(два месяца спустя после Празднества в Даруджистане)

Год четвёртый Паннионского Домина

Телланнский год Второго Соединения

Плиты, некогда вытесанные из гадробийского известняка, а теперь разбитые и опалённые, валялись в прибрежном иле, будто неведомый бог, повинувшись сиюминутному капризу, взмахнул рукой и смёл каменный мост с лица земли. И Остряку казалось, что это не такое уж и преувеличение.

Вести о разрушении добрались в Даруджистан меньше чем за неделю, когда первые идущие на восток караваны оказались у переправы и обнаружили, что на месте надёжного моста лежит теперь лишь груда камней. Ходили слухи о древнем демоне, которого выпустили агенты Малазанской империи, он, мол, спустился с Гадробийских холмов и намеревался ни много ни мало уничтожить весь Даруджистан.

Остряк сплюнул на почерневшую траву рядом с повозкой. В этих рассказах он серьёзно сомневался. Спору нет, в ночь Празднества два месяца тому произошли разные странные события – хотя сам он, конечно, был мертвецки пьян и ничего не заметил – и полным-полно свидетелей, подтверждающих, что над городом и вправду видели драконов, демонов и даже опускавшееся Лунное Семя, но любой ритуал – настолько могущественный, чтобы разру-

шить целое поселение – дотянулся бы до Даруджистана. А поскольку город отнюдь не превратился в вонючую грудку закопчённого камня (точнее, превратился, но не в большей мере, чем после любого общегородского праздника), значит, и ритуала никакого не было.

Нет, куда вероятней всё-таки рука бога. Или, может, землетрясение – хотя Гадробийские холмы обычно не трясёт. Но вдруг Огнь неудачно повернулась в своём вечном сне.

Так или иначе, истина была очевидна. Она лежала, валялась, рассыпавшись обломками до самых Худовых Врат и дальше. Факт оставался фактом: в какие бы там игры ни играли боги, расплачиваться всегда приходится таким, как он – бедным да голодным неудачникам.

Старый брод – в тридцати шагах выше по течению от разрушенного моста – снова ожил. Им уже сотни лет никто не пользовался, а неделя неожиданных в это время года дождей превратила оба берега в болото. Переправу осаждали караваны: одни на бывшем склоне, а другие в разбухшей реке или топком болоте; а позади на дороге ждали своей очереди десятки других – и с каждым колоколом напряжение торговцев, охранников и животных нарастало.

Ждали уже два дня, и Остряк был доволен своим отрядом, который представлял собой маленький островок спокойствия. Драсти подобрался к остаткам первой опоры моста и теперь сидел на камнях с удочкой в руках. Скалла Менакис привела бесшабашную группу других охранников к фургону Сторби, который был совсем не против продавать алчбинский эль кувшинами и по заоблачным ценам. А трактирщику из-под Сольтана, которому на самом деле предназначались бочонки, просто не повезло. Если дальше так пойдёт, здесь скоро образуется рынок, а потом и целый городок, Худ его бери. Рано или поздно какой-нибудь сообразительный чинуша в Даруджистане сообразит, что неплохо бы восстановить мост, а ещё лет через десять это наконец сделают. Если, конечно, городок не станет причиной для беспокойства. А если станет – пришлют сборщика налогов.

Не меньше подчинённых Остряка радовало непоколебимое спокойствие нанимателя. Говорили, торговец Манкай на другом берегу реки так взбеленился, что у него в голове сосуд лопнул, и бедняга умер, где стоял, – последствия обычного для купцов темперамента. Но мастер Керули был на них настолько непохож, что Остряк едва не усомнился в своём привычном, выпестованном презрении ко всему торговому роду. Впрочем, список странностей Керули заставил капитана охраны заподозрить, что тот и вовсе не из торговцев.

Хотя не важно. Деньги есть деньги, а Керули платит хорошо. Даже лучше среднего, если быть точным. И посему Остряку всё равно, будь нынешний наниматель хоть переодетым князем Арардом.

– Эй! Господин!

Остряк оторвал взгляд от бесплодных попыток Драсти что-то поймать. Рядом с повозкой стоял и шурился на него седой старик.

– Ишь, раскомандовался, – прорычал капитан охраны, – а судя по лохмотьям, ты либо самый бедный в мире торговец, либо его слуга.

– Личный слуга, совершенно верно. Меня зовут Эмансипор Риз. Что до бедности моего хозяина, то совсем напротив, он богат. Мы, однако же, изрядное время провели в дороге.

– Верю, – проговорил Остряк, – поскольку говор твой мне незнаком, а уж я много кого слышал на своём веку. Чего тебе нужно, Риз?

Слуга поскрёб серебристую щетину на подбородке.

– Осторожные расспросы среди людей недвусмысленно указывают, что вы пользуетесь уважением, насколько это возможно для охранника каравана.

– Насколько это возможно для охранника каравана, так, наверно, и есть, – сухо заявил Остряк. – Надо чего?

– Мои хозяева желают поговорить с вами, сэр. Если вы не слишком заняты – мы разбили лагерь неподалёку отсюда.

Откинувшись, Остряк некоторое время рассматривал Риза, затем хмыкнул.

– Чтоб разговаривать с другими торговцами, мне надо получить разрешение у своего нанимателя.

– Разумеется, господин! И извольте заверить его, что мои хозяева не имеют ни малейшего желания сманить вас или иным способом склонить к нарушению контракта.

– Да ну? Ладно, жди здесь. – Остряк спрыгнул с повозки с противоположной стороны от Риза. Шагнул к небольшой резной дверке, постучал. Дверца открылась, и в относительном мраке фургона замаячило круглое, безучастное лицо Керули.

– Да, капитан, разумеется, идите. Признаюсь, мне любопытно, что за хозяева у этого человека. Будьте внимательны, запоминайте все подробности грядущей встречи. И, если возможно, определите, чем они занимались со вчерашнего дня.

Капитан хмыкнул, чтобы скрыть удивление от неестественно глубоких познаний Керули – тот ещё ни разу не выходил из фургона, – и сказал:

– Как пожелаете, господин.

– Ах да, и заберите Скаллу на обратном пути. Она слишком много выпила и стала вести себя слишком агрессивно.

– Тогда её лучше забрать прямо сейчас. А то наделает в ком-нибудь дырок этой своей папирой. Я её знаю.

– Хорошо. Тогда пошлите Драсти.

– Кхм, он ей скорее поможет, господин.

– Но вы хорошо отзывались об обоих.

– Верно, – ответил Остряк. – Не хочу показаться нескромным, господин, но если мы троём берёмся за контракт, то стоим шестерых, когда дело доходит до защиты хозяина и его товаров. Поэтому дорого берём за службу.

– А вы запросили высокую цену? Ясно. Гм-м. В таком случае сообщите своим спутникам, что, если они воздержатся от потасовок, получают заметную премию вдобавок к оговорённой плате.

Остряк чуть не ахнул.

– Кхм, это наверняка поможет, господин.

– Отлично. Скажите об этом Драсти и отправьте за Скаллой.

– Слушаюсь.

Дверца закрылась.

Драсти уже возвращался к фургону. В одной мощной руке он держал удочку, а в другой – махонькую рыбёшку. Его ярко-голубые глаза сверкали от возбуждения.

– Смотри, полудурок недоверчивый! Я поймал ужин!

– Ужин для монастырской крысы? Я такую одной ноздрей занюхаю и даже не чихну.

Драсти нахмурился.

– Уха. Запах будет...

– Замечательно. Обожаю уху с запашком тины. Глянь только, бедняжка даже не дышит – она уже, наверное, мёртвая была, когда ты её поймал.

– Я ей камнем саданул между глаз. Остряк...

– Махонький небось был камешек.

– Ну всё, теперь точно не получишь ни капли...

– И благодарю за это богов. А сейчас слушай. Скалла там напивается...

– Странно. Вроде я драки не слышал...

– Керули пообещал премиальные, если её и не будет. Понимаешь?

Драсти покосился на дверцу повозки, затем кивнул.

– Я передам Скалле.

– Поторопись.

– Ладно.

Остряк посмотрел вслед Драсти, который потрусил прочь, продолжая сжимать удочку и улов. Руки у него были громадные – слишком длинные и мускулистые для такого щуплого тела. Сражаться Драсти предпочитал двуручным мечом, купленным у кузнеца в Байке Мертвеца, но в его руках этот клинок летал так, будто был сделан из бамбука. Копна светлых волос висела на макушке Драсти, словно моток спутанной лески. Незнакомцы обычно смеялись, когда впервые видели его, но Драсти объяснял им ошибку с помощью клинка – плоской его частью. Весьма убедительно.

Остряк вздохнул и вернулся к Эмансипору Ризу.

– Веди, – буркнул он.

Риз быстро закивал.

– Прекрасно!

Фургон был огромный – настоящий дом на высоких колёсах. Странно изогнутый каркас покрывала сложная резьба, крашенные фигурки на нём приплясывали и карабкались вверх с мрачными ухмылками. Козлы прикрывал от солнца выцветший тент. Четыре вола стояли в самодельном загоне в десяти шагах по ветру от лагеря.

Хозяева Риза явно ценили одиночество, поскольку остановились на заметном расстоянии от дороги и остальных торговцев, отсюда открывался прекрасный вид на всхолмье к югу от дороги и широкую равнину за ним.

Лежащая на подножке чесоточная кошка следила за приближающимися Ризом и Остряком.

– Твоя? – спросил капитан.

Риз покосился на охранника, затем вздохнул.

– Да, сэр. Её зовут Белка.

– Любой алхимик или свечная ведьма вылечит чесотку.

Слуге явно стало не по себе.

– Я обязательно этим озабочусь, как только мы прибудем в Сольтан, – пробормотал он. – Ага, – Риз кивнул в сторону холмов за дорогой, – вот и мастер Бошелен.

Остряк обернулся и увидел высокого, угловатого мужчину, который уже вышел на дорогу и теперь неторопливо шагал к ним. Дорогой длинный плащ чёрной кожи, высокие сапоги для верховой езды, серые леггинсы и под свободной шёлковой рубахой – тоже чёрной – блеск чёрной кольчуги.

– Чёрный, – сказал Ризу капитан, – в Даруджистане был в моде год назад.

– У Бошелена чёрный всегда в моде, сэр.

Лицо торговца было бледным, его вытянутую треугольную форму подчёркивала аккуратно подстриженная борода. Блестящие от масла волосы были отброшены назад с высокого лба.

Глаза у Бошелена оказались матово-серые – такие же бесцветные, как и он сам, – но встретив их взгляд, Остряк почувствовал приступ животной тревоги.

– Капитан Остряк, – произнёс мягким, учтивым тоном Бошелен, – ваш наниматель шпионит и даже не слишком скрывается. Но хотя мы обычно не склонны вознаграждать подобное любопытство в отношении наших дел, на сей раз сделаем исключение. Идите за мной. – Он взглянул на Риза. – У твоей кошки сильное сердцебиение. Я бы рекомендовал её незамедлительно успокоить.

– Конечно, хозяин.

Остряк положил ладони на рукояти своих парных сабель и хмуро посмотрел на Бошелена. Рессоры взвизгнули, когда слуга взобрался на козлы.

– Итак, капитан?

Остряк не шевельнулся. Бошелен приподнял тонкую бровь.

– Уверяю, ваш наниматель был бы чрезвычайно рад, если бы вы исполнили мою просьбу. Если же, тем не менее, вы боитесь – возможно, вам лучше попросить его поддержать вас за ручку на время нашего общения. Но должен предупредить: вытащить его наружу может оказаться чрезвычайно сложным предприятием – даже для человека вашего телосложения.

– Рыбу когда-нибудь ловили? – спросил Остряк.

– Рыбу?

– Та, которая клюёт на любую наживку, – молодая и состариться не успеет. Я работаю с караванами больше двадцати лет, господин. Не молодой уже. Хотите, чтоб клевало, – забрасывайте удочку в другом месте.

Бошелен сухо улыбнулся.

– Вы меня убедили, капитан. Продолжим?

– Ведите.

Они пересекли дорогу. По старой козьей тропе поднялись на всхолмье. Лагерь торговцев по эту сторону реки быстро скрылся из глаз. Выжженная противоестественным пламенем трава пятнала все склоны и вершины вокруг, хотя кое-где уже начали пробиваться свежие зелёные ростки.

– Огонь, – заметил на ходу Бошелен, – исключительно важен для трав, что растут в прериях. Как и миграции стад бхедеринов, которые тысячами тяжёлых копыт утрамбовывают тонкий слой почвы. Увы, появление коз скоро уничтожит всю зелень на этих холмах. Но я начал с важности огня, не так ли? Насилие и разрушение равно важны для жизни. Вы не находите это странным, капитан?

– Станным, господин, я нахожу только то, что почему-то не захватил с собой восковой дощечки.

– Значит, где-то учились. Как любопытно. Вы ведь мечник, верно? Зачем вам буквы и цифры?

– А вы – человек букв и цифр, зачем вам выдавший виды меч на поясе и дорогая кольчуга?

– К несчастью, побочным эффектом массового образования является недостаток уважения.

– Здоровый скептицизм, вы хотели сказать.

– Скорее, презрение к авторитетам. Отвечая на ваш вопрос: вы могли заметить, что у нас лишь один, довольно пожилой слуга. Никакой охраны. Необходимость в самозащите – важнейший элемент нашей профессии...

– И что же это за профессия?

Они вышли на хоженую тропу, вьющуюся меж холмов. Бошелен остановился, с улыбкой взглянул на Остряка.

– Вы меня радуете, капитан. Теперь я понимаю, почему о вас столь высоко отзываются в караван-сараях. Вы – редкость среди них, умеете работать мозгами. Идёмте, мы почти пришли.

Они обогнули изломанный склон холма и оказались у края свежего кратера. Земля по краю представляла собой полосу оплавленной глины вперемешку с обломками каменных блоков. Остряк прикинул, что кратер, должно быть, около сорока шагов в диаметре и четыре-пять сажень в глубину. Неподалёку сидел мужчина, также облачённый в чёрное, с лысиной цвета высохшего пергамента. Несмотря на крупное телосложение, он совершенно бесшумно поднялся и с текучей грацией обернулся к спутникам.

– Это Корбал Брош, капитан. Мой... партнёр. Корбал, перед нами Остряк – имя, несомненно, оскорбительно намекает на определённые черты его характера.

Если Бошелен встревожил капитана, то при виде этого человека – его широкого, круглого лица, глазок, тонувших в складках плоти, толстогубого рта с опущенными уголками, лица детского и в то же время несказанно чудовищного – по всему телу Остряка пробежала волна ужаса. И вновь чувство это было глубоко инстинктивным, будто Бошелена и его партнёра окутывала некая злотворная аура.

– Ясно теперь, почему у кошки сердце колотилось, – тихо пробормотал себе под нос капитан. Он отвёл взгляд от Корбала Броша и осмотрел кратер.

Бошелен подошёл к Остряку и остановился рядом.

– Вы понимаете, что перед вами, капитан?

– Вижу, не дурак. Это яма в земле.

– Очаровательно. Когда-то здесь стоял курган. Внутри был заключён Яггутский Тиран.

– Был.

– Именно. Вмешалась далёкая империя, насколько я могу судить. И с помощью т'лан имасса смогла освободить это создание.

– Вы, значит, верите этим рассказам, – проворчал Остряк. – Если такое произошло, то куда же он, Худово семя, делся?

– Нас это тоже заинтересовало, капитан. Мы – чужеземцы на этом континенте. До недавнего времени мы не слыхали ни о Малазанской империи, ни о чудесном городе Даруджистане. Однако во время нашего, увы, краткого пребывания в нём слышали рассказы о недавних событиях. Демоны, драконы, убийцы... И Дом Азатов, именуемый Финнэст, который, хотя и недоступен для входа, уже успел обзавестись обитателями – мы посетили Дом, разумеется. Более того, мы слышали рассказы о летающей крепости под названием Семя Луны, которая некоторое время парила над городом...

– Да, я её видел своими глазами. Покинула город за день до меня.

Бошелен вздохнул.

– Увы, похоже, мы прибыли слишком поздно, чтобы лично узреть все эти мрачные чудеса. Семенем Луны правит владыка тисте анди, как я понимаю?

Остряк пожал плечами.

– Может быть. Я лично слухам не доверяю.

Наконец-то взгляд Бошелена стал жёстким. Капитан внутренне улыбнулся.

– Слухам. Разумеется.

– Это вы мне хотели показать? Эту... яму?

Бошелен приподнял бровь.

– Не совсем. Эта *яма* — лишь вход. Мы собираемся посетить яггутскую гробницу.

– Благослови вас Опонны, – сказал Остряк и отвернулся.

– Я полагаю, – проговорил у него за спиной Бошелен, – что ваш хозяин действительно порекомендует вам сопровождать нас.

– Да пусть обрекомендуется, – отрезал капитан. – У меня в контракте ничего не написано про то, чтобы тонуть в жидкой глине.

– Пачкаться в глине в наши намерения не входит.

Остряк покосился через плечо и криво ухмыльнулся.

– Это была фигура речи, Бошелен. Прошу прощения, если вы недопоняли. – Он снова развернулся и зашагал к тропе. Затем остановился. – Вы хотели увидеть Семя Луны, господа? – Он указал рукой на юг.

Словно огромная чёрная туча, базальтовая крепость висела над горизонтом.

Гравий заскрипел под сапогами, и Остряк оказался между двумя странными спутниками, которые пристально смотрели на летающую гору вдали.

– Масштаб, – пробормотал Бошелен, – определить непросто. Сколько до неё?

– Я бы сказал лига, может, больше. Уж поверьте, господа, на мой вкус, она и так слишком близко. Я уж побыл в её тени в Даруджистане – никак этого было не избежать – и клянусь, чувство это отнюдь не приятное.

– Не удивлюсь, если так. Что она там делает?

Остряк пожал плечами.

– Летит вроде бы на юго-восток...

– Так вот отчего этот наклон.

– Нет. Её повредили над Крепью. Маги Малазанской империи.

– Серьёзные люди эти маги.

– Они там все и погибли. Ну или почти все. Так говорят. Но хоть они и смогли повредить Семя Луны, владыка-то остался цел. Если пробить дыру в заборе только для того, чтобы тебя потом стёр в порошок хозяин дома, – это «серьёзно», можно и так сказать.

Корбал Брош наконец заговорил. Голос у него был высокий и тонкий.

– Бошелен, он нас чувствует?

Его спутник нахмурился, не сводя глаз с Семени Луны, затем покачал головой.

– Я не замечаю подобного внимания, направленного на нас, друг мой. Однако этот разговор нам стоит продолжить в более узкой компании.

– Хорошо. То есть ты не хочешь, чтобы я убил этого охранника?

Остряк в испуге отступил на шаг и наполовину выдвинул из ножен сабли.

– Попробуешь – пожалеешь, – прорычал он.

– Успокойтесь, капитан, – улыбнулся Бошелен. – У моего партнёра довольно простые представления...

– Простые, как у гадюки.

– Возможно. Тем не менее, уверяю, вы в полной безопасности.

Хмурясь, Остряк продолжил отступать в сторону тропы.

– Мастер Керули, – прошептал он, – если вы всё это видите, а я думаю, что видите, – надеюсь, премия мне полагается знатная. И если мой совет для вас что-то значит, я бы рекомендовал держаться подальше от этих двоих.

За миг до того, как кратер скрылся из виду, Остряк увидел, как Бошелен и Корбал Брош отвернулись от него и Семени Луны. Они некоторое время смотрели в яму, а затем начали спускаться вниз и пропали с глаз.

Вздыхнув, Остряк развернулся и пошёл обратно к лагерю, поводя плечами, чтобы избавиться от охватившего мышцы напряжения.

Выйдя на дорогу, он снова поднял взгляд, чтобы посмотреть на Семя Луны, которое теперь казалось слегка размытым из-за расстояния.

– Эй, владыка, лучше бы ты унюхал запахок этого Бошелена и Корбала Броша. И сделал с ними то же, что сделал с Яггутским Тираном – если ты, конечно, приложил к этому руку. Лекари это называют превентивным вмешательством. Надеюсь, что не придёт тот день, когда мы все горько пожалеем, что ты не проявил к ним интереса.

Уже шагая по дороге, он взглянул на Эмансипора Риза, который сидел на козлах и одной рукой гладил кошку на коленях. Чесотка? Остряк подумал. *Сомневаюсь.*

Громадный волк кружил над телом, низко склонив голову так, чтобы бесчувственный смертный всегда оставался в поле зрения единственного глаза.

На Путь Хаоса редко заходили гости. Из этих немногих самыми редкими были смертные люди. Волк бродил по этому яростному миру уже столько времени, что даже ему самому оно казалось бесконечным. Одиноким, потерянным уже так давно, что в его сознании начали складываться новые образы, рождённые одиночеством; мысли бежали по

непредсказуемым, случайным тропам. Мало кто сумел бы разглядеть разум в диком блеске его глаза, но разум был там.

Волк кружил с низко опущенной головой. Мощные мускулы перекачивались под тусклым белым мехом. Единственный глаз буравил лежащего человека.

Яростное сосредоточение работало, удерживало предмет интереса в состоянии безвременном – случайное последствие силы, которую волк вобрал в себя на этом Пути.

Волк мало помнил об иных существующих мирах, за пределами Хаоса. Он ничего не знал о смертных, которые поклонялись ему как богу. Однако определённое понимание пришло к нему, инстинктивное чувство, которое говорило о... возможностях. О потенциалах. О выборах, которые стали доступны волку в тот миг, когда он нашёл этого слабого смертного.

Но всё равно зверь колебался.

Риск был велик. И решение, которое сейчас набирало силу в его голове, заставляло волка нервно дрожать.

Волк продолжал кружить, подходя по спирали всё ближе и ближе к бесчувственной фигуре. Наконец взгляд одинокого глаза упал на лицо человека.

И зверь понял, что этот дар – истинный. Ничто иное не могло объяснить то, что зверь увидел в лице человека. Дух-отражение, точное в каждой черте. От такой возможности нельзя отказаться.

И всё же – волк колебался.

Но лишь до того момента, пока перед его внутренним взором не встало древнее воспоминание. Образ, замороженный, поблекший, источенный временем.

Но этого хватило, чтобы спираль замкнулась.

И всё свершилось.

Он заморгал своим единственным целым глазом, а затем увидел бледно-голубое, чистое небо. Рубцовая ткань, скрывавшая то, что осталось от второго глаза, безумно зудела, будто насекомые забрались под кожу. На голове у него был шлем с поднятым забралом. Снизу острые камни впивались в тело.

Он лежал неподвижно, пытаясь припомнить, что же произошло. Вот перед ним распахнулся тёмный разрыв – он упал туда, полетел туда. Лошадь под ним исчезла, звон тетивы. Чувство тревоги, разделённое со спутником. Другом, который скакал рядом. Капитаном Параном.

Ток Младший застонал. *Локон. Безумная кукла. Мы попали в засаду.* Обломки памяти срослись воедино и вызвали волну страха. Он перекатился на бок под дружное возмущение ноющих мышц. *Худов дух, это же не равнина Рхиви.*

Во все стороны, насколько хватало глаз, раскинулось поле изломанного чёрного стекла. В сажени над ним висела в недвижимом воздухе серая пыль. Слева, примерно в двухстах шагах монотонный плоский ландшафт нарушал холм.

В горле саднило. Глаз слезился. Солнце над головой пылало. Закашлявшись, Ток сел, и под его телом захрустел обсидиан. Он увидел рядом свой роговой изогнутый лук, потянулся и забрал его. Колчан был пристёгнут к седлу лошади. Куда бы Ток ни попал, верный виканский скакун не смог пойти за ним. Если не считать ножа у пояса и временно бесполезного лука в руках, у Тока не осталось ничего. Ни воды, ни пищи. Осмотрев лук, Ток нахмурился ещё сильнее. Тетива растянулась.

Сильно. Значит, я пробыл... не здесь... довольно долго. Не здесь. А где? Локон забросил его на какой-то Путь. Каким-то образом там пропало время. Ток не испытывал сильной жажды или особого голода. Но даже если бы у него остались стрелы, лук уже не был натянут

как следует. Хуже того, тетива высохла, воск впитал обсидиановую пыль. Её уже не перетянешь. Это значит, прошли дни, если не недели, но тело говорит о другом.

Ток поднялся на ноги. Кольчуга под туникой зазвенела, с неё посыпалась блестящая пыль.

Может, я на Пути? Или он выплюнул меня обратно? В любом случае нужно уходить с этой безжизненной равнины вулканического стекла. Если, конечно, она хоть где-то кончается...

Ток зашагал в сторону холма. Не слишком высокого, но Ток был готов воспользоваться любой доступной точкой обзора. Вскоре он увидел и другие холмики – расположенные за первым в правильном порядке. *Курганы. Отлично, просто обожаю курганы.* И центральный – больше всех остальных.

Ток обошёл первый холм, отметив, что кто-то прорыл ход внутрь. Наверное, грабители могил. Через некоторое время он остановился, повернулся и подошёл ближе. Присел на корточки рядом с тоннелем, заглянул в глубь наклонного хода. Насколько Ток мог разглядеть – примерно на рост человека в глубину, – мантия обсидиана уходила дальше. То, что эти курганы вообще были видны, говорило о внушительных размерах: скорее купольные гробницы, а не толосы.

– И всё равно, – пробормотал Ток, – мне это не нравится.

Он остановился, прокручивая в памяти события, которые привели к такой... плачевной ситуации. Губительный дождь Лунного Семени ознаменовал лишь начало. А затем – огонь и боль, потеря глаза, касание, обезобразившее уродливым шрамом когда-то юное и, как говорили, привлекательное лицо.

Он ехал на север по равнине, чтобы найти Лорн, адъюнкта, потом – схватка с баргастами клана Ильгрес. Потом вернулся в Крепь, там опять неприятности. Лорн взяла его за узду, напонила, что он – курьер Когтей. *Курьер? Давай говорить правду, Ток, особенно самому себе. Ты был шпионом. Но переметнулся. Стал разведчиком в Войске Однорукого. Им, и только им был, пока не появилась Лорн.* Неприятности в Крепи. Сначала Рваная Снасть, потом капитан Паран. Бегство, погоня.

– Экая каша, – проворчал Ток.

И Локон прихлопнул его, как муху, бросил на какой-то зловещий Путь. *Где я... задержался. Наверное. Худ меня бери, пора уже снова начать думать по-солдатски. Соберись. Не делай резких движений. Думай про то, как выжить в таком странном, негостеприимном месте...*

Ток продолжил путь к центральному кургану. Несмотря на пологие склоны, он был по меньшей мере в три человеческих роста высотой. Карабкаясь наверх, Ток закашлялся ещё сильнее.

Усилия его были вознаграждены. Оказавшись на вершине, он обнаружил вдали кольцо меньших гробниц. Прямо впереди, в трёх сотнях шагов за кольцом, но почти невидимая в дымке пыли, поднималась скалистая гряда холмов. Чуть ближе слева высились развалины каменной башни. Небо за ней мерцало болезненным красным светом.

Ток взглянул на солнце. Когда он очнулся, оно прошло едва ли четверть дневного пути; теперь висело прямо над головой. Ток смог сориентироваться. Холмы лежали к северо-западу, а башня – к западу и на несколько делений к северу.

Его взгляд снова привлекла красноватая кайма в небе за башней. Нет, не показалось, она пульсировала ритмично, словно сердце. Ток поскрёб рубец на месте левого глаза, вздрогнул от вспышки цветов, которые в ответ хлынули в его сознание. *Там чародейство. О, боги, я начинаю люто ненавидеть всякое колдовство.*

В следующий миг его внимание привлекли более близкие детали. Северный склон центрального кургана был изуродован глубокой ямой с неровными, поблёскивающими краями.

У подножия высилась груда обработанного камня, на котором ещё просматривались следы красной краски. Через некоторое время Ток осознал, что этот кратер выкопали не грабители могил. Что бы это ни было, оно двигалось *изнутри* могилы, яростно рвалось наружу. *В этом месте, похоже, даже мёртвые не спят вечным сном.* На миг Током овладела тревога, но он с тихим проклятьем подавил дрожь. *Бывало и похуже, солдат. Помнишь того т'лан имасса, которого подобрала адъютант? Иссохший лаконизм на двух ногах, сохрани нас всех Беру. Тёмные глазницы без тени или блеска милосердия. Он баргаста проткнул насквозь, как рхиви – равнинного кабана.*

Не сводя взгляда с ямы на склоне кургана, он продолжал думать о Лорн и её немёртвом спутнике. Они хотели освободить такое беспокойное создание, выпустить в мир дикую, злонамеренную силу. Ток гадал, удалось ли им это. Пленнику гробницы, на которой он сейчас стоял, пришлось преодолеть ужасные преграды – защитные чары, толстые стены, а затем сажени и сажени спрессованного, битого стекла. *Ну, учитывая альтернативы, я бы на его месте был не менее отчаянным и решительным. Сколько же времени это заняло? Как жестоко в конце концов пострадал разум того создания, что вырвалось отсюда?*

Ток задрожал, и движение вызвало новый приступ кашля. Были в этом мире тайны, и мало какие из них – приятные.

Он спустился, обогнув яму, и направился к разрушенной башне. Вряд ли обитатель гробницы надолго здесь задержался. *Я бы захотел убраться отсюда как можно дальше и так быстро, как только возможно.* Невозможно было определить, сколько времени прошло с момента освобождения, но Ток нутром чуял, что оно измерялось в годах, если не десятилетиях. В любом случае он почему-то не чувствовал страха, несмотря на мрачный ландшафт и все тайны, скрытые под измученной землёй. Если и была здесь некая опасность, она давно миновала.

В сорока шагах от башни он чуть было не споткнулся о труп. Тело замаскировал тонкий слой пыли, и когда Ток оступился, эта пыль тучей взвилась в воздух. Выругавшись, малазанец сплюнул мелкое крошево.

Сквозь мутное облако он разглядел, что кости принадлежали человеку. Низкорослому, коренастому. Сухожилия высохли до орехово-коричневого цвета, а меховые шкуры, частично укрывавшие труп, прогнили до дыр. На мёртвой голове держался костяной шлем, сделанный из черепа какого-то рогатого зверя. Один из рогов уже давно обломился. Рядом валялся покрытый пылью двуручный меч. *Помянешь Худа к ночи...*

Ток Младший хмуро посмотрел на лежавшую на земле фигуру.

– А ты что тут делаешь? – спросил он.

– Жду, – ответил т'лан имасс сухим, как старая кожа, голосом.

Ток порылся в памяти, чтобы извлечь имя неупокоенного воина.

– Онос Т'лэнн, – произнёс он, страшно довольный собой. – Из клана Тарад...

– Теперь меня зовут Тлен. Лишённый клана. Получивший свободу.

Свободу? Свободу делать что, хотел бы я знать? Валяться тут посреди пустоши?

– А где адъютант? И где мы?

– Нигде.

– Это ответ на который из вопросов, Тлен?

– На оба.

Ток закрипел зубами, пытаясь подавить страстное желание от души пнуть т'лан имасса.

– Ты можешь объяснить понятнее?

– Возможно.

– И?

– Адъюнкт Лорн умерла в Даруджистане два месяца назад. Мы находимся в древнем месте, которое называется Морн, в двух сотнях лиг к югу от этого города. Полдень только что миновал.

– Полдень миновал, говоришь. Вот спасибо за откровение. – Току совсем не нравилось разговаривать с созданием, которое провело на земле сотни тысяч лет, и в итоге он сбивался на сарказм – а это опасный подход. *Будь серьёзней, идиот. Кремнёвый меч у него не для красоты.* – Вы двое освободили Яггутского Тирана?

– Ненадолго. Усилия Империи по покорению Даруджистана провалились.

Ток нахмурился, скрестил руки на груди.

– Ты сказал, что ждёшь. Чего ты ждёшь?

– Она уходила на время. Скоро вернётся.

– Кто?

– Та, кто поселилась в башне, солдат.

– Ты бы мог хотя бы встать, когда говоришь со мной?

Прежде, чем я поддамся искушению...

Под скрип суставов т'лан имасс поднялся, пыль каскадами посыпалась с его широких плеч. Что-то сверкнуло в глубине глазниц, когда Тлен посмотрел на Тока, а затем нагнулся, чтобы подобрать свой кремнёвый меч.

О, боги, лучше бы я его уговаривал лежать дальше. Иссошенная кожа, натянутые мускулы, тяжёлые кости... а шевелится так, будто живой. Ох, как же Император их любил. Эту армию не нужно было ни кормить, ни транспортировать, она могла попасть куда угодно и сделать почти всё, что угодно. И никаких дезертиров – кроме вот этого.

Но как покарать т'лан имасса за дезертирство?

Долгое время они просто смотрели друг на друга, а затем Ток сказал:

– Мне нужна вода. И еда. И ещё нужно найти стрелы. И тетиву. – Малазанец расстегнул и стащил с головы шлем. Кожаная шапка под ним насквозь промокла от пота. – Можем мы подождать в башне? У меня от этой жары мозг вскипает.

И почему я говорю так, будто ожидаю, что ты мне поможешь, Тлен?

– В тысяче шагов на юго-запад лежит берег моря, – ответил Тлен. – Там можно найти пропитание и взморник, который пойдёт на тетиву, пока не сыщется подходящая жила. Пресной воды я, увы, не чувю. Возможно, обитательница башни проявит щедрость, хотя это менее вероятно, если она, вернувшись, застанет тебя внутри. Стрелы можно сделать. Поблизости есть солончаковое болото, там найдём костяной тростник. Поставим силки на прибрежных птиц, получим оперение. Наконечники... – Тлен обернулся, чтобы оглядеть обсидиановую равнину. – Недостатка в заготовках я не предвижу.

Хорошо, значит, ты решил мне помочь. Хвала Худу.

– Что ж, надеюсь, ты не забыл, как колоть камни и плести взморник, т'лан имасс, не говоря уж о том, чтобы сделать из костяного тростника – кстати, что это? – подходящие древки, потому что я себе вообще не представляю, как это сделать. Когда мне нужны стрелы, я их обычно прошу у интенданта, а когда приходит груз – там железные наконечники и стрелы прямые, как водопроводная труба.

– Я не утратил навыков, солдат...

– Поскольку адъюнкт так и не удосужилась нас представить по всей форме... Меня зовут Ток Младший, и я не солдат, а разведчик...

– Ты служил Когтям.

– Но они меня ничему не учили – ни искусству убийц, ни магии. Кроме того, я, в некотором смысле, отрёкся от этой роли. Теперь я хочу только вернуться в Войско Однорукого.

– Долгий путь.

– Я уже понял. Значит, чем раньше начну, тем лучше. Скажи, как далеко простираются эти пустоши?

– Семь лиг. Дальше начинается равнина Ламатат. Когда доберёшься до неё, двигайся на северо-северо-восток...

– Куда я так попаду? В Даруджистан? Дуджек осадил город?

– Нет. – Т'лан имасс вдруг обернулся. – Она идёт.

Ток проследил за взглядом Тлена. На юге виднелись три фигуры, которые приближались к внешнему кольцу курганов. Из них лишь центральная шла на двух ногах. Стройная, в лёгкой белой талабе, какие носят высокородные женщины Семи Городов. Чёрные волосы – прямые и длинные. Рядом шли две собаки, та, что слева, была размером с холмового пони, косматая, похожая на волчицу, другая – та, что справа, – была короткошёрстная, мышастая, крепкая и мускулистая.

Поскольку Тлен и Ток стояли на виду, не увидеть их было невозможно, но троица не выказала и тени удивления, шли, как и шли. Когда они оказались в дюжине шагов, волкоподобная собака выбежала вперёд, подскочила к т'лан имассу и завиляла хвостом.

Глядя на эту сцену, Ток поскрёб подбородок.

– Старая подруга, да, Тлен? Или она у тебя просит косточку поиграть?

Немёртвый воин молча посмотрел на него.

– Шутка, – сказал Ток и пожал плечами. – Не очень удачная. Не думал, что т'лан имассы способны обижаться.

Точнее, надеюсь, что неспособны. Ох, боги, чем бы себе рот заткнуть...

– Я размышлял, – неторопливо проговорил Тлен. – Этот зверь – ай, и потому предпочитает плоть. Чем свежее, тем лучше.

Ток крикнул.

– Ясно.

– Шутка, – добавил Тлен после паузы.

– Ага.

Вот это да! Может, ещё не всё так плохо. Чудеса не кончаются.

Т'лан имасс протянул руку и дотронулся кончиками костистых пальцев до широкой головы аяя. Зверь замер.

– Старая подруга? Да, мы принимали айев в свои племена. Либо так, либо дать им умереть с голоду. Это мы, видишь ли, виновны в том, что им стало нечего есть.

– Виновны? Перебили всю их добычу на охоте? Я-то думал, что имассы были с природой единое целое. Все эти духи, обряды умиротворения...

– Ток Младший, – перебил его Тлен, – ты сам насмехаешься надо мной или одно лишь твоё невежество? Даже лишайник в тундре не живёт в мире. Всё – борьба, война за доминирование. И проигравшие исчезают.

– И мы ничем не лучше, это ты хочешь сказать...

– Мы лучше, солдат. У нас есть привилегия выбора. Дар предвидения. Хотя часто мы слишком поздно признаём эту ответственность...

Т'лан имасс склонил голову, разглядывая аяя и, казалось, собственную костистую руку на голове зверя.

– Баальджагт ждёт твоего приказа, дорогой воитель, – сказала певучим голосом женщина. – Как мило. Гарат, иди к сестре, поздоровайся с нашим неупокоенным гостем. – Она перехватила взгляд Тока и улыбнулась. – Гарат может решить, что твоего спутника стоит получше закопать – правда это было бы весело?

– В некотором смысле, – согласился Ток. – Ты говоришь по-даруджийски, но одета в талабу из Семи Городов...

Её брови взлетели вверх.

– Правда? Ох, какое недоразумение! Но заметь, господин, ты сам говоришь по-даруджийски, хоть и родом из империи этой закомплексованной женщины... как там её зовут?

– Императрица Ласиин. Малазанская империя.

И как ты могла это понять? Я ведь не в армейской форме...

Незнакомка улыбнулась.

– Верно.

– Я – Ток Младший, а т'лан имасса зовут Тлен.

– Очень подходит. Ах, тут очень жарко, тебе не кажется? Давайте укроемся в яггутской башне. Гарат, хватит обнюхивать т'лан имасса, разбуди слуг.

Ток смотрел, как дюжий пёс трусит к башне. Малазанец только теперь заметил, что вход открывался через балкон, вероятно, второго этажа – ещё одно подтверждение глубины слоя вулканического стекла.

– Судя по виду, жить тут не очень удобно, – заметил он.

– Внешность обманчива, – пробормотала она и снова сверкнула улыбкой, от которой у Тока чуть сердце не остановилось.

– Как же вас зовут? – поинтересовался Ток, когда они зашагали к башне.

– Это госпожа Зависть, – откликнулся Тлен. – Дочь Драконуса, того, который выковал меч Драгнипур и был сражён этим самым клинком – его теперешним владельцем, Аномандром Рейком, владыкой Лунного Семени. Говорят, у Драконуса было две дочери, которых он назвал Зависть и Злоба...

– Худов дух, ты шутишь, – пробормотал Ток.

– Его такие имена тоже наверняка позабавили, – невозмутимо продолжил т'лан имасс.

– Ну вот, – вздохнула госпожа Зависть, – взял и испортил мне всё веселье. Мы прежде встречались?

– Нет. Но тем не менее, я знаю тебя.

– Похоже на то! Должна признать, с моей стороны было неоправданно скромно надеяться, что меня не узнают. В конце концов, я не раз сталкивалась с т'лан имассами. То есть раза два, не меньше.

Тлен смотрел на неё своим бездонным взглядом.

– Зная, кто ты, я всё равно не имею ответа на загадку твоего теперешнего появления в Морне, госпожа, если тебе будет угодно разыгрывать скромность. Я желаю знать, что ты ищешь в этом месте.

– Что же ты этим имеешь в виду? – насмешливо спросила госпожа Зависть.

Когда они подошли ко входу в башню, в проёме появилась фигура в маске и кожаных доспехах. Ток замер.

– Это же сегулех! – Он резко обернулся к госпоже Зависти: – Твой слуга – сегулех!

– Так они называются? – Она наморщила лобик. – Знакомое слово, хотя подробностей не могу припомнить. Ну и ладно. Я вызнала их личные имена, но ничего более. Они оказались рядом и заметили меня – вот этот, которого зовут Сену, и ещё двое. Решили, что их путешествие будет менее однообразным, если убьют меня. – Зависть вздохнула. – Увы, теперь они служат мне. – Она обратилась к сегулеху. – Сену, твои братья уже проснулись?

Низкий, проворный мужчина склонил голову, глаза в прорезях маски ничего не выражали.

– Я так поняла, – сообщила Зависть Току, – что этот жест означает согласие. Они не слишком-то разговорчивые, как выяснилось.

Ток покачал головой, не сводя глаз с парных широких мечей, висевших на боках под руками Сену.

– Только он один из всех троих прямо взаимодействует с тобой, госпожа?

– Кстати, да. Не обращала на это внимания... Это важно?

– Это означает, что он на самой низкой ступени в их иерархии. Двое других выше того, чтобы говорить с несегулехами.

– Какое высокомерие!

Разведчик ухмыльнулся.

– Я ни одного прежде не видел, но слышал много. Они живут на острове к югу отсюда, говорят, народ замкнутый, к странствиям не склонный. Но наслышаны о них на севере до самого Натилога.

И Худ меня бери, как наслышаны!

– Хм-м, я почувствовала в них некоторое очаровательное высокомерие. Проводи нас внутрь, милый Сену.

Сегулах не шевельнулся. Он увидел Тлена и теперь неотрывно смотрел на т'лан имасса.

Шерсть на загривке айя встала дыбом, волчица вышла вперёд и замерла между двумя фигурами.

– Сену? – вкрадчиво протянула госпожа Зависть.

– Я думаю, – прошептал Ток, – он бросает Тлену вызов.

– Какая нелепость! Зачем ему это делать?

– Для сегулахов ранг означает всё. Если сомневаешься в иерархии, испытывай её. Времени зря они не тратят.

Госпожа Зависть нахмурилась, глядя на Сену.

– Веди себя прилично, юноша! – Она взмахнула рукой и указала на комнату внутри башни.

Сену при этом жесте вздрогнул.

Невыносимый зуд вдруг охватил шрам Тока. Он принялся яростно его почёсывать и тихонько выругался.

Сегулах отступил в маленькую комнатку, затем ещё миг помешкал, прежде чем повести остальных к двери напротив. Изогнутый коридор привёл их в центральный зал, посреди которого уходила вверх винтовая лестница. Стены зала были сложены из грубой, шлифованной пемзы. В дальнем конце зала стояли три известняковых саркофага, крышки ровным рядом прислонились к стене напротив. Рядом сидел пёс, которого послала вперёд госпожа Зависть. Рядом со входом расположился круглый деревянный столик, на котором лежали свежие фрукты, мясо, сыр и хлеб, а также стояли запотевший глиняный кувшин и несколько чаш.

У стола застыли два спутника Сену, словно стражи, готовые отдать жизнь за это богатство. Оба походили на Сену сложением и ростом и были вооружены так же; различались они только своими масками. Если у Сену эмалированную поверхность покрывали тёмные узоры, то у остальных двоих украшений было меньше. Одна маска была разрисована лишь немного менее обильно, чем у Сену, зато у третьего на щеках виднелись лишь две чёрные полосы – по одной под каждым глазом. Из прорезей этой маски смотрели глаза чёрные и твёрдые, как обсидиан.

Увидев т'лан имасса, этот сегулах сначала замер, затем сделал шаг вперёд.

– Да что ж такое! – прошипела госпожа Зависть. – Вызовы запрещены! Ещё одна такая выходка, и я потеряю терпение...

Все сегулехи отступили на шаг назад.

– Ну вот, – проговорила женщина, – так намного лучше. – Она обратилась к Току: – Утоли голод и жажду, юноша. В кувшине сольтанское белое вино, должным образом охлаждённое.

Ток никак не мог отвести взгляд от сегулаха в белой маске с двумя метками.

– Если прямой взгляд означает вызов, – тихо проговорила госпожа Зависть, – я бы посоветовала – ради мира и покоя, не говоря уж о твоей жизни – воздержаться от того, что ты сейчас делаешь, Ток Младший.

Малазанец крикнул от неожиданности и тут же отвёл взгляд от сегулеха.

– Это мудро, госпожа. Просто я никогда не слышал о... ладно, не важно. – Он подошёл к столу и потянулся к кувшину.

За спиной у Тока вспыхнуло быстрое движение, затем раздался глухой звук и через всю комнату пролетело тело, ударившись о противоположную стену. Ток резко развернулся и увидел Тлена: т'лан имасс стоял с мечом в руках и смотрел на двух оставшихся сегулехов. Сену неподвижно лежал в десяти шагах от них – мёртвый или без сознания. Оба его меча успели покинуть ножны лишь наполовину.

Рядом с Тленом волчица по имени Баальджагт смотрела на тело и виляла хвостом.

Госпожа Зависть пронзила других сегулехов ледяным взглядом.

– Раз уж моих приказов никто не слушает, все последующие столкновения я оставляю на усмотрение т'лан имасса. – Она обернулась к Тлену. – Сену умер?

– Нет. Я ударил плоской стороной клинка, госпожа, ибо не хотел убить одного из твоих слуг.

– Очень мило с твоей стороны, учитывая обстоятельства.

Дрожащей рукой Ток взялся за ручку кувшина.

– Позволишь налить и тебе, госпожа Зависть?

Женщина посмотрела на него, приподняла бровь, затем улыбнулась.

– Отличная идея, Ток Младший. Соблюдать приличия по силам явно только нам с тобой.

– Что ты узнала, – спросил её Тлен, – о Разрыве?

С чашей в руках Зависть обернулась к т'лан имассу.

– А ты, я вижу, во всём и всегда сразу рубишь с плеча. Его запечатали. Смертной душой. Как тебе, несомненно, известно. Предметом моего исследования была тем не менее природа этого Пути. Он не похож на другие. Портал кажется почти... механическим.

Разрыв? Так вот что за красная кайма в воздухе... Уф.

– Ты осмотрела гробницы к'чейн че'маллей, госпожа?

Зависть наморщила носик.

– Бегло. Они все пусты и пусты уже давно. Десятки лет.

С тихим скрипом Тлен склонил голову набок.

– Только десятки?

– Да уж, неприятная деталь. Я полагаю, Матрона столкнулась с серьёзными трудностями на пути наружу, затем – прежде чем освободить своих детей – потратила ещё некоторое время на отдых, чтобы оправиться после такого испытания. Она со своим выводком продолжила раскопки в погребённом городе на северо-западе, но не завершила, словно результаты оказались неудовлетворительными. Затем они, видимо, вовсе ушли отсюда. – Она помолчала, затем добавила: – Быть может, важно, что Матрона была первой душой, скреплявшей Разрыв. Остаётся лишь предположить, что сейчас там находится другая несчастная душа.

Т'лан имасс кивнул.

Всё это время Ток ел, а сейчас уже принялся за вторую чашу бодрящего холодного вина. От попыток разобраться, о чём идёт речь, у него голова пошла кругом – он это обдумает позже.

– Мне нужно идти на север, – сказал он, отрываясь от ломтя зернистого хлеба. – Не сможешь ли, госпожа, снабдить меня необходимыми припасами? Я буду у тебя в долгу... – Он резко замолк, увидев алчную вспышку в её глазах.

– Будь осторожен с тем, что предлагаешь, юноша...

– Прошу прощения, но почему ты называешь меня «юношей»? Тебе на вид едва сравнялось двадцать пять.

– Ах, как лестно. Значит, несмотря на то, что Тлен меня опознал – и сказать по правде, его познания немало меня беспокоят, – прозвучавшие имена ничего тебе не сказали.

Ток пожал плечами.

– Об Аномандре Рейке я, разумеется, слышал. Не знал, что он отобрал меч у кого-то другого – и понятия не имею, когда это произошло. Теперь, конечно, понятно, что ты можешь испытывать к нему вражду, ведь Рейк убил твоего отца... как его звали? Драконуса. Малазанская империя разделяет это чувство. Итак, имея общих недругов...

– Мы автоматически становимся союзниками. Разумное предположение. К несчастью, ошибочное. Тем не менее я с радостью дам тебе столько еды и питья, сколько сможешь унести, однако оружия у меня, к сожалению, нет никакого. Взамен я могу однажды попросить тебя об услуге – ничего особенного, разумеется. Что-то мелкое и относительно безболезненное. Это приемлемо?

Ток почувствовал, что теряет аппетит. Он взглянул на Тлена, но мёртвое лицо т'лан имасса оставалось безучастным. Малазанец нахмурился.

– Ты меня застала врасплох, госпожа Зависть.

Она улыбнулась.

А я-то надеялся, что мы сменим простую вежливость на что-то... более интимное. Вот, опять ты, Ток, думаешь не тем мозгом...

Её улыбка стала шире. Ток покраснел и одним глотком осушил чашу.

– Хорошо, я принимаю твоё предложение.

– Меня восхищает твоё самообладание, Ток Младший.

Он чуть не подавился вином. *Не был бы я мечом меченным одноглазым ублюдком, кланусь богами, признал бы это за флирт.*

Тлен заговорил:

– Госпожа Зависть, если ты хочешь больше узнать об этом Разрыве, ты не найдёшь ответов здесь.

Ток испытал неожиданное удовлетворение, увидев потрясение на её лице.

– В самом деле? Похоже, не только я здесь разыгрываю ложную скромность. Можешь объяснить?

Предугадав ответ, Ток Младший фыркнул и тут же втянул голову в плечи, когда Зависть бросила на него мрачный взгляд.

– Возможно, – предсказуемо ответил Тлен.

Ха! Я так и знал.

В её тоне зазвучали жёсткие нотки:

– Тогда изволь объяснить.

– Я иду по древнему следу, госпожа Зависть. Морн – лишь одна из остановок на этом пути. Теперь он ведёт на север. Я могу обрести нужные тебе ответы среди тех, которых ищу сам.

– Ты хочешь, чтобы я пошла с тобой.

– Мне всё равно, – равнодушно проскрипел Тлен. – Однако если ты решишь остаться здесь, я должен предупредить: играть с Разрывом опасно – даже для подобных тебе.

Она скрестила руки на груди.

– Думаешь, мне не хватает разумной осторожности?

– Уже теперь ты зашла в тупик, отчаяние твоё растёт. Добавлю ещё одну причину, госпожа Зависть. Твои прежние спутники сходятся туда же – к Паннионскому Домину. Аномандр Рейк и Каладан Бруд готовятся вести войну против Домина. Веское решение – неужели оно не возбуждает твоё любопытство?

– Ты не простой т’лан имасс, – обвинительным тоном заявила Зависть.

Тлен ничего не ответил.

– Похоже, он застал тебя врасплох, – сказал Ток, едва сдерживая веселье.

– Я нахожу дерзость чрезвычайно непривлекательной, – отрезала она. – Что стало с твоим учтивым хладнокровием, Ток Младший?

Он сам удивился внезапному желанию броситься к её ногам и молить о прощении. Отмахнувшись от этой бредовой идеи, Ток сказал:

– Выкипело.

Выражение её лица внезапно смягчилось. Безумное желание вдруг вернулось. Ток почесал шрам и отвёл глаза.

– Я не хотела тебя уязвить...

Ага, конечно, а у Королевы грёз куриные лапы.

– ... и от всей души прошу прощения. – Зависть снова обернулась к Тлену. – Что ж, тогда все мы отправимся в путешествие. Восхитительно! – Она жестом подозвала своих слуг-сегулехов. – Готовьтесь к походу!

Тлен сказал Току:

– Я сейчас соберу материалы для твоего лука и стрел. Сделаем всё остальное по пути.

Разведчик кивнул, затем добавил:

– Я бы не прочь посмотреть, как ты будешь их делать, Тлен. Полезно знать такие вещи.

Т’лан имасс некоторое время размышлял, затем кивнул.

– И мы так считали.

Все обернулись на громкий стон к стене, у которой лежал Сену. Он пришёл в себя и обнаружил, что волчица стоит над ним и с явным удовольствием вылизывает узоры на маске.

– Краска, – обычным невозмутимым тоном объяснил Тлен, – похоже, сделана из слюны, угля и человеческой крови.

– Вот что я называю, – пробормотал Ток, – жутким пробуждением.

Госпожа Зависть проскользнула совсем рядом с ним, направляясь к дверям, и бросила на малазанца взгляд.

– Ах, я уже предвкушаю, какая это будет чудесная прогулка!

От одного лёгкого касания в животе у Тока будто свились змеи. Несмотря на бешено колотившееся сердце, малазанец и сам не знал, радоваться ему или ужасаться.

Глава вторая

Войско Однорукого истекало кровью из бесчисленных ран. Бесконечная военная кампания – череда поражений, за которой следовали лишь доставшиеся ещё более дорогой ценой победы. Но из всех ран, терзавших армию Дуджека Однорукого, самой тяжёлой была рана в душе...

Всадник Хурлокель. Серебряная Лиса

Устроившись на склоне холма, среди скал и валунов, капрал Хватка наблюдала за стариком, который с трудом карабкался по тропе. Его тень скользнула по убежищу Дымки, но старик даже не заподозрил, что она совсем рядом. Подняв клубы пыли, Дымка встала у него за спиной и сделала несколько знаков руками, предназначенных Хватке.

Старик безмятежно продолжал свой путь. Когда он был уже в шести шагах, Хватка поднялась, серый покров, оставшийся после утренней пылевой бури, посыпался вниз, когда она вскинула арбалет.

– Стоять, путник, – прорычала она.

От неожиданности старик отступил на шаг, под ногу ему попался камешек, он упал на землю, но всё же успел вывернуться так, чтобы не приземлиться на кожаный мешок за плечами. Старик соскользнул ещё на шаг вниз по тропе и остановился практически у ног Дымки.

Хватка улыбнулась, шагнула вперёд.

– Сойдёт, – сказала она. – Ты на вид не опасный, дедок, но на всякий случай учти, на тебя сейчас смотрят ещё пять арбалетов. Так что давай рассказывай, какого Худа ты вообще здесь делаешь?

Поношенную тунику старика покрывали пятна пота и пыли. Загорелый широкий лоб нависал над узким, практически лишённым подбородка лицом. Кривые, неровные зубы торчали во все стороны, так что улыбка у старика превращалась в зрелище весьма сомнительное. Он подтянул затянутые в кожаные штаны ноги и медленно выпрямился.

– Тысяча извинений, – прохрипел старик, оглядываясь через плечо на Дымку. Вздрогнул от того, что увидел в её глазах, и поспешно повернулся к Хватке. – Я думал, на этой тропе нет никого – даже воров. Видите ли, я вложил в этот товар все мои сбережения – я не могу себе позволить нанять охрану, да что там – даже мула купить...

– Ты, выходит, торговец, – протянула Хватка. – Куда направляешься?

– В Крепь. Я из Даруджистана...

– Это как раз очевидно, – перебила Хватка. – Штука в том, что Крепь нынче в руках имперцев... и эти холмы тоже.

– Я не знал – в смысле, не знал про эти холмы. Разумеется, мне известно, что Крепь попала в объятья малазанцев...

Хватка ухмыльнулась, глядя на Дымку.

– Слыхала? *Объятья*. Вот это ты сказал, старик. Как мамочкины обнимашки, да? А в мешке у тебя что?

– Я ремесленник, мастер, – ответил старик, склонив голову. – Э-э-э... резчик. Всякие безделушки из кости простой и слоновой, нефрита, змеевика...

– «Вложил сбережения» – это заклинания и всё в таком духе? – спросила Хватка. – Благословлённые вещи?

– Вложил только свой талант – это что до ответа на первый вопрос. Я не маг и работаю один. Однако же мне повезло получить благословение жреца для набора из трёх торквесов слоновой кости...

– Жреца какого бога?

– Трича, Тигра Лета.

Хватка фыркнула.

– Он же не бог, дурень. Трич – Первый герой, полубог, взошедший-одинокник...

– Новый храм освятили во имя его, – перебил старик. – На улице Безволосой Обезьяны в Гадробийском квартале – меня самого наняли изготовить кожаный переплёт для Книги молитв и обрядов.

Хватка закатила глаза и опустила арбалет.

– Ладно, давай посмотрим на эти торквесы.

Согласно кивнув, старик снял с плеч мешок и поставил перед собой. Развязал единственный ремешок.

– Не забывай, – проворчала Хватка, – если решишь что-то учудить, сразу получишь дюжину стрел прямо в череп.

– Я ведь мешок, а не штаны расстёгиваю, – пробормотал торговец. – К тому же стрел вроде было только пять.

Хватка нахмурилась.

– Нашего полку, – тихо проговорила Дымка, – прибыло.

– Точно! – спохватилась Хватка. – Два полных взвода сидят в укрытии, следят за каждым твоим движением.

С подчёркнутой осторожностью старик вытащил небольшой свёрток из перетянутой бечевой замши.

– Слоновая кость, говорят, древняя, – произнёс он почтительно. – Из бивня косматого чудища, каковые были когда-то излюбленной добычей Трича. Труп такого зверя нашли в мерзлоте в далёком Элингарте...

– Это всё можно пропустить, – буркнула Хватка. – Показывай уже свои проклятые цацки.

Седые тонкие брови торговца в ужасе взметнулись.

– Проклятые?! Нет-нет! Неужели вы думаете, что я бы решился продать проклятые украшения?

– Да не ори, это же было просто растреклятое выражение. Пошевеливайся, а то мы тут весь проклятый день проторчим.

Дымка тихо хрюкнула, но мгновенно затихла под разъярённым взглядом своего капрала.

Старик развернул свёрток, стали видны три браслета на бицепсы, каждый из цельного куска, лишённый украшений, отполированный до мерцающего блеска.

– А где метки благословения?

– Их нет. Каждый из них был завернут в покрывало, сотканное из выпавшей во время линьки шерсти самого Трича – на девять дней и десять ночей...

Дымка снова хрюкнула.

– Выпавшей во время линьки? – Хватка поморщилась. – Фу, как отвратительно.

– Штырь бы с тобой не согласился, – пробормотала Дымка.

– Набор из трёх браслетов, – глубокомысленно протянула Хватка. – На правую руку, на левую... а третий куда? И следи за языком! Мы с Дымкой – нежные цветочки.

– Все для одной руки. Все три – цельные, однако сплетаются. Таково было благословение.

– Сплетаются, но бесшовные? Вот это я бы хотела увидеть.

– Увы, я не могу продемонстрировать это волшебство, ибо оно свершится лишь единожды, когда покупатель наденет их на свою правую руку.

– Да ну! От этой истории обманом несёт за десять лиг.

– Слушай, он у нас тут на виду, – проговорила Дымка. – Обманщики работают только там, где могут быстро и безопасно сбежать.

– Например, в толпе на рынках Крепи. Это точно. – Хватка ухмыльнулась, глядя на старика. – Только мы ведь не на рынке, да? Сколько?

Торговец поёжился.

– Вы избрали мою самую дорогую работу – я собирался выставить её на аукцион...

– Сколько, старик?

– Т-три сотни з-золотых советов.

– Советов. Это новая монета Даруджистана, да?

– Крепь приняла за стандарт малазанскую джакату, – заметила Дымка. – Какой курс?

– Будь я проклята, если знаю, – проворчала Хватка.

– С вашего позволения, – вмешался торговец, – обменный курс в Даруджистане – две с третью джакаты за один совет. Комиссия менялы будет не меньше одной джакаты. Так что, строго говоря, одна с третью.

Дымка перенесла вес на другую ногу, наклонилась вперёд, чтобы получше рассмотреть торквесы.

– На три сотни советов можно целую семью содержать в довольстве несколько лет...

– Такова моя цель, – заявил старик. – А поскольку живу я один и весьма скромно, рассчитываю протянуть года четыре, если не больше, включая покупку материалов для своего ремесла. Но если я выручу меньше трёх сотен советов – я разорён.

– У меня прямо сердце разрывается, – сказала Хватка. Она покосилась на Дымку. – Кто бы тут отказался?

Та пожала плечами.

– Собери-ка три столбика.

– Так точно, капрал. – Дымка прошла мимо старика и бесшумно двинулась вверх по тропе, пока не пропала из виду.

– Умоляю, – заскулил торговец, – не платите мне в джакатах...

– Успокойся, – буркнула Хватка. – Опонны тебе сегодня улыбнулись. Теперь отойди от мешка. Я его должна обыскать.

Кланяясь, старик отступил.

– Всё остальное стоит намного меньше. Признаюсь, сделано на скорую руку...

– Я больше ничего покупать не собираюсь, – сообщила Хватка, перерывая содержимое мешка. – Это уже официальный досмотр.

– А-а, понимаю. А какие-то товары нынче запрещены в Крепи?

– Ага, например, поддельные джакаты. Местная экономика задыхается, так что даруджистанские советы тоже не слишком приветствуются. У нас на прошлой неделе был такой улов...

Торговец выпучил глаза.

– Вы мне заплатите фальшивой монетой?!

– Искушение велико, конечно, но нет. Говорю же, Опонны тебе подмигнули. – Закончив обыск, Хватка отступила и вытащила из сумки на поясе восковую табличку. – Я должна записать твоё имя, торговец. По этой тропе ходят в основном контрабандисты, которые пытаются обойти пост на дороге в Разделе – ты, считай, первый честный купец здесь. А хитрые контрабандисты платят тут вдесятеро от того, что дали бы на дороге внизу, а ведь там бы им было намного легче проскользнуть – хаос, толпа, всё такое.

– Меня зовут Мунуг.

Хватка подняла глаза.

– Вот не повезло-то.

По тропе спустилась Дымка с тремя завёрнутыми в ткань столбиками монет в руках.

Торговец робко пожал плечами, не сводя глаз с денег.

– Это советы!

– Так точно, – пробормотала Хватка. – Столбиками по сотне – ты небось спину надорвёшь, когда будешь тащить их сперва в Крепь, а потом обратно. Хотя тебе теперь в самую Крепь можно и не ходить, верно? – Она пристально посмотрела на торговца, убирая табличку в сумку.

– Это было бы разумно, – согласился Мунуг, наново заворачивая торквесы и передавая их Дымке, – но я всё равно отправлюсь в Крепь – продать остальные свои изделия. – Его глаза беспокойно забегали, торговец обнажил кривые зубы в слабой улыбке. – Если удача Опоннов не изменит мне, смогу удвоить прибыль.

Хватка ещё некоторое время буравила его взглядом, затем покачала головой.

– Жадный платит дважды, Мунуг. Бьюсь об заклад, через месяц ты притопаешь обратно по этой же тропе с пустыми карманами. Что скажешь? Десять советов ставлю.

– Если проиграю, окажусь вам должен десяток монет.

– Да ладно, я согласна на безделушку-другую – руки у тебя золотые, старик, тут не поспоришь.

– Благодарю, но должен со всем почтением от этого заклада отказаться.

Хватка пожала плечами.

– Жаль. У тебя ещё колокол примерно до заката. Рядом с вершиной стоит перевалочный лагерь – если поднажмёшь, доберёшься туда до темноты.

– Приложу все усилия. – Мунуг просунул руки в лямки, с кряхтением поднялся, а затем неуверенно кивнул и пошёл прочь от капрала.

– Стой на месте! – скомандовала Хватка.

Колени Мунуга подогнулись, так что старик чуть не упал снова.

– Д-д-да? – выдавил он.

Хватка взяла у Дымки браслеты.

– Я их сперва надену. Переплетаются, говоришь. Но бесшовные.

– А-а! Да, конечно. Милости прошу.

Капрал закатала рукав своей пыльной рубахи, так что показалась бордовая изнанка.

Мунуг громко ахнул. Хватка улыбнулась.

– Верно, мы – «Мостожоги». Что только не скрывает пыль, а? – Она провела костяные кольца вверх по изрезанной шрамами, мускулистой руке. Как только торквесы оказались между бицепсом и плечом, раздался тихий щелчок. Хватка подозрительно осмотрела браслеты, а затем поражённо присвистнула. – Будь я проклята!

На миг улыбка Мунуга стала шире, затем он слегка поклонился.

– Позволено ли мне теперь продолжить свой путь?

– Иди, – буркнула она, больше не обращая на торговца внимания. Хватка не могла оторвать взгляд от блестящих торквесов на своей руке.

Дымка ещё целую минуту смотрела вслед старику и чуть заметно хмурилась.

Вскоре Мунуг нашёл боковое ответвление тропы. Раз в десятый он обернулся, чтобы убедиться, не следит ли кто за ним, а затем быстро скользнул между двумя наклонными валунами, которые обрамляли тайный проход.

Через полдюжины шагов сумрачный лаз закончился, перешёл в тропу, что вилась по дну глубокой расселины. Тени поглотили торговца, когда он зашагал по ней. До заката оставалось едва ли сто ударов сердца – задержка с «Мостожогами» может обернуться катастрофой, если он не успеет на встречу.

– Известно, – прошептал он, – что боги не славятся склонностью к прощению...

Монеты были тяжёлыми. Сердце гулко стучало в груди. Он не привык к таким физическим усилиям. Мунуг ведь был мастером, искусником. У него тянулась чёрная полоса, это правда, он ослаб от опухолей между ног, это несомненно, но талант и смётка лишь обострились из-за боли и горя, которые ему довелось пережить. *«Благодаря этим недостаткам я и избрал тебя, Мунуг. И благодаря твоему мастерству, разумеется. О да, мне необходимо твоё мастерство...»*

Божье благословение наверняка поможет избавиться от опухолей. А если нет, то три сотни золотых советов хватит, чтобы оплатить услуги целителя с Дэнулом в Даруджистане. В конце концов, неразумно полагаться только лишь на божью благодарность за услуги. Мунуг сказал «Мостожогам» правду об аукционе в Крепи – следует позаботиться о путях отступления, запасных планах – и хотя ваение и резьба были отнюдь не главными его талантами, Мунугу не хватало скромности, чтобы отрицать высокое качество своих работ. Они, разумеется, ни в какое сравнение не шли с его искусством художника. *Ни в какое сравнение.*

Он быстро шагал по тропе, не обращая внимания на неестественный туман, который окутал одинокого путника. Через десять шагов, когда он миновал врата Пути, склоны и кряжи восточной Тахлинской гряды совсем исчезли, а туман рассеялся, открыв безликую, каменистую равнину под болезненным небом. Чуть дальше на равнине стоял укрытый шкурами шатёр, над которым висел тёмно-синим маревом дым. Мунуг поспешил туда.

Задышавшись, мастер присел у низкого входа и поскрёбся о кожаный клапан, прикрывавший его.

Изнутри послышался надрывный кашель, а затем хриплый голос прокрипел:

– Входи, смертный.

Мунуг вполз внутрь. Едкий, густой дым сразу впился ему в глаза, ноздри и горло, но после первого же вдоха лёгкий холодок начал расходиться от лёгких. Не поднимая головы и отводя глаза, Мунуг остановился у входа и ждал.

– Ты опоздал, – сказал бог. Дыхание вырывалось из его груди с болезненным присвистом.

– Солдаты на тропе, повелитель...

– Они нашли её?

Мастер улыбнулся грязному камышу на полу шатра.

– Нет. Они обыскали мешок, как я и предполагал, но не меня самого.

Бог снова закашлялся, и Мунуг услышал, как жаровня со скрежетом двигается по земле. На угли упали какие-то семена, и дым стал гуще.

– Покажи.

Мастер сунул руку за пазуху и вытащил толстый свёрток размером с книгу. Развернул его, так что стала видна колода деревянных карт. По-прежнему не поднимая головы, Мунуг вслепую подтолкнул карты к богу, рассыпав их веером.

Он услышал, как бог затаил дыхание, затем раздался тихий шорох. Когда голос зазвучал вновь, он был уже ближе.

– Изъяны?

– Да, повелитель. По одному недостатку на каждой карте, как ты и приказал.

– Ах, это меня радует. Смертный, твоё искусство несравненно. Воистину – это образы боли и несовершенства. Все они измучены, искалечены страданием. Ослепляют око и разрывают сердце. Более того, я вижу застарелое одиночество на лицах, которые ты написал. – Холодное веселье прозвучало в следующих словах: – Ты изобразил собственную душу, смертный.

– Я знал мало счастья, пове...

Бог зашипел.

– И ждать его не стоит! Ни в этой жизни, ни в тысяче других, которые ты обречён пережить прежде, чем обретёшь спасение – если, конечно, ты пострадал довольно, чтобы заслужить его!

– Молю не прекращать моих страданий, повелитель, – проямлил Мунуг.

– Лжёшь! Ты мечтаешь об удобстве и удовольствии. Ты несёшь с собой золото, которым надеешься приобрести их, ты собираешься, как шлюха, торговать своим талантом, чтобы добиться ещё большего – даже не пытайся отрицать это, смертный. Я знаю твою душу – я вижу её алчность и похоть в этих изображениях. Не бойся, подобные чувства меня забавляют, ибо они – путь к отчаянию.

– Да, повелитель.

– Теперь, Мунуг из Даруджистана, твоя награда...

Старик завопил, когда огонь вспыхнул в опухольях у него между ног. Извиваясь в агонии, он скорчился, сжался в комок на грязном камыше.

Бог рассмеялся, ужасный звук сорвался, перешёл в надсадный кашель, который долго не прекращался.

Боль, как вскоре осознал Мунуг, ослабла.

– Ты исцелён, смертный. Тебе даровано ещё несколько лет жалкой жизни. Увы, поскольку совершенство мне ненавистно, его не должно быть и среди моих возлюбленных чад.

– П-повелитель, я не чувствую ног!

– Боюсь, они мертвы. Такова была цена исцеления. Похоже, мастер, теперь придётся долго ползти туда, куда ты собирался попасть. Но помни, дитя моё, что истинная ценность лежит в самом странствии, а не в достижении цели. – Бог снова расхохотался, что вызвало новый приступ кашля.

Понимая, что аудиенция окончена, Мунуг подтянулся, развернулся, пополз, волоча мёртвый вес бесчувственных ног ко входу, а снаружи лёг, задыхаясь. Боль, которую он теперь испытывал, шла из самой его души. Он подтащил к себе мешок, положил на него голову. Мокрый от пота лоб упёрся в твёрдые столбики монет.

– Моя награда, – прошептал он. – Благословенно касание Павшего. Веди меня, о повелитель, по пути отчаяния, ибо я заслужил в этом мире боль бесконечную...

Из шатра за спиной снова послышался хохот Увечного бога.

– Насладись этим мгновением, дорогой Мунуг! Твоей рукою начинается новая игра. От касания твоей руки этот мир содрогнётся!

Мунуг закрыл глаза.

– Моя награда...

Дымка ещё долго смотрела вслед торговцу, хотя он уже давно скрылся из виду.

– На самом деле, – пробормотала она, – он не тот, кем кажется.

– Да, все они такие, – согласилась Хватка, поглаживая браслет на руке. – Худов торквес такой тесный.

– Рука у тебя, капрал, наверное, усохнет и отвалится.

Хватка выпучила глаза.

– Думаешь, он проклятый?

Дымка пожала плечами.

– Я бы на твоём месте попросила Быстрого Бена на него внимательно посмотреть. И чем раньше, тем лучше.

– Тогговы яйца! Если ты подозревала...

– Я не сказала, что подозревала, капрал. Это ты начала жаловаться, что браслет тесный. Снять его можешь?

Хватка нахмурилась.

– Нет, Худ тебя бери!

– М-м-м.

Дымка отвела глаза.

Хватка подумала, не пора ли отвесить ей хорошего пинка, но эта мысль посещала капрала по меньшей мере раз десять за день с тех самых пор, как они вдвоём заступили на этот пост, и Хватка опять её отбросила.

– Три сотни советов заплатить за то, чтобы рука у меня отвалилась. Чудесно.

– Мысли позитивно, капрал. Тебе будет о чём поговорить с Дуджеком.

– Ну и стерва же ты, Дымка.

Та только польщённо улыбнулась.

– Ладно, а камешек ты этому старику в мешок подбросила?

– Так точно. Слишком он был нервный, чтобы не подбросить. Чуть в обморок не упал, когда я его второй раз остановила, да?

Дымка кивнула.

– Так что, – проговорила Хватка, раскатывая рукав, – Быстрый Бен его выследит...

– Если он не вытряхнет мешок...

Хватка хмыкнула.

– Да его меньше интересовало содержимое мешка, чем меня. Нет, всё важное он нёс под рубашкой, тут не ошибёшься. Как бы там ни было, он наверняка расскажет всем, когда доберётся до Крепи – контрабандистов на этой тропе сразу поубавится, попомни моё слово, я на это деньги ставлю, – к тому же я ему вбросила намёк на то, что в Разделе проскочить было бы легче, пока ты советы собирала.

Улыбка Дымки стала шире.

– «Хаос, толпа, всё такое»? Хаос там только в том смысле, что команда Парана не знает, куда девать все поступления.

– Давай-ка едой займёмся – моранты небось будут вовремя, как обычно.

Обе женщины направились обратно вверх по тропе.

...Через час после заката прибыло звено Чёрных морантов: один за другим, громко жужжа, кворлы спускались в круг зажжённых фонарей, который выставили Хватка и Дымка. Один из морантов привёз пассажира, который спрыгнул с седла, как только шесть ножек кворла одновременно коснулись земли.

Хватка ухмыльнулась, глядя на разразившегося проклятиями человека.

– Давай сюда, Бен...

Он резко обернулся к ней.

– Какого Худа ты тут вытворяешь, капрал?

Её улыбка исчезла.

– Да ничего особенного, чародей. А что?

Тощий темнокожий маг покосился через плечо на морантов, затем поспешил к тому месту, где стояли Хватка и Дымка. Заговорил, понизив голос:

– Проще всё надо делать, Худ его бери. Я над холмами чуть с седла не упал – тут Пути вьются, силой несёт отовсюду... – Он вдруг замер, затем сверкнул глазами и шагнул вплотную к капралу. – И *от тебя тоже*, Хватка!

– Значит, всё-таки проклятый, – пробормотала Дымка.

Хватка возмущённо воззрилась на подругу и вложила в ответ весь возможный сарказм:

– А ты с самого начала так и думала, да, Хватка? Ах ты лживая...

– Ты себе добыла благословение кого-то из Взошедших! – шипящим шёпотом заявил Быстрый Бен. – Дура набитая! Которого, Хватка?

Она попыталась сглотнуть, но в горле внезапно пересохло.

– Эм-м... Трича?

– Ну восхитительно!

Хватка нахмурилась.

– А что не так-то с Тричем? В самый раз для солдата – Тигр Лета, Повелитель Битвы...

– Пятьсот лет назад, может, и подошло бы! Трич много веков назад принял облик одиночника – у этого зверя ни одной человеческой мысли с тех пор не было! Он не просто неразумен – он безумен, Хватка!

Дымка хихикнула. Чародей резко обернулся к ней.

– И что тут смешного?

– Ничего. Виновата.

Хватка закатала рукав, чтобы показать торквес.

– Вот эти браслеты, Бен, – поспешно объяснила она. – Можешь их с меня снять?

Увидев костяные кольца, маг отшатнулся, затем покачал головой.

– Если бы это был вменяемый, разумный Взошедший, можно было бы попробовать... договориться. В любом случае это не важно...

– Не важно? – Хватка обеими руками сжала полы его плаща. И хорошенько встряхнула чародея. – Не важно?! Ах ты червяк скользкий... – Вдруг она остановилась, широко открыла глаза.

Быстрый Бен посмотрел на Хватку, приподняв бровь.

– Что это ты делаешь, капрал? – тихо процедил он.

– Хм, прости, чародей. – Она отпустила Бена.

Тот со вздохом оправил плащ.

– Дымка, отведи морантов к складу.

– Само собой, – ответила она и двинулась к воинам, которые ждали рядом со своими кворлами.

– Кто их доставил, капрал?

– Браслеты?

– Забудь про браслеты – ты с ними встряла. Советы из Даруджистана. Кто их доставил?

– Странное дело, – сказала Хватка, пожимая плечами. – Здоровенный фургон появился вроде как из ниоткуда. Вот на тропе нет никого, а потом – раз! – и уже шесть коней топчут, а за ними – фургон. Понимаешь, чародей, по этой тропе и тачка двухколёсная не пройдёт, не то что такая повозка. Охранники вооружены до зубов и на взводе – но это понятно, они ведь везли десять тысяч советов.

– Тригальцы, – пробормотал Быстрый Бен. – Эта братия меня серьёзно беспокоит... – Через некоторое время он покачал головой. – Ладно, и ещё: последний маячок, который вы отправили, – где он?

Хватка нахмурилась.

– А ты не знаешь? Это же *твои* камешки, чародей!

– Кому вы его отдали?

– Резчику по кости...

– Это его творение у тебя на руке, капрал?

– Ну да, но это была единственная волшебная вещь – я остальные осмотрела: красиво, но ничего особенного.

Быстрый Бен покосился туда, где закованные в чёрные доспехи моранты грузили на кворлов упакованные столбики монет под самодовольным взглядом Дымки.

– Ладно, не думаю, что он далеко ушёл. Придётся, видимо, просто пойти и отыскать его. Много времени не займёт...

Хватка увидела, как он отошёл на несколько шагов, затем сел на землю, скрестив ноги.

Западный ветер с Тахлинских гор принёс с собой ночной холод. Звёзды над головой проступили резче и отчётливее. Хватка отвернулась и стала наблюдать за погрузкой.

– Дымка! – крикнула она. – Проследи, чтобы они оставили ещё два седла вдобавок к тому, что для чародея.

– Само собой, – ответила та.

Крепь, конечно, то ещё местечко, но хотя бы ночи тёплые. Хватка уже не девочка, чтобы ночь за ночью спать на холодной, жёсткой земле. Они неделю ждали этой доставки, и все кости напоминали ей об этом глухой болью. Зато теперь, благодаря щедрости Даруджистана, Дуджек сумеет закончить оснащение армии.

Если Опонны улыбнутся, через неделю войско выйдет на марш. *На очередную Худом целованную войну, будто мы не устали. Фэнеровы копыта, Паннионский Домин – это вообще кто... или что?*

С самого возвращения из Даруджистана восемь недель назад Быстрый Бен был откомандирован в личный состав под командованием Скворца, перед которым стояла задача консолидации потрёпанной армии Дуджека. Бюрократия и мелкое колдовство удивительным образом дополняли друг друга. Чародей занимался налаживанием связи в Крепи и её окрестностях. Сборы и пошлины для обеспечения армии, установление гражданского порядка, всё для перехода от оккупации к владению. *На текущий момент, по крайней мере.* Войско Однорукого и Малазанская империя разошлись, но чародей частенько удивлялся тому, какие привычно имперские задания ему приходилось выполнять.

Вне закона мы, говорите? Ага, а Худ во сне видит овечек на зелёном лугу.

Дуджек... выжидал. Армия Каладана Бруда двигалась на юг неторопливо и только вчера вышла на равнину к северу от Крепи – в центре тисте анди, на одном фланге наёмники и баргасты клана Ильгрес, а на другом – рхиви и огромные стада бхедеринов.

Однако войны не будет. На этот раз.

Нет, клянусь Бездной, мы тут все решили драться с новым врагом, если только переговоры пройдут гладко – а если учесть, что правители Даруджистана уже с нами договариваются, так, скорее всего, и будет. Новый враг. Какая-то теократическая империя, которая с напором фанатика поглощает один город за другим. Паннионский Домин – нехорошие у меня предчувствия. Почему? Ладно, не важно. Пора найти свой пропавший маячок...

Прикрыв глаза, Быстрый Бен ослабил цепи своей души и выскользнул из тела. Некоторое время он не чувствовал и следа неприметного камешка, гальки, которую он окунул в особую смесь собственного чародейства, так что не оставалось ничего другого, кроме как продолжать поиск по расходящейся спирали, надеясь, что, когда маг подберётся ближе, чувства не подведут.

Рано или поздно камешек найдётся, но это значило идти вслепую, а именно это чародей больше всего ненавидел...

Ага! Вот ты где!

Удивительно, совсем рядом, словно чародей только что преодолел некий невидимый барьер. Видел он лишь темноту – ни единой звёздочки над головой, – только под ногами земля выровнялась. *Это я уже на каком-то Пути, точно. Тревожно, что я его не узнаю. Знакомый вроде бы, но что-то не так.*

Маг различил впереди красноватое свечение, которое поднималось от земли. Там же находился и его маячок. В прохладном воздухе расплывался сладковатый запах дыма. Это встревожило Быстрого Бена ещё больше, но он всё равно приблизился к источнику свечения.

Красноватый свет сочился из потрёпанного шатра, который маг теперь сумел разглядеть. Вход прикрывал кусок шкуры. Чародей совершенно не чувствовал, что находится внутри.

Он подобрался к шатру, присел у входа, задумался. *Любопытство – моё самое страшное проклятие, но просто осознав порок, от него не избавишься. Увы.* Бен откинул шкуру и заглянул внутрь.

Закутанная в одеяла фигура сидела у дальней стенки шатра, менее чем в трёх шагах от него, сгорбившись над жаровней, от которой поднимались завитки дыма. Послышалось дыхание – громкое, натужное. Из-под покрывала выглянула рука, у которой все кости были как будто сломаны, и поманила мага к себе. Из-под укрывавшего голову одеяла послышался хриплый голос.

– Входи, маг. Я полагаю, у меня есть кое-что твоё...

Быстрый Бен окинул мысленным взором свои Пути – он мог открыть одновременно не больше семи, хотя владел далеко не только семью. Сила волнами прокатилась по его телу. Он сделал это неохотно – использовать сразу почти всё, чем владеешь, значит прислушаться к сладкому шёпоту всемогущества. Только это чувство на деле – опасная, потенциально смертельная иллюзия.

– Теперь ты понял, – продолжил незнакомец, чью речь то и дело прерывали сиплые, хрипящие вздохи, – что должен его забрать. Для подобных мне владеть таким предметом, связанным с твоими внушительными силами, смертный...

– Кто ты такой? – спросил чародей.

– Сломленный. Разбитый. Прикованный к лихорадочному трупу под нами. Я не желал себе такой судьбы. Не всегда я был средоточием боли...

Быстрый Бен прижал ладонь к земле у шатра и направил силу на поиски. Спустя бесконечное мгновение он поражённо распахнул глаза.

– Ты заразил её.

– В этом мире, – проговорил незнакомец, – я подобен раку. И с каждым угасанием света я становлюсь всё смертоноснее. Она не может пробудиться, пока я живу в её плоти. – Он чуть шевельнулся, и из-под складок засаленного одеяла послышался звон цепи. – Твои боги сковали меня, смертный, и решили, что дело сделано.

– Ты требуешь службы в обмен на мой маячок, – сказал Быстрый Бен.

– Именно. Если я обречён страдать, пусть так же страдают и боги, и весь их мир...

Чародей выпустил все Пути одновременно. Волна силы прокатилась по шатру. Фигура закричала, отшатнулась назад. Одеяло вспыхнуло огнём, как и длинные, спутанные волосы создания. Быстрый Бен метнулся внутрь шатра вслед за последней волной своего волшебства. Взмахнул рукой, согнутой в запястье ладонью вверх. Его пальцы вошли в глазницы существа, ладонь врезалась в лоб, так что голова резко откинулась назад. Другой рукой Быстрый Бен безошибочно подхватил камешек, который покатился на грязный камыш.

Сила Путей померкла. Когда чародей отступил, развернулся и прыгнул головой вперёд к выходу, скованное создание заревело от ярости. Быстрый Бен вскочил на ноги и побежал.

Волна силы настигла его, ударила в спину так, что маг растянулся на горячей, курящейся паром земле. Он завопил, извиваясь под давлением чар. Попытался отползти дальше, но мощь была слишком велика. Она потащила мага назад. Быстрый Бен вцепился руками в землю, уставился на тёмные борозды, которые оставляли его пальцы, увидел выступавшую на них тёмную кровь.

Огонь, прости меня.

Невидимая, безжалостная хватка подтаскивала его всё ближе и ближе ко входу в шатёр. Фигура внутри исходила яростью и голодом, а также уверенностью, что вот-вот удовлетворит эти свои желания.

Быстрый Бен был беспомощен.

– О, какую боль ты познаешь! – заревел бог.

Что-то вырвалось из земли. Огромная рука схватила чародея, словно ребёнка – куклу. Быстрый Бен снова заорал, когда рука потащила его в глубь забурлившей, горячей почвы. Его рот наполнился землёй.

Сверху раздался приглушённый гневный вопль.

Зазубренные камни царапали тело чародея, пока неведомая сила тащила его сквозь плоть Спящей богини. От нехватки воздуха в глазах потемнело. Он начал терять сознание...

А в следующий миг уже кашлял, сплёвывая мокрую землю. Прекрасный, тёплый воздух хлынул в лёгкие. Маг смахнул с глаз песок, перекатился набок. На него обрушились подхваченные эхом стоны, твёрдая земля под ним медленно выгибалась, шевелилась. Быстрый Бен поднялся на четвереньки. Кровь капала с изодранной плоти его души – от одежды остались одни лохмотья, – но он был жив. Чародей поднял взгляд.

И чуть не завопил.

Над ним высилась человекоподобная фигура, размером в пятнадцать человеческих ростов, если не больше, головой она практически доставала до купола пещеры. Тёмная глиняная плоть, усыпанная нешлифованными алмазами, блеснула, когда великан шевельнулся. Он будто не обращал на Быстрого Бена внимания, но чародей понимал, что именно это создание спасло его от гнева Увечного бога. Руки великана были подняты к своду, исчезали, сливались с мутным, красноватым потолком. Огромные туско-белые арки мерцали наверху, расположенные через равные промежутки, словно рёбра. Руки держали или, возможно, вращали в два таких ребра.

Вдалеке за великаном, примерно в тысяче шагов, виднелось ещё одно такое чудовище с поднятыми руками.

Быстрый Бен обернулся, посмотрел в противоположном направлении. Другие прислужники – чародей разглядел ещё четверых, может, пятерых на протяжении громадной пещеры – тоже тянулись к потолку. Пещера оказалась на деле огромным тоннелем, который изгибался вдалеке.

Выходит, я и вправду внутри Огни, Спящей Богини. На живом Пути. Плоть. И кости. И эти... прислужники...

– Благодарю тебя! – обратился маг к возвышавшемуся над ним великану.

Приплюснутая, бесформенная голова склонилась. Алмазные глаза блеснули, словно падающие звёзды.

– Помоги нам.

Голос был детским, и в нём звучало отчаяние.

Быстрый Бен разинул рот. *Помочь?*

– Она слабеет, – простонал великан. – Мама слабеет. Мы умираем. Помоги нам.

– Как?

– Помоги нам, пожалуйста.

– Я... я не знаю как.

– Помоги.

Быстрый Бен с трудом поднялся на ноги. Теперь он заметил, что глиняная плоть таяла, текла влажными струйками по толстым рукам. Алмазы вываливались. *Увечный бог убивает их, отравляя плоть Огни.* Мысли чародея понеслись вскачь.

– Прислужник, дитя Огни! Сколько времени? Пока не будет поздно?

– Мало, – ответил великан. – Скоро. Совсем скоро.

Быстрого Бена охватила паника.

– Как скоро? Ты не можешь сказать точнее? Мне нужно знать, с чем можно работать, друг. Попробуй, пожалуйста!

– Очень скоро. Десятки. Десятки лет, не больше. Совсем скоро. Помоги нам.

Волшебник вздохнул. Для этих сил века, судя по всему, казались днями. Но даже в этом случае просьба прислужника была невообразимой. И опасной. *Что случится, если Огнь умрёт? Храни нас Беру, не хотелось бы это узнать. Ладно, теперь это и моя война.* Он огляделся, посмотрел на глинистую, влажную землю вокруг, напряг чародейские чувства. И быстро нашёл свой маячок.

– Прислужник! Я оставлю здесь кое-что, чтобы потом снова найти тебя. Я найду помощь – обещаю – и вернусь к тебе...

– Не ко мне, – отозвался великан. – Я умру. Придёт другой. Наверное. – Огромные руки прислужника стали совсем тонкими, почти вся алмазная броня отвалилась. – Теперь я умру. – Он начал оседать. Красноватое пятно на потолке растеклось на рёбра, на них появились трещины.

– Я найду ответ, – прошептал Быстрый Бен. – Клянусь.

Маг взмахнул рукой, и открылись ворота Пути. Не оглядываясь – зная, что увиденное разобьёт ему сердце, – он шагнул в портал. И исчез.

...Кто-то решительно тряс его за плечи. Быстрый Бен открыл глаза.

– Будь ты проклят, маг! – прошипела Хватка. – Уже почти рассвело – нам нужно улетать.

Чародей со стоном вытянул затекшие ноги, морщась при каждом движении, а затем позволил капралу поднять себя.

– Ты его забрал? – требовательно спросила она, помогая доковылять до кворла. Хватке приходилось почти нести мага на себе.

– Кого?

– Ну, камешек.

– Нет. У нас проблемы, Хватка...

– У нас всегда проблемы...

– Нет, я имею в виду всех нас. – Он остановился как вкопанный, пристально посмотрел на неё. – *Всех нас.*

Выражение лица Бена потрясло её.

– Ясно. Но вот прямо сейчас нам надо лететь.

– Точно. Лучше привяжи меня к седлу – я наверняка усну.

Они подошли к кворлу. Морант в переднем хитиновом седле повернул к ним глухой шлем, но ничего не сказал.

– Ох, Королева грёз, – пробормотала Хватка, затягивая на ногах Быстрого Бена кожаные ремни. – Я тебя никогда таким напуганным не видела, чародей. Чуть ледышками не обмочилась.

Это были последние слова той ночи, которые запомнил Быстрый Бен, но их он запомнил хорошо.

Ганос Паран чувствовал, что тонет. Но не в воде – во тьме. Он потерялся, бился в панике, погружался в некое неведомое, непостижимое пространство. Стоило прикрыть глаза, голова начинала кружиться, кишки сжимались в твёрдый узел, словно он вновь стал ребёнком – напуганным, непонимающим. Душа его корчилась от боли.

Капитан пошёл прочь от баррикады в Разделе, где последние на сегодня торговцы всё ещё проходили через строй малазанских солдат, охранников и клерков. В полном соответствии с приказами Дуджека Паран устроил лагерь в узкой горловине перевала. Пошлины и обыски фургонов принесли заметный улов, хотя, как только вести об этом распространились, поступления стали уменьшаться. Нужно было поддерживать хрупкий баланс: сохранять такой уровень пошлин, какой могли переварить торговцы, и пропускать ровно столько

контрабанды, чтобы совсем не придушить торговлю между Крепью и Даруджистаном. Пока что Паран с этим справлялся, пусть и с трудом. Впрочем, это была наименьшая из трудностей, с которыми он столкнулся.

С самого возвращения из Даруджистана капитан чувствовал, что его несёт по течению, бросает туда-сюда по воле хаотического превращения, которое происходило с Дуджеком и его отверженной армией. Малазанский якорь отрезали. Линии снабжения рассыпались. Нагрузка на офицерский корпус выросла стократно. Почти десять тысяч солдат вокруг испытывали детскую потребность в утешении и ободрении.

А этого Паран дать им не мог. Его собственное смятение только возросло. В его жилах текли ручейки крови Пса. Обрывочные воспоминания – редко его собственные – и странные, потусторонние видения наполняли сны по ночам. Бесконечные проблемы снабжения и логистики, которые ему приходилось решать, удушливые задачи командования – всё это снова и снова прорывалось через прилив физической боли, которая терзала теперь Парана.

Он уже много недель чувствовал себя больным и даже подозревал, что стало источником этой хвори. *Кровь Пса Тени. Зверя, который ринулся в царство самой Тьмы... хотя откуда мне знать? Эмоции на гребне этой волны... скорее детские. Детские...*

Паран в который раз отбросил эту мысль, зная наперёд, что вскоре она вернётся, – и боль в животе снова вспыхнула, – и, бросив последний взгляд туда, где стоял в дозоре Тротц, он продолжил карабкаться вверх по склону.

Боль изменила Парана – он сам это понимал, мог представить себе как образ, сцену удивительную и горькую. Чувствовал, будто сама его душа превратилась в нечто жалкое – в грязную помоечную крысу, которую накрыл камнепад, крысу, которая извивалась, заползала в любую щель, отчаянно надеясь найти место, где давление – огромный, подвижный вес камней – ослабнет. *Найти место, где можно будет вздохнуть. Столько боли вокруг, камни, острые камни усаживаются, всё ещё усаживаются, щели становятся уже, исчезают... тьма поднимается, словно вода...*

Все победы, одержанные в Даруджистане, казались теперь Парану пустыми. Спасение города, жизнью Скворца и его солдат, разрушение планов Ласиин, все эти достижения одно за другим обращались в пыль в мыслях капитана.

Он был уже не тот, что прежде, и это новое рождение было ему не по нраву.

Боль высасывала из мира свет. Боль корёжила. Превращала его собственные плоть и кости в чужой и чуждый дом, из которого, казалось, нет выхода.

Звериная кровь... она шепчет о свободе. Шепчет, что можно вырваться – из плоти, но не из тьмы. Нет. Выход там, куда ушёл Пёс, глубоко в сердце проклятого меча Аномандра Рейка – в тайном сердце Драгнипура.

Он чуть не выругался вслух, взбираясь по тропе на гору над Разделом. Дневной свет уже начал меркнуть. Волнующий травы ветер улёгся, его хриплый голос стал теперь едва слышным шёпотом.

Шёпот крови был лишь одним из множества, и все добивались внимания, все предлагали свои противоречивые советы – несовместимые пути спасения. *Но для них спасение – всегда бегство. Несчастливая крыса больше ни о чём не может думать... а камни усаживаются... оседают.*

Отчуждение. *Всё, что я вижу вокруг... кажется чужими воспоминаниями. Трава на низких холмах, выступы горной породы на вершинах, а когда солнце садится и ветер стихает, пот на моём лице высыхает, и приходит тьма – и я пью её воздух, словно целительную воду. О, боги, что это значит?*

Смятение не ослабевало. *Я сбегал из мира этого меча, но чувствую на себе его цепи, они натягиваются, сжимают всё сильнее. И в этом давлении – ожидание. Когда сдашься, когда покоришься? И ожидание перерастёт... во что? Перерастёт во что?*

Баргаст сидел среди высокой, рыжеватой травы на вершине холма над Разделом. Сегодняшний поток торговцев уже начал мелеть по обе стороны баррикады, клубы пыли – рассеиваться над разъезженной дорогой. Другие разбивали лагерь – горловина на перевале уже превращалась в неофициальный пограничный пост. Если ситуация не изменится, пост пустит корни, станет деревушкой, затем городком.

Но этого не случится. Мы слишком непоседливы. Дуджсек определил наше ближайшее будущее в клубах пыли, которую поднимает армия на марше. Хуже того, в этом будущем есть прорехи, и похоже, что «Мостожоги» провалятся в одну из них. Бездонную.

Задыхаясь, подавляя очередной приступ боли, капитан Паран присел на корточки рядом с полуголым, покрытым татуировками воином.

– Ты с самого утра надулся, как племенной бхедерин, Тротц, – сказал он. – Что вы там со Сквином задумали?

Тонкогубый, широкий рот баргаста скривился в чём-то отдалённо напоминающем улыбку, тёмные глаза продолжали неотрывно следить за происходящим внизу, в долине.

– Холодная тьма проходит, – пробурчал он.

– Худа с два! Солнце зайдёт через минуту, идиот.

– Холод и лёд, – продолжил Тротц. – Слепой к миру. Я – Сказание, и Сказание слишком долго не звучало. Но время пришло. Я – меч, который вот-вот вырвется из ножен. Я – сталь, и в свете дня я ослеплю вас всех. Ха!

Паран сплюнул в траву.

– Молоток упоминал, что ты вдруг стал... разговорчив. Ещё он добавил, что это никому пользы не принесло, поскольку, открыв рот, ты растерял последние крохи здравого смысла, если вообще их когда-либо имел.

Баргаст ударил себя кулаком в грудь, звук был гулкий, точно барабанная дробь.

– Я – Сказание, и вскоре его расскажут. Увидишь, малазанец. Все вы скоро увидите.

– У тебя под солнцем мозги спеклись, Тротц. Ладно, мы сегодня вечером выдвигаемся обратно в Крепь. Впрочем, думаю, Сквино тебе это уже сказал. А вот и Вал, он тебя сменил на посту. – Паран выпрямился, поморщился, пытаясь скрыть пришедшую с движением боль. – А я пойду на обход дальше.

Он зашагал прочь.

Чтоб тебя, Сквино, что вы там удумали с Дуджсексом? Панионский Домин... какого Худа нам до этих новомодных фанатиков? Такие секты усыхают. Всегда. Схлопываются. Сперва власть захватывают писцы – всегда так – и начинают спорить про невразумительные детали вероучения. Появляются секты. Потом – гражданская война. И всё. Ещё один цветок растоптан на бесконечной дороге истории.

Да, сейчас всё так ярко и живо. Но цвета блекнут. Всегда.

Однажды Малазанская империя столкнётся лицом к лицу с собственной смертностью. Однажды и для этой Империи наступят сумерки.

Очередной узел боли обжёг так, что Паран согнулся вдвое. *Нет, не думать об Империи! Не думать о Ласии и её Выбравке! Положись на Тавор, Ганос Паран, – твоя сестра спасёт Дом. Справится с этим лучше, чем когда-либо справился бы ты. Намного лучше. Положись на неё...* Боль немного ослабла. Глубоко вздохнув, капитан продолжил спуск.

Тону. Клянусь Бездной, я тону.

Цепляясь, как горная обезьяна, Вал выбрался на вершину. Вразвалочку подошёл к баргасту. Оказавшись за спиной у Тротца, он ухватил одну из кос воина и сильно дёрнул.

– Ха-ха, – пробурчал Вал, усаживаясь рядом, – обожаю смотреть, как у тебя глаза выпучиваются, когда я это делаю.

– Сапёр, – ответил баргаст, – ты – грязь под камнями в ручье, который течёт по полю, где пасётся стадо хворых желудком свиней.

– Неплохо, хотя длинновато. Заморочил капитану голову, да?

Тротц промолчал, не сводя взгляда с далёких Тахлинских гор.

Вал стянул с головы обожжённую кожаную шапку, энергично поскрёб темя между редкими пучками волос и пристально посмотрел на товарища.

– Неплохо, – повторил он. – Благородство. Загадка. Впечатляет.

– А то! Но долго так держаться трудновато, знаешь ли.

– У тебя природный дар. Так зачем ты Парана морочишь?

Тротц ухмыльнулся, так что показался ряд голубоватых подпиленных зубов.

– Это весело. Вдобавок это работа Скворца – всё объяснять...

– Только он ещё ничего не объяснил. Дуджек вызывает нас обратно в Крепь, собирает всё, что осталось от «Мостожогов». Паран может радоваться. Будет ему нормальное подразделение, а не пара потрёпанных взводов. Скворец что-то говорил про будущие переговоры с Брудом?

Тротц медленно кивнул.

Вал поморщился.

– И что?

– Они скоро начнутся.

– Ох, спасибо, вот это новость! Кстати, я тебя официально сменил на посту, солдат. Внизу для тебя уже жарят тушу бхедерина. Я повара попросил нафаршировать его навозом, раз уж ты его так любишь.

Тротц поднялся.

– Когда-нибудь я тебя зажарю и съем, сапёр.

– И подавишься моей счастливой косточкой.

Баргаст нахмурился.

– Я от всей души, Вал. Чтобы оказать тебе последние почести, друг мой.

Сапёр прищурился и некоторое время недоверчиво смотрел на Тротца, а затем ухмыльнулся:

– Вот скотина! А я почти поверил!

Тротц фыркнул и отвернулся.

– «Почти», – передразнил он. – Ха-ха.

Скворец ждал, пока Паран вернётся к окаймлявшей форпост баррикаде. Бывший сержант, а теперь – второй по званию после Дуджека Однорукого командир в армии, Скворец прибыл с последним крылом морантов. Теперь стоял рядом со своим бывшим взводным целителем, Молотком, и смотрел, как два десятка солдат второй армии грузят на кворлов сбор за последнюю неделю. Паран подошёл – осторожно, словно пытаясь скрыть боль.

– Как нога, командир? – спросил он.

Скворец пожал плечами.

– Мы об этом и говорили, – заявил Молоток, лицо его покраснелось. – Нога плохо срослась. Там нужно вмешиваться...

– Потом, – прорычал командир. – Капитан Паран, через два колокола все взводы должны быть готовы – ты уже решил, что делать с остатками Девятого?

– Так точно, их нужно объединить с остатками взвода сержанта Мураша.

Скворец нахмурился.

– Назови пару имён.

– У Мураша осталась капрал Хватка и... кто ещё? Штырь, Дымка, Дэторан. Так что с Молотком, Валом, Тротцем и Быстрым Беном...

– Быстрый Бен и Штырь теперь кадровые маги, капитан. Но они всё равно останутся при твоей роте. В остальном, я думаю, Мураш будет счастлив...

Молоток фыркнул.

– Счастлив? Да Мураш и слова-то такого не знает.

Паран прищурился.

– Я так понимаю, что «Мостожоги» не выйдут на марш вместе с остальным Войском.

– Верно. Но об этом мы поговорим в Крепи. – Взгляд тускло-серых глаз Сквиорца на миг задержался на капитане, затем скользнул прочь. – В живых осталось тридцать восемь «мостожогов» – так себе рота. Если хочешь, можешь отказаться от этого назначения, капитан. У нас есть ещё несколько рот элитных морпехов, где недостаёт офицеров, они, к слову, привыкли к командирам из благородного сословия...

Наступила тишина.

Паран отвернулся. Наступили сумерки, тени карабкались вверх по склонам ближайших холмов, на небосводе проступила первая россыпь тусклых звёзд. *Могут получить нож в спину, вот что он мне говорит. «Мостожоги» печально известны нелюбовью к офицерам из аристократов.* Год назад Паран тут же высказал бы это вслух, полагая, будто обнажать уродливые истины – благое дело. *Вообразил, что так поступают настоящие солдаты... А на самом деле настоящие солдаты поступают ровно наоборот. В мире, полном ям и топей, нужно плясать по краешку. Только дураки прыгают вперёд очертя голову, а дураки долго не живут.* Однажды он уже ощутил, как нож входит в его тело. Та рана должна была оказаться смертельной. От воспоминания Парана бросило в пот. От такой угрозы он уже не мог просто отмахнуться с юношеской бравадой. Капитан это понимал, как и двое мужчин рядом с ним.

– Я, – проговорил Паран, неотрывно глядя на тьму, уверенно поглощавшую дорогу на юг, – по-прежнему почту за честь командовать «Мостожогами», сэр. Быть может, со временем мне представится возможность доказать, что я достоин таких солдат.

Сквиорец хмыкнул.

– Как хочешь, капитан. Предложение остаётся в силе, если передумаешь.

Паран обернулся к нему. Командир ухмыльнулся.

– По крайней мере, на какое-то время.

Из сумрака возникла могучая, темнокожая фигура. Её оружие и доспехи тихонько позвякивали. Увидев Сквиорца и Парана, женщина смешалась, затем уставилась на командира и отпартовалась:

– Стража сменилась, сэр. Мы все возвращаемся, как и было приказано.

– Почему мне докладываешь, солдат? – пророкотал Сквиорец. – Обращайся к своему непосредственному начальнику.

Женщина нахмурилась, развернулась к Парану.

– Стража смени...

– Я слышал, Дэтотан. «Мостожогам» собрать обмундирование и ждать на плацу.

– До выступления ещё колокол с половиной...

– Мне это известно, солдат.

– Так точно. Слушаюсь, сэр.

Женщина трусцой устремилась прочь. Сквиорец вздохнул.

– Что до этого предложения...

– Моим учителем был напанец, – сказал Паран. – Никогда ещё не встречал напанца, который бы знал, что такое уважение, Дэтотан тут не исключение. Также я знаю, – добавил он, – что Дэтотан не исключение и в том, что касается «мостожогов».

– Похоже, этот напанец неплохо тебя обучил, – пробормотал Сквиорец.

Паран нахмурился.

– Что вы имеете в виду?

– Неуважению к субординации, капитан. Ты только что перебил своего командира.
– Ох, виноват. Всё время забываю, что вы уже не сержант.
– Я тоже, поэтому нужно, чтобы такие люди, как ты, мне напоминали. – Старый солдат обернулся к Молотку. – Запомни, что я сказал, целитель.

– Так точно.

Скворец ещё раз взглянул на Парана.

– Спешка, а потом ожидание, – хорошее решение, капитан. Солдаты обожают томиться от безделья.

Паран посмотрел вслед Скворцу, который направился в сторону ворот, а затем сказал Молотку:

– Этот ваш частный разговор с командиром. Целитель, я должен что-то знать?

Молоток сонно моргнул.

– Никак нет, сэр.

– Хорошо. Можешь возвращаться в свой взвод.

– Так точно.

Оставшись в одиночестве, Паран вздохнул. *Тридцать восемь злых, обиженных ветеранов, которых уже дважды предали. Я никак не был связан с предательством при осаде Крепи, и Ласиин объявила меня вне закона вместе с ними. Ни то ни другое нельзя повесить мне на шею, но они всё равно это делают.*

Он потёр глаза. Сна Паран теперь... опасался. Ночь за ночью, с самого перелёта из Даруджистана... *боль и сны, нет, кошмары. Ох, нижние боги...* В ночные часы он извивался под одеялом, кровь мчала по жилам, в животе бурлила кислота, а когда сознание наконец ускользало, приходили сны – прерывистые, дёрганные, где он всегда бежал. *Бегу часами напролёт. А затем тоню.*

Это кровь Пса бежит в моих жилах со всей своей мощью. Больше нечему.

Паран снова и снова убеждал себя, что кровь Пса стала причиной его паранойи. Эта мысль вызывала только кривую усмешку. *Враньё. То, чего я боюсь, вполне реально. Хуже – невыносимое чувство потери... неспособность доверять – никому. Без этого – чего мне ждать в жизни? Только одиночества, то есть ничего ценного. А теперь все эти голоса... шепчут, зовут, подбивают. Спасись. Сбежать.*

Он встряхнулся, сплюнул, чтобы избавиться от кисловатого привкуса во рту. *Думай о той, другой сцене. Одинокой. Невразумительной. Помнишь, Паран? Голос, который ты тогда услышал. Это был голос Рваной Снасти – ты тогда в этом не сомневался, почему же усомнился теперь? Она жива. Где-то, как-то, но чародейка жива...*

А-а-а, больно! Ребёнок кричит во тьме, Пёс воеет от горя. Душа, распятая на сердце раны... а я себя вообразил одиноким! О, боги, лучше бы так!

Скворец вошёл в сторожку, прикрыл за собой дверь и шагнул к столу писца. Опёрся на столешницу, вытянув больную ногу. Он вздохнул, глубоко, долго, словно распуская один за другим тысячи узлов на бесконечной верёвке, а когда вздох окончился, Скворец понял, что дрожит.

В следующий миг дверь отворилась. Выпрямляясь, Скворец хмуро покосился на Молотка.

– Я думал, капитан объявил общий сбор, целитель...

– Паран в состоянии ещё худшем, чем вы, сэр.

– Мы же об этом говорили. Береги парня... или ты передумал, Молоток?

– Да нет же! Я чуть коснулся его – и мой Путь Дэнул отбросило, командир.

Только теперь Скворец заметил восковую бледность на круглом лице целителя.

– Отбросило?

– Да. Такого никогда раньше не бывало. Капитан *болен*.

– Опухоль? Рак? Говори конкретно, чтоб тебя!

– Ничего такого, сэр. Пока что – но будут и опухоли. Он дыру проел в собственном животе. Это всё из-за того, что он держит внутри. Мне так кажется. Но это не всё – нам нужен Быстрый Бен. Через Парана чары проходят, словно корни дурмана.

– Опонны...

– Нет, Близнецы давно ушли. По пути в Даруджистан... что-то случилось с Параном. Даже не что-то. *Много* чего. Как бы там ни было, он борется с этими чарами, и *это* его убивает. Но тут я могу ошибаться, сэр. Нам нужен Быстрый Бен...

– Я тебя услышал. Приставь его к делу, когда вернёмся в Крепь. Только скажи, чтоб действовал тихо. Не стоит лишний раз беспокоить капитана, ему и так непросто.

Молоток нахмурился сильнее.

– Сэр, я о том... Он вообще в силах принять командование над «Мостожогами»?

– Ты *меня* спрашиваешь? Если хочешь поговорить с Дуджеком о своих сомнениях, твоё право, целитель. Если думаешь, что Паран не справится... ты так думаешь, Молоток?

Тот помолчал, затем вздохнул.

– Да нет, наверное. Он такой же упрямый, как ты... сэр. Худов дух, вы вообще уверены, что не родственники?

– Это наверняка, – отрезал Скворец. – Да средняя полковая псина имеет родословную более благородную и чистую, чем я. Пока оставим всё как есть. Поговори с Беном и Штырём. Выясните, что сможете, про эти тайные чары – если боги опять потянули Парана за ниточки, я хочу знать, кто, а потом уж подумаем зачем.

Молоток сощурился, пристально посмотрел на командира.

– Сэр, во что мы ввязываемся?

– Сам не уверен, целитель, – поморщившись, признался Скворец. Он с ворчанием перенёс вес с больной ноги на здоровую. – Если Опоннова удача будет с нами, мне даже меч обнажать не придётся – командирам же обычно это не нужно, да?

– Если бы вы мне дали время, сэр...

– Потом, Молоток. Позже. Сейчас мне нужно обдумать переговоры. Бруд со своей армией подошёл к Крепи.

– Ясно.

– А капитан твой уже небось гадает, какого Худа и куда ты запропастился. Выметайся отсюда, Молоток. Увидимся после переговоров.

– Слушаюсь, сэр.

Глава третья

Дуджсек Однорукий и его армия ждали прибытия Каладана Бруда с союзниками: беспощадными тисте анди, баргастами с дальнего севера, десятком отрядов наёмников и равнинными кочевниками-рхиви. Две силы встретились на ещё не забывшем бойни поле под стенами Крепи. Встретились не для сражения, но для того, чтобы выковать из горечи и ран истории – мир. Ни сам Дуджсек, ни даже Бруд – да и никто другой среди легендарных героев, собравшихся там, – не предвидел, с какой силой столкнутся там – не мечи, миры...

Исповедь Артантоса

Пологие выступы исполосовали склоны холмов в лиге к северу от Крепи: ещё свежие шрамы того периода, когда город попытался поглотить степи на границе с равниной Рхиви. С незапамятных времён эти холмы считались у рхиви священными. Фермеры Крепи заплатили за свою дерзость кровью.

Однако земля исцелялась медленно; лишь несколько древних менгиров, каменных кругов и гробниц с плоской крышей остались нетронутыми. Камни и валуны теперь были свалены в бессмысленные каирны¹ рядом с террасами, на которых прежде сеяли маис. Всё священное, что было в этих холмах, осталось лишь в мыслях рхиви.

Тем, во что веруем, мы становимся на самом деле.

Мхиби натянула шкуру антилопы на тонкие, костлявые плечи. Новый рисунок боли пролёг этим утром по её телу – свидетельство того, что ребёнок высосал из неё ещё больше сил миновавшей ночью. Старуха говорила себе, что не чувствует обиды – эту нужду нельзя было отбросить, да и мало что было в этом ребёнке естественного. Могучие, бессердечные духи и слепые заклатья сплелись, чтобы выпустить в мир нечто новое, небывалое.

А времени оставалось мало, совсем мало.

Тёмные глаза Мхиби заблестели среди морщин, когда она взглянула на дочь, возившуюся на одной из террас. Материнский инстинкт не ослабевал. Нелепо было проклинать его, гневаться на оковы любви, родившиеся от разделения плоти. Несмотря на все пороки матери, на все нечеловеческие потребности дочери, Мхиби не могла – не хотела – плести сеть ненависти.

Тем не менее увядание тела ослабило дары сердца, за которые она так отчаянно цеплялась. Едва ли сезон тому Мхиби была молодой женщиной, ещё незамужней. Она была горда, не желала принимать полувенки из травы, которые многие юноши оставляли у входа в её шатёр – она ещё не была готова вплести их в собственный венок и, таким образом, вступить в брак.

Рхиви были больным народом – как можно было думать о муже, о семье, когда вокруг бушевала бесконечная, разрушительная война? Она не была слепой, как иные сёстры; она не желала исполнять «благословлённый духами» долг и рожать сыновей, которые лягут в землю под Плугом Жнеца. Её мать читала по костям и владела даром памяти всего народа: знала историю каждого рода до самой Слезы Умирающего Духа. А отец её держал Копьё Войны, сначала против клана Белолицых баргастов, а затем против Малазанской империи.

Она горько тосковала по ним обоим, но понимала, как их гибель и её собственное нежелание принять мужское касание сплелись и сделали её идеальным выбором для духов. Неис-

¹ Искусственное сооружение в виде груды камней, часто – конической формы. Воздвигались с различными целями, например, отмечали места захоронений, важные тропы и т. п. Могут, однако, сооружаться и без особых целей – просто как место, куда фермеры сносят камни, расчищая поле. – *Здесь и далее прим. ред.*

черпаемым сосудом, в который должно поместить две изломанные души – одну из-за пределов смерти и другую, спасённую от смерти древними чарами, две личности, сплетённые в венок. Сосудом, который сможет выкормить такое противоестественное дитя.

Кочевники-рхиви, которые ходили за стадами и не строили стен из камня или кирпича, называли такие сосуды, созданные, чтобы воспользоваться один раз, а затем выбросить, «мхиби», и так она нашла для себя новое имя, а теперь в нём отразилась вся суть её жизни.

Старуха, не набравшаяся мудрости, увядающая, но не прожившая долгих лет, – и от меня ждут, что я наставлю это дитя – это создание, – которое получает каждый утраченный мною сезон, создание, для которого отлучение от груди будет означать мою смерть. Смотри, вот она – играет в обычные детские игры; улыбается, не понимая, что цену за её существование, за рост плачу я.

Мхиби услышала за спиной шаги, а в следующий миг высокая, чернокожая женщина замерла рядом с рхиви. Взгляд раскосых глаз остановился на девочке, которая играла на склоне холма. Ветер прерий бросил ей на лицо прядь длинных чёрных волос. Из-под черной кожаной рубахи блеснул чешуйчатый доспех.

– Обманчивое впечатление, – вполголоса произнесла тисте анди, – она производит, верно?

Мхиби вздохнула, затем кивнула.

– Совсем не похожа на создание, которое вызывает страх, – продолжила женщина с полуночной кожей. – На создание, которое становится предметом яростных споров...

– Снова споры?

– Да. Каллор снова взялся за своё.

Мхиби окаменела. Подняла глаза на тисте анди.

– И? Что-то изменилось, Корлат?

– Бруд непреклонен, – ответила после паузы Корлат. И пожала плечами: – Если у него и есть сомнения, он их хорошо скрывает.

– О да, – проговорила Мхиби. – Но рхиви и наши стада ему нужнее сомнений. Это расчёт, а не вера. Вот только будем ли мы ему нужны, если будет заключён союз с одноруким малазанцем?

– Есть надежда, – начала Корлат, – что малазанцы больше знают о происхождении ребёнка...

– Знают довольно, чтобы оценить потенциальную угрозу? Ты должна объяснить Бруду, Корлат: то, чем были прежде эти две души, – ничто по сравнению с тем, чем они стали. – Не сводя глаз с играющей девочки, Мхиби продолжила: – Её создали в сфере влияния т'лан имасса – его вневременный Путь стал связующей нитью, которую сплёл заклинатель костей имассов – заклинатель из плоти и крови, Корлат. Этот ребёнок принадлежит т'лан имассам. Пусть она облачилась в плоть рхиви, пусть несёт в себе души двух малазанских чародеек, но она теперь – одиночница. И более того – заклинательница костей. И даже это – лишь часть того, чем она станет. Скажи, зачем бессмертным т'лан имассам заклинательница из плоти и крови?

Корлат поморщилась.

– Не у меня это нужно спрашивать.

– И не у малазанцев.

– Ты уверена? Разве т'лан имассы не воевали под малазанскими знамёнами?

– Уже не воюют, Корлат. Какая скрытая трещина пролегла между ними? Какие тайные побуждения скрываются за всем, что бы ни посоветовали малазанцы? Никак не угадаешь, верно?

– Я полагаю, Каладан Бруд знает о такой возможности, – сухо ответила тисте анди. – Как бы там ни было, ты можешь присутствовать и принять участие в переговорах, Мхиби. Малазанский отряд приближается, и Воевода просит тебя прийти.

Мхиби обернулась. Перед ней раскинулся лагерь Каладана Бруда – педантично организованный, как всегда. Наёмники на западе, тисте анди в центре, а рхиви со стадами бхедеринов на востоке. Дорога была долгой – с плато Старого Короля, через города Кот и Клок, а потом по южному ответвлению старой Тропы Рхиви, идущему по равнине, которую кочевники почитали родиной. *Родиной, которую долгие годы раздирают войны, топчут армии на марше, жжёт летящая с неба морантская взрывчатка... кворлы вьются чёрными безмолвными точками, ужас приходит на наши стойбища... в наши священные стада.*

Но теперь мы готовы пожать запястья своим врагам. С малазанскими захватчиками и безжалостными морантами мы собираемся сплести свадебные венки – две армии, которые так долго держали друг друга за горло, сыграют свадьбу, но не ради мира. Нет, эти воины ищут теперь другого, нового врага...

За лагерьем Бруда, на юге вздымались недавно отремонтированные стены Крепи, чёрные потёки на них – жуткое напоминание о колдовстве малазанцев. Группа всадников только что выехала из северных ворот города. Пустое серое полотнище флага, означавшего, что все они теперь вне закона в Империи, развевалось у всех на виду, пока конники скакали по голой равнине к армии Бруда.

Мхиби подозрительно прищурилась, глядя на это знамя. *Ох, старуха, твоё проклятье – страхи. Не думай о недоверии, не думай об ужасах, которые принесли нам эти захватчики. Дуджека Однорукого и его Войско объявила вне закона ненавистная Императрица. Одна кампания завершилась. Другая начинается. О, нижние духи, закончится ли эта война хоть когда-нибудь?*

Девочка подошла к двум женщинам. Мхиби посмотрела на неё, увидела в твёрдом, уверенном взгляде ребёнка знание и мудрость, казалось, тысяч лет – а может быть, и не казалось. *Вот мы стоим здесь втроём, у всех на виду, – дитя десяти-одиннадцати лет, молодая на вид женщина с нечеловеческими глазами и согбенная старуха. Но всё это – от начала до конца – иллюзия, на самом деле всё наоборот. Я – дитя. Тисте анди прожила тысячи лет, а девочка... сотни тысяч.*

Корлат тоже взглянула на ребёнка. Тисте анди улыбнулась.

– Ты хорошо поиграла, Серебряная Лиса?

– Сначала было хорошо, – ответила девочка неожиданно низким голосом. – А потом стало грустно.

Корлат приподняла брови.

– Почему же?

– Когда-то тут был священный завет – между духами холмов и рхиви. Теперь он разорван. Духи эти были неисчерпаемыми сосудами боли и страданий. Холмы эти не исцелятся.

Мхиби почувствовала, как кровь застывает у неё в жилах. С каждым днём её дочь проявляла всё большую чувствительность, которой позавидовали бы мудрейшие поплечницы любого племени. Но была в этой чувствительности некая холодность, будто за каждым сочувственным словом скрывался тайный умысел.

– Неужели ничего нельзя сделать, дочь?

Серебряная Лиса пожала плечами.

– Уже и не нужно.

Вот как сейчас.

– Что ты имеешь в виду?

Круглолицая девочка улыбнулась Мхиби.

– Если мы хотим попасть на переговоры, мама, нам лучше поторопиться.

Место для встречи обустроили в тридцати шагах за дальними частоколами на невысоком всхолмье. Свежие курганы, в которых похоронили мёртвых после падения Крепи, виднелись на западе. Мхиби подумала, что эти бессчётные жертвы смотрят сейчас на них издалека. *Духи ведь рождаются от пролитой крови. А если их не умиротворять, они часто превращаются в силы враждебные, одержимые кошмарными видениями, исполненные злобы. Неужели только рхиви понимают это?*

И вместо войны – союз. Как призраки к этому отнесутся?

– Они чувствуют себя преданными, – проговорила Серебряная Лиса. – Я отвечу им, мама. – Девочка взяла Мхиби за руку, и они пошли вперёд. – Настало время памяти. Древних воспоминаний – и совсем недавних...

– А ты, дочь, – спросила Мхиби тихим, лихорадочным голосом, – ты – мост между ними?

– Ты мудра, мама, хоть и не веришь в себя. Скрытое медленно открывается. Взгляни на тех, кто прежде враждовал. Ты сражаешься в своих мыслях, вспоминаешь все различия между нами, цепляешься за свою ненависть к ним, ибо к этому ты привыкла. Память – основание такой ненависти. Но память хранит и другую истину, мама, тайную, именно её мы испытали, верно?

Мхиби кивнула.

– Так нам говорят старейшины, дочь, – ответила она, подавив приступ раздражения.

– Испытания. Опыт. Они у нас общие. Пусть и с разных сторон, но они – общие. Одинаковые.

– Я знаю, Серебряная Лиса. Винить кого-то бессмысленно. Всех нас ведёт, подобно приливам и отливам, невидимая, нерушимая воля...

Девочка крепче сжала руку Мхиби.

– Тогда спроси у Корлат, мама, что говорит ей память.

Покосившись на тисте анди, рхиви приподняла бровь и сказала:

– Ты слушала, но молчала. Какого ответа моя дочь ожидает от тебя?

Корлат печально улыбнулась.

– Испытания одинаковые. Общие для ваших двух армий. Но не только... общие во все времена. Для всех, кто обладает памятью, будь то один человек или целый народ, уроки жизни – всегда одни и те же. – Глаза тисте анди стали фиалковыми, когда она взглянула на Серебряную Лису. – Даже для т'лан имассов – это ты хочешь нам сказать, дитя?

Та пожала плечами.

– Что бы ни случилось, думай о прощении. Держись за него, но знай, что его не следует даровать всем без разбора. – Серебряная Лиса перевела сонный взгляд на Корлат, и её тёмные глаза вдруг жёстко блеснули. – Иногда в прощении следует *отказать*.

Воцарилась тишина. *Добрые духи, наставьте нас. Я начинаю бояться этой девочки. Почти понимаю Каллора... и это куда страшнее, чем всё остальное.*

Они остановились сразу за частоколом лагеря Бруда, с краю площадки для переговоров.

В следующий миг на возвышение выехали малазанцы. Их было четверо. Мхиби сразу узнала Дуджека – объявленного теперь вне закона Кулака. Однорукий оказался старше, чем она ожидала, он сидел на своём чалом мерине, как человек, измученный старыми ранами и болью в костях. Он был тощий, среднего роста, в простых доспехах. У пояса висел неприметный короткий меч армейского образца. Узкое лицо с резко очерченным носом, чисто выбритый острый подбородок, множество старых и новых шрамов. Шлема на малазанце не было, единственными знаками отличия были длинный серый плащ и серебряная застёжка.

По левую руку от Дуджека скакал другой офицер – седобородый, крепко сбитый. Шлем с полузабралом и кольчужной бармицей скрывал черты его лица, но Мхиби почуяла в нём невероятную силу воли. Он ровно сидел в седле, однако рхиви заметила, что левую ногу воин держал напряжённо и вытащил сапог из стремени. Металлические кольца его кольчуги были кое-где погнуты и пестрели кожаными стежками. То, что именно этот малазанец скакал слева от Дуджека, с незащищённой стороны, многое сказала Мхиби.

Справа от бывшего Первого Кулака ехал молодой человек, видимо, адъютант. Выглядел он непримечательно, но Мхиби заметила, что взгляд его неустанно блуждает туда-сюда, подмечая самые мелкие детали. Этот человек держал затянутой в кожаную перчатку рукой древко знамени беззаконной армии.

Четвёртым всадником оказался Чёрный морант. Он был с ног до головы закован в хитиновую броню, и этот доспех был сильно покорёжен. Воин потерял четыре пальца на правой руке, но продолжал носить то, что осталось от латной перчатки. Блестящий чёрный доспех покрывали бесчисленные вмятины и рытвины от ударов мечей.

Рядом тихонько хмыкнула Корлат.

– А эта компания видала виды, ты не находишь?

Мхиби кивнула.

– Кто это – слева от Дуджека Однорукого?

– Скворец, я полагаю, – с кривой усмешкой ответила тисте анди. – Внушительная фигура, верно?

На миг Мхиби вновь почувствовала себя юной девушкой, какой и была на самом деле. Она сморщила носик.

– Рхиви не такие волосатые, слава духам.

– И всё равно...

– Да уж.

Серебряная Лиса заговорила.

– Я бы хотела, чтобы у меня был такой дядя.

Женщины удивлённо уставились на неё.

– Дядя? – переспросила Мхиби.

Девочка кивнула.

– Ему можно доверять. Однорукий старик что-то скрывает – нет, они оба, и это один и тот же секрет, но бородатому я всё равно доверяю. Морант – он смеётся про себя. Всё время смеётся, и никто этого не знает. Это не жестокий смех, но исполненный горечи. А знаменосец... – Серебряная Лиса нахмурилась. – В нём я не уверена. Наверное, никогда и не была...

Взгляды Мхиби и Корлат встретились над головой девочки.

– Предлагаю, – протянула тисте анди, – подойти поближе.

Когда малазанцы приблизились к площадке, из-за частокола появились две пешие фигуры, а за ними солдат с лишённым флажка штандартом. Глядя на них, Мхиби попыталась вообразить, что малазанцы подумают о двух передних воинах. В жилах Каладана Бруда была примесь баргастской крови: Воевода был массивным, высоким, плосколицым; и ещё... было в нём нечто не совсем человеческое. Бруд был огромен, как и гигантский железный молот у него за плечами. Они с Дуджеком дрались за этот континент больше двенадцати лет, и два этих волевых военачальника пережили десятки отчаянных битв и столько же осад. Оба они не раз сталкивались с необходимостью идти на смертельный риск, но выходили живыми, пусть и окровавленными. На поле боя оба уже давно составили себе представление друг о друге, а теперь наконец сошлись лицом к лицу.

Рядом с Брудом вышагивал Каллор – высокий, худой, седой. Его ростовая кольчужная рубаха поблёскивала в рассеянном утреннем свете. Железные кольца на перевязи удержи-

вали простой полуторный меч, который покачивался в такт тяжёлым шагам Каллора. Если и был среди актёров этой смертоносной пьесы один, который оставался для Мхиби загадкой, то лишь он – самозванный Верховный король. Уверена рхиви была только в одном: Каллор ненавидел Серебряную Лису, ненависть эта рождалась из страха и, быть может, знания, которым обладал он один и которым не желал ни с кем делиться. Каллор утверждал, будто прожил тысячи лет, говорил, что некогда правил целой империей, которую в конце концов сам и уничтожил, но зачем – не отвечал. Однако он не являлся Взошедшим – долголетьем Каллор был, видимо, обязан алхимии, и оказалось оно несовершенным: лицо и тело Короля были изношены, как у смертного человека, который приближался к своему столетию.

Бруд использовал познания Каллора в тактике, этот его казавшийся врождённым талант управлять приливами и отливами больших кампаний, но для самого Верховного короля – это было более, чем очевидно – все сражения оставались лишь преходящими играми, в которые он играл рассеянно и без всякого интереса. Каллор не завоевал преданности солдат. Он добился лишь неохотного уважения, а большего, как подозревала Мхиби, никогда не желал и вряд ли имел шансы снискать.

Когда они с Брудом вышли на площадку, во взгляде, которым Верховный король смерил Дуджека, Скворца и командира морантов, сквозили презрение и гордыня. Это было совершенно оскорбительно, но все трое словно и не обратили на Каллора внимания, спешили и смотрели теперь только на Каладана Бруда.

Дуджек Однорукий шагнул вперёд.

– Привет тебе, Воевода. Позволь представить мой скромный отряд. Моя правая рука – Скворец. Артантос – мой теперешний знаменосец. И предводитель Чёрных морантов, чей титул переводится примерно как «Достигший», а имя вовсе невозможно произнести. – Первый Кулак ухмыльнулся, глядя на закованную в броню фигуру. – Поскольку он умудрился поручкаться с одним из духов рхиви в Чернопёсьем лесу, мы его теперь зовём Вывихом.

– Артантос... – тихонько пробормотала Серебряная Лиса. – Он давно уже не пользовался этим именем. И выглядит иначе.

– Если это иллюзия, – прошептала Корлат, – то мастерски сплетённая. Я не чувствую никакого подвоха.

Девочка кивнула.

– Воздух прерии... омолодил его.

– Кто он, дочь? – спросила Мхиби.

– Химера, по правде говоря.

Выслушав Дуджека, Бруд заворчал и сказал:

– Рядом со мной – Каллор, мой первый помощник. От имени тисте анди присутствует Корлат. От рхиви – Мхиби и её юная подопечная. То, что осталось от моего знамени, несёт всадник Хурлокель.

Дуджек нахмурился.

– А где Багровая гвардия?

– Князь К'азз Д'Авор и его воины сейчас заняты внутренними делами, Первый Кулак. Они не будут принимать участия в нашем походе против Паннионского Домина.

– Скверно, – проворчал Дуджек.

Бруд пожал плечами.

– Мы собрали вспомогательные силы, которые их заменят. Сольтанский Конный эскадрон, четыре клана баргастов, наёмники из Одноглазого Кота и Мотта...

Скворец чуть не поперхнулся. Он закашлялся, затем покачал головой.

– Это ведь не Моттские ополченцы?

Бруд ухмыльнулся так, что показались подпиленные зубы.

– Они. Ты уже успел с ними познакомиться, верно, командир? Когда служил в «Мосто-жогах».

– Было дело, – согласился Скворец. – И не только в бою – насколько я помню, они в основном воровали наши припасы и давали дёру.

– Мы это именуем логистическим талантом, – бросил Каллор.

– Я надеюсь, – сказал Бруд Дуджеку, – договорённости с Даруджистанским Советом оказались приемлемыми.

– О да, Воевода. Их... пожертвования... позволили нам пополнить запасы.

– Насколько я понимаю, из Даруджистана сюда выехала делегация, которая вот-вот должна прибыть, – добавил Бруд. – Если вам понадобится дополнительная помощь...

– Очень щедро с их стороны, – кивнул Первый Кулак.

– Нас ждёт штабной шатёр, – сказал Воевода. – Нужно обсудить некоторые детали.

– Как скажешь, – согласился Дуджек. – Воевода, мы долгое время сражались друг против друга – и я с радостью жду возможности выступить с тобой на одной стороне, для разнообразия. Будем надеяться, что Паннионский Домин окажется достойным противником.

Бруд поморщился.

– Лучше бы не слишком достойным.

– Согласен, – с ухмылкой отозвался Дуджек.

Серебряная Лиса по-прежнему стояла чуть в стороне, рядом с тисте анди и Мхиби. Она улыбнулась и тихо проговорила:

– Вот и свершилось. Они посмотрели друг другу в глаза. Оценили друг друга... и оба остались довольны.

– Удивительный союз, – пробормотала Корлат и покачала головой. – Так легко забыть столь многое...

– Прагматичные солдаты, – заметила Мхиби, – самые страшные из людей, каких мне довелось встречать за свою короткую жизнь.

Серебряная Лиса тихо хохотнула.

– И ты ещё сомневаешься в своей мудрости, мама...

Штабной шатёр Каладана Бруда располагался в самом центре лагеря тисте анди. Мхиби уже бывала здесь и немного привыкла к ним, но сейчас, шагая вместе с остальными среди тисте анди, вновь почувствовала их чуждость. Неизмеримая древность и пафос словно наполняли воздух в проходах между островерхими, узкими шатрами. Высокие, темнокожие фигуры, мимо которых проходили спутники, почти не говорили друг с другом, да и вообще обращали мало внимания на Бруда и его свиту – даже на Корлат, правую руку самого Аномандра Рейка, едва поднимали глаза.

Мхиби никак не могла этого понять – народ, больной равнодушием, апатией, которая делала даже обычный разговор слишком тяжким усилием. В долгом, измученном прошлом тисте анди скрывались трагедии. Раны, которые никогда не зарубцуются. Даже страдание, поняла рхиви, может стать образом жизни. То, что такое существование растянулось на десятилетия, века, тысячи лет, повергало Мхиби в безмолвный ужас.

Ряды узких, закрытых шатров напоминали некрополь, по которому бродили призраки. Жутковатое впечатление усилилось при виде изодранных, покрытых странными пятнами ленточек, привязанных к железным шестам шатров, и самих тисте анди – тонких, призрачных фигур. Они словно ждали, и от этого чувства вечного ожидания Мхиби всегда пробирала дрожь. Хуже того, она ведь знала, на что способны тисте анди, видела, как они обнажают клинки в ярости, а затем сражаются – с чудовищной эффективностью. Видела их чародейство.

Среди людей холодное равнодушие, проявляющееся в деяниях звериной жестокости, часто воспринималось как истинное лицо зла – если такой лик вообще существовал, – но тисте анди ещё ни разу не совершали подобных вопиющих злодеяний. Они дрались под командованием Бруда, за дело, которое было им чуждо, и немногих погибших в боях просто оставляли валяться на земле. Рхиви начали собирать эти тела, оплакивать и хоронить по своему обычаю. Сами тисте анди смотрели на усилия людей с непроницаемым выражением, будто не могли уразуметь, почему так много внимания уделяют обычному трупу.

Впереди показался штабной шатёр – был он восьмиугольный, растянутую на деревянном каркасе прежде красную, а теперь выгоревшую на солнце до ярко-оранжевого цвета парусину частенько латали. Когда-то шатёр принадлежал Багровой гвардии, затем его выбросили в кучу мусора, откуда шатёр извлёк всадник Хурлокель, чтобы вновь поставить на службу Воеводе. Как и в случае со знаменем, Бруда мало заботили пышные атрибуты власти и положения.

Широкий полог у входа был открыт и подвязан, а на передней распорке восседала, приоткрыв клюв словно бы в беззвучном смехе, великая ворониха. Тонкие губы Мхиби изогнулись в усмешке при виде Карги. Любимая прислужница Аномандра Рейка уже давно взялась изводить Каладана Бруда советами и упрёками, будто вывернутая наизнанку совесть. Она уже не раз испытывала терпение Воеводы – *но Бруд терпит её так же, как и самого Аномандра Рейка. Это нелёгкий союз... все сказания сходятся в том, что Бруд и Рейк уже очень, очень давно трудятся бок о бок, но доверяют ли они друг другу? Эти отношения нелегко понять, они скрыты под многочисленными слоями сложностей и двусмысленностей, тем труднее роль Карги, которая служит мостиком между двумя воителями.*

– Дуджек Однорукий! – закричала Карга и безумно каркнула. – Скворец! Я принесла вам привет от некоего Барука, алхимика из Даруджистана. И от моего повелителя, Аномандра Рейка, Владыки Лунного Семени, Рыцаря Высокого Дома Тьмы, сына самой Матери Тьмы. Я принесла вам его... нет, не приветствие даже... но веселие. Да, веселие!

Дуджек нахмурился.

– Что же так веселит твоего хозяина, птица?

– Птица?! – взвизгнула великая ворониха. – Я – Карга, несравненная прародительница всей громогласной, огромной стаи Лунного Семени!

Скворец хмыкнул.

– Прародительница великих воронов? Ты говоришь за них всех, да? Верю. Видит Худ, орёшь ты очень громко.

– Выскочка! Дуджек Однорукий, веселие моего хозяина объяснений не имеет...

– То есть – ты просто не знаешь, – перебил бывший Первый Кулак.

– Возмутительная дерзость! Веди себя прилично, смертный, иначе, когда настанет твой час, я попирую на твоём трупе!

– Клюв обломаешь о мою шкуру, Карга, но, вперёд, попытайся, когда придёт срок.

Бруд заворчал:

– Ты не потерял тот ремешок, чтобы клюв затянуть, Хурлокель?

– Никак нет.

Карга зашипела, пригнула голову и приподняла широкие крылья для защиты.

– Даже думать не смей, остолоп! Только попробуй повторить это оскорбление!

– Так придержи язык! – Бруд обернулся к остальным и знаком пригласил входить. Сидящая сверху Карга склонила голову набок, рассматривая каждого проходящего снизу солдата.

Когда настал черёд Мхиби, великая ворониха хихикнула.

– Девочка, что держит тебя за руку, скоро удивит нас всех, старуха.

Рхиви остановилась.

– Что ты почуяла, старая ворона?

Карга беззвучно рассмеялась, прежде чем ответить:

– Имманентность, милая глиняная чашечка, ничего больше. Привет тебе, дитя Серебряная Лиса.

Девочка некоторое время просто смотрела на великую ворониху, затем сказала:

– Привет, Карга. Я раньше не понимала, что ты и твой род зародились в гниющей плоти самого...

– Тихо! – заорала Карга. – Эту тайну нельзя разглашать! Ты должна научиться молчать, девочка, – для твоей же безопасности...

– Для *твоей* безопасности, ты хотела сказать? – с улыбкой ответила Серебряная Лиса.

– В данном случае да, не буду отрицать. Но послушай старое, мудрое создание, прежде чем войти в этот шатёр, дитя. Там, внутри, есть те, кто увидит в твоих познаниях – если по глупости их раскроешь – лишь смертельную угрозу. Откровения могут привести тебя к смерти. И знай: ты ещё не способна сама себя защитить. Не способна на это и Мхиби, которую я люблю и ценю, – не в том её сила. Вам обоим понадобятся защитники, понимаешь?

С невозмутимой улыбкой Серебряная Лиса кивнула.

Не осознавая этого, Мхиби крепче сжала руку дочери, её захлестнула волна эмоций. Рхиви видела опасность, грозившую им обоим, знала и о могуществе, которое вызревало в ребёнке. *Но в себе я не чувствую силы, ни боевой, ни какой-либо другой. Карга верно назвала меня «глиняной чашечкой», но то, что я прежде защищала, уже не во мне, – стоит рядом, беззащитное, слабое дитя.* Мхиби в последний раз взглянула на великую ворониху, прежде чем Серебряная Лиса увела её внутрь. Посмотрела в чёрные, блестящие глаза Карги. *Любишь и ценишь меня, ворона? Да благословят тебя за это небеса.*

Центральную комнату штабного шатра почти полностью занимал огромный, заваленный картами стол из грубо обтёсанной древесины, кривой и покосившийся, словно делал его вусмерть пьяный плотник. Когда вошли Мхиби и Серебряная Лиса, старый солдат, Скворец, – уже сняв шлем и зажав его под мышкой – хохотал, не сводя глаз со стола.

– А ты негодяй, Воевода, – протянул он, качая головой.

Бруд нахмурился, глядя на стол.

– Признаю, особой красотой он не отличается...

– Это потому, что его Скрипач и Вал сделали, – сказал малазанец. – В Моттском лесу...

– Кто такие Скрипач и Вал?

– Два моих сапёра, я тогда командовал Девятым взводом. Они устроили очередную свою растреклятую игру – в карты из Колоды Драконов, – ну и им нужно было на чём-то играть. Собрали ещё сотню «мостожогов», хоть нас тогда постоянно атаковали, не говоря уж о том, что армия завязла посреди болота. Игру прервал сильный бой – нас выбили с позиций, мы отступили, затем вернулись, это всё не больше колокола заняло – и глянь-ка, пока нас не было, кто-то уволок двухсотфунтовый стол! Ты бы слышал, как ругались сапёры...

Каладан Бруд скрестил руки на груди, продолжая хмуро смотреть на стол. Через некоторое время он хмыкнул.

– Это подарок от Моттских ополченцев. Он мне хорошо послужил... Передай мои, хм, комплименты своим сапёрам. Если хочешь, прикажу, чтобы стол вернули...

– Не нужно, Воевода... – Казалось, малазанец хотел сказать что-то ещё, что-то важное, но затем просто покачал головой.

Мхиби вздрогнула, услышав, как ахнула Серебряная Лиса. Она посмотрела на дочь, вопросительно приподняв брови, но девочка лишь переводила взгляд со стола на Скворца и обратно – и улыбалась.

– Дядя Скворец, – внезапно сказала Серебряная Лиса. Все посмотрели на неё, а девочка невозмутимо продолжила: – Эти сапёры в своей игре... они мухлюют, да?

Бородатый малазанец нахмурился.

– Я бы такое обвинение поостерёлся повторять, особенно если рядом есть кто-то из «мостожогов». Много денег перешло из рук в руки за этим столом, и всё больше в одни руки. Мухлевали ли Скрип и Вал? Они выдумали такие сложные правила, что никто не смог бы сказать наверняка. Так что отвечаю: сам не знаю. – Разглядывая Серебряную Лису, солдат хмурился всё сильнее, словно его что-то беспокоило.

Что-то... будто почувствовал что-то знакомое... Мхиби начала понимать. *Конечно! Он ведь о ней ничего не знает – о том, чем она стала, чем была. Для него это – их первая встреча, а она его назвала дядей и ещё – этот голос, низкий, гортанный, знающий... Он узнаёт не девочку, а женщину, которой она когда-то была.*

Все ждали от Серебряной Лисы продолжения, хоть какого-то объяснения. Но она молча подошла к столу и провела рукой по неровной поверхности. Губы девочки тронула лёгкая улыбка. Затем Серебряная Лиса подтянула поближе один из стульев и села.

Бруд вздохнул и сделал знак Хурлокелю.

– Найди нам карту Паннионского Домина.

Когда расстелили большую карту, остальные медленно собрались вокруг стола. Через некоторое время Дуджек хмыкнул.

– Такой подробной у нас нет. Ни одной, – сказал он. – Тут отмечены позиции паннионских армий – какой давности сведения?

– Трёхдневной, – ответил Бруд. – Там летают родичи Карги, наблюдают за перемещениями. Заметки о военной организации паннионцев, их обычной тактике отобраны из разных источников. Как видите, они нацелились на город Капастан. Маурик, Сетта и Лест пали за последние четыре месяца. Паннионские войска всё ещё на южной стороне реки Серп, но подготовка к переправе началась...

– Капастанская армия не будет пытаться удержать переправу? – спросил Дуджек. – Иначе они же сами напрашиваются на осаду. Я так понимаю, никто не ожидает, что город продержится долго.

– В самом Капастане ситуация несколько запутанная, – объяснил Воевода. – Городом правят князь и коалиция Высших жрецов, и эти две фракции всегда на ножах друг с другом. Проблем стало только больше, когда князь вдобавок к своей крошечной дружине нанял отряд наёмников...

– Какой отряд? – спросил Скворец.

– «Серые мечи». Слыхали о них, командир?

– Нет.

– Я тоже, – сказал Бруд. – Говорят, они откуда-то из Элингarta – крупное подразделение, больше семи тысяч. Стоят ли они баснословной платы, которую потребовали с князя, мы скоро узнаем. Видит Худ, их так называемый «стандартный контракт» в два раза дороже того, что требует обычно Багровая гвардия.

– Их командир просто всё просчитал, – заметил Каллор таким тоном, будто умирал от усталости или от невыносимой скуки. – У князя Джеларкана больше монет, чем солдат, а от паннионцев не откупиться – для Провидца это священная война. Хуже того, совет жрецов командует небольшими храмовыми армиями хорошо вооружённых и обученных солдат. Это почти три тысячи самых сильных бойцов города, а князю достаются отбросы, которые поступают в его дружину – Капанталл. К тому же закон воспрещает набирать в неё более двух тысяч солдат. Долгие годы Совет Масок – коалиция храмов – использовал Капанталл как площадку для отбора бойцов в свои личные отряды, лучших перекупали...

Мхиби была явно не одинока в подозрении, что, если ему позволить, Каллор будет витийствовать до вечера: Скворец перебил Верховного короля, как только тот сделал паузу, чтобы набрать воздуха.

– Выходит, этот князь Джеларкан обошёл закон, призвав наёмников.

– Верно, – быстро откликнулся Бруд. – Но всё равно Совет Масок вытащил на свет ещё один закон, который запрещает «Серым мечам» вступать в открытый бой за стенами города, так что бороться за переправу они не будут...

– Кретины! – прорычал Дуджек. – Учитывая, что это священная война, уж храмы-то должны были бы сделать всё, чтобы создать общий фронт против паннионцев.

– Я полагаю, они считают, будто именно это и делают, – отозвался Каллор с презрительной ухмылкой, которая адресовалась то ли Дуджеку, то ли жрецам из Капастана, то ли всем вместе. – И при этом гарантируют, что князь не присвоит себе лишней власти.

– Тут всё сложнее, – возразил Бруд. – Правительница Маурика капитулировала почти без кровопролития: арестовала всех жрецов в своём городе и выдала их паннионским тенескаури. Одним махом она спасла свой город и его жителей, наполнила сундуки храмовыми драгоценностями и избавилась от вечной занозы. Паннионский Провидец сделал её наместницей, а это намного лучше, чем если тебя разорвут на куски и сожрут тенескаури: именно так они и поступили со жрецами.

Мхиби выдохнула сквозь зубы:

– Разорвут и *сожрут*?

– Да, – сказал Воевода. – Тенескаури – это крестьянская армия Провидца – фанатики, которых Провидец даже не пытается снабжать продовольствием. Он их благословил кормиться и вооружаться так, как получится. Если хоть часть слухов верна, каннибализм – ещё не худшее...

– Мы слышали подобные слухи, – перебил Дуджек. – Итого, Воевода, перед нами вопрос – попытаемся спасти Капастан или позволим ему пасть? Провидец наверняка знает, что мы идём – его последователи разнесли культ далеко за пределами границ Домина, в Даруджистан, Крепь, Сольтан, – значит, он понимает, что мы будем переходить реку Серп – рано или поздно, так или иначе. Если он возьмёт Капастан, получит и самый широкий брод. А нам останется только старый брод к западу от Сольтана, где раньше был каменный мост. Понятно, что наши инженеры смогут там навести понтонный мост, если принесём с собой древесину. Это вариант сухопутный. Есть, конечно, и два других...

Карга, которая уже умостила на краю стола, каркнула:

– Только послушайте его!

Мхиби кивнула, она понимала ворониху и тоже лишь диву давалась.

Дуджек нахмурился, глядя через стол на Каргу.

– Птица, в чём дело?

– Воистину ты – ровня Воеводе! Слово в слово ты говоришь вслух то, что он думает! О, сколько поэзии в том, как вы, словно два отточенных клинка, сходились в бою последние двенадцать лет?

– Заткнись, Карга, – приказал Бруд. – Капастан будет осаждён. У паннионцев серьёзные силы – мы выяснили, что армию возглавил септарх Кульпат, самый способный из всех септархов Провидца. Он ведёт с собой половину от общего числа беклитов – то есть пятьдесят тысяч пехотинцев – и подразделение урдомов в дополнение к обычным вспомогательным войскам. Капастан город небольшой, но князь хорошо потрудился над укреплением стен, и сама планировка города отлично подходит для того, чтобы медленно отступать, укрепляя один квартал за другим. Если «Серые мечи» не высунутся далеко для первой схватки, Капастан сумеет продержаться какое-то время. Тем не менее...

– Мои Чёрные моранты могут высадить несколько подразделений в городе, – сказал Дуджек, оглянувшись на молчаливого Вывиха, – но если мы не получим прямого приглашения и разрешения, возникнут серьёзные трения.

Каллор фыркнул.

– Это ещё мягко сказано. Какой же город в Генабакисе согласится добровольно впустить малазанские легионы? Хуже того, вам придётся тащить с собой продовольствие – и не сомневайся, Первый Кулак, – не говоря уж об открытой враждебности капанцев.

– Ясно одно, – вступил Скворец, – нужно установить предварительный контакт с Капастанским князем.

Серебряная Лиса хихикнула, так что все вздрогнули.

– Так всё разыгрываешь, дядя! Но ты ведь уже привёл в действие план, который предлагаешь. Вы с одноруким солдатом всё продумали до последней детали. Вы собираетесь освободить Капастан, пусть и не напрямую – вы двое никогда ничего не делаете напрямую, да? Хотите спрятаться за событиями – классическая малазанская тактика, если такая вообще существует.

На лицах малазанцев, словно на лицах опытных игроков, какими, впрочем, они и являлись, не дрогнул ни один мускул.

Каллор захихикал, его смех прозвучал как тихое дребезжание старых костей.

Мхиби внимательно посмотрела на Скворца. *Девочка ведь очень пугает, да? Клянусь духами – и меня тоже, а я знаю много больше твоего, господин.*

– Что ж, – пророкотал через некоторое время Бруд, – я рад, что мы согласны в главном – Капастан не должен пасть, если мы сумеем этому помешать, и снимать осаду лучше не в лоб, учитывая обстоятельства. Нужно, чтобы нас видели – основную массу твоих сил, Однорукий, и моих: пойдём маршем по суше, с предсказуемой скоростью. Этим мы подскажем септарху Кульпату, каковы должны быть сроки осады – для него и для нас. Я полагаю, мы также согласны в том, что Капастан не должен стать нашей единственной целью.

Дуджек медленно кивнул.

– Как бы мы ни старались, город всё равно может пасть. Если мы хотим одолеть Панионский Домин, бить нужно в сердце.

– Согласен. Скажи, Однорукий, какой город ты выбрал для первого сезона этой кампании?

– Коралл, – мгновенно ответил Скворец.

Все посмотрели на карту. Бруд ухмылялся.

– Похоже, мы и вправду думаем одинаково. Когда доберёмся до северной границы Домина, словно копё, метнёмся на юг, быстро освободим города... Сетту, Лест, Маурик – вот уж наместница обрадуется, – затем сам Коралл. За один сезон мы перечеркнём всё, чего Провидец добился за последние четыре года. Я хочу, чтобы этот культ трещал по швам, чтобы покрылся трещинами сверху донизу.

– Да, Воевода. Значит, пойдём по суше, так? Никаких барж – это заставило бы Кульпата торопиться. Осталось прояснить последний вопрос, – продолжил Скворец, переводя взгляд серых глаз на единственного, за вычетом моранта, участника совета, который ещё не говорил. – Чего нам ждать от Аномандра Рейка? Корлат? Тисте анди будут с нами?

Та лишь улыбнулась.

Бруд откашлялся.

– Как и вы, – сказал он, – мы тоже предприняли некоторые шаги. Уже сейчас Семя Луны движется к Домину. Но прежде чем оно достигнет территории Провидца, Семя... исчезнет.

Дуджек приподнял брови.

– Впечатляюще.

Карга захихикала.

– Мы мало знаем о чарах, которые стоят за властью Провидца, – продолжил Воевода, – по сути, знаем лишь, что они существуют. Как и ваши Чёрные моранты, Семя Луны предоставляет нам тактические возможности, которые глупо было бы не использовать. – Ухмылка

Бруда стала шире. – Как и ты, Первый Кулак, мы хотим избежать предсказуемости. – Он кивнул в сторону Корлат. – Тисте анди владеют могучим колдовством...

– Его не хватит, – вмешалась Серебряная Лиса.

Корлат нахмурилась, глядя на девочку.

– Это смелое заявление, дитя.

Каллор зашипел:

– Не верьте ничему, что она говорит. Хуже того, как прекрасно знает Бруд, я считаю её присутствие на этой встрече глупостью – она нам не союзник. Она всех нас предаст, попомните мои слова. Предательство – её самый старый друг. Услышьте меня все вы. Это создание – чудовище.

– Ах, Каллор, – вздохнула Серебряная Лиса, – тебе обязательно нужно всегда так выражаться?

Дуджек обернулся к Каладану Бруд.

– Воевода, по правде сказать, я несколько обескуражен присутствием этой девочки – кто она такая, Худа ради? Она, кажется, владеет сверхъестественными знаниями. На вид – ребёнок лет десяти...

– Она куда старше, – проскрипел Каллор, глядя на Серебряную Лису жестоким, ненавидящим взглядом. – Взгляни на старуху рядом, – прорычал Верховный король. – Ей едва сравнялось двадцать зим, Первый Кулак, а этот *ребёнок* появился из её чрева не больше шести месяцев тому. Чудовище кормится жизненной силой своей матери – нет, не матери даже, несчастного сосуда, который выносил этого ребёнка, все вы поёжились, когда услышали про людоедство тенескаури, так что скажете о создании, которое пожирает живую душу той, что его породила? Более того... – Он замолчал, явно сдержался, чтобы не сказать лишнего, и сел. – Её следует убить. Немедленно. Прежде чем её сила превзойдёт нашу.

В шатре воцарилась тишина.

Будь ты проклят, Каллор. Это ты хочешь показать нашим новообретённым союзникам? Раскол в лагере. И... о, нижние духи... будь ты дважды проклят, она ведь не знала. Она не знала...

Дрожа, Мхиби взглянула на Серебряную Лису. В широко распахнутых глазах девочки блеснули слёзы.

– Правда? – прошептала она. – *Я кормлюсь тобой?*

Мхиби закрыла глаза, горько пожалела, что не может утаить от Серебряной Лисы правду, утаить навсегда. Рхиви сказала:

– Это не твой выбор, дочь. Это просто часть того, чем ты стала, я принимаю это... – *Но ненавижу эту чудовищную жестокость.* – ... как должна принять и ты. В тебе таится жажда, Серебряная Лиса, сила древняя и неоспоримая – ты тоже знаешь её, чувствуешь...

– Древняя и неоспоримая? – проскрипел Каллор. – Тебе неведома и малая доля правды, женщина. – Он перегнулся через стол, схватил Серебряную Лису за тунику, подтащил к себе. Когда их лица оказались на расстоянии дюйма друг от друга, Верховный король оскалился. – Ты ведь там, внутри, да? Я знаю. Я чувую. Выходи, сука...

– Отпусти её, – приказал Бруд низким, тихим голосом.

Ухмылка Верховного короля стала шире. Он отпустил девочку, медленно отодвинулся.

Сердце Мхиби яростно колотилось, она поднесла дрожащую руку к лицу. Когда Каллор схватил её дочь, Мхиби овладел безотчётный ужас, ледяной волной прокатился по телу, лишая силы руки и ноги, без труда сметая материнский инстинкт – защитить, – так что сама Мхиби и все остальные увидели её страх, трусость. Рхиви почувствовала, как слёзы стыда наполняют глаза, катятся по морщинистым щекам.

– Тронешь её ещё раз, – продолжил Воевода, – я тебя изобью до беспометства, Каллор.

– Воля твоя, – ответил древний воитель.

Скрипнула кожа доспехов – Скворец повернулся к Каладану Бруд. Лицо командира потемнело, выражение на нём застыло суровое.

– Не сделай ты этого, Воевода, я бы сам ему пригрозил. – Он пронзил Верховного короля железным взглядом. – Поднимать руку на ребёнка? Я не бил бы тебя, Каллор, я бы тебе сердце вырвал.

Верховный король ухмыльнулся.

– В самом деле? Я уже дрожу от страха.

– И так сойдёт, – пробормотал Скворец. Вдруг его затянутая в перчатку рука взметнулась, описала дугу и врезалась в лицо Каллора. На стол брызнула кровь, голова Верховного короля резко откинулась назад. От сильного удара он зашатался. Каллор сжал кулак на рукояти меча, меч зашипел... и замер. Остановился выдвинутым из ножен наполовину.

Верховный король больше не мог шевельнуть рукой, поскольку его запястья держал Каладан Бруд. Каллор напрягся, вены вздулись на шее и на висках, но он ничего не добился. Затем Бруд, видимо, сжал кулаки сильнее, потому что Верховный король ахнул, разжал пальцы, меч с глухим стуком скользнул обратно в ножны. Бруд наклонился к Каллору, но Мхиби всё равно расслышала тихие слова:

– Прими то, что заслужил, Каллор. С меня довольно твоей наглости на этой встрече. Ещё раз решишь испытать моё терпение, и по лицу тебя ударит мой молот. Ясно?

После долгой паузы Верховный король хмыкнул.

Бруд отпустил его.

В шатре воцарилось молчание, никто не шевелился, все не сводили глаз с крови на лице Каллора.

Дуджек вытащил из-за пояса платок – твёрдый от засохшей мыльной пены для бритья – и бросил Верховному королю.

– Оставь себе, – пробурчал малазанец.

Мхиби встала за спиной у бледной, перепуганной Серебряной Лисы, положила ладони на плечи дочери.

– Хватит, – прошептала она. – Пожалуйста.

Скворец снова повернулся к Бруд, он больше не обращал на Каллора внимания, словно тот перестал существовать.

– Объясни, пожалуйста, Воевода, – спокойно проговорил командир, – что это за ребёнок такой?

Сбросив руки матери с плеч, Серебряная Лиса поднялась, замерла, будто собиралась убежать. Затем покачала головой и судорожно вздохнула.

– Нет, – сказала она, – должна ответить я, и только я. – Она посмотрела на мать – их взгляды на краткий миг встретились, – затем ещё раз оглядела остальных. – За всё, – прошептала девочка, – должна ответить я, и только я.

Мхиби протянула руку, но не коснулась.

– Ты должна принять это, дочь, – сказала она и сама почувствовала хрупкость своей решимости, поняла – с новым приступом стыда, – что и остальные её заметили. *Ты должна простить... простить себя сама. Ох, нижние духи, я не смею произнести такие слова – я потеряла на это право, теперь уж наверняка потеряла...*

Серебряная Лиса обернулась к Скворцу.

– Теперь правда, дядя. Я родилась из двух душ, одну из которых ты знал очень хорошо. Рваную Снасть. Другая душа вышла из расчленённого, изуродованного тела Высшей чародейки по имени Ночная Стужа – на деле лишь обожжённых костей и мяса, хотя часть её сохранилась благодаря заклятью. Рваная Снасть... умерла... внутри сферы воздействия Пути Телланн, исходившей от т'лан имасса...

Только Мхиби заметила, как вздрогнул знаменосец Артантос. *А что об этом знаешь ты, господин?* Но вопрос недолго занимал её внимание – слишком трудно было сейчас размышлять и делать выводы.

– Под этим воздействием, дядя, – продолжала Серебряная Лиса, – что-то произошло. Нечто неожиданное. Явился заклинатель костей из далёкого прошлого, и Старший бог, и смертная душа...

Продолжая прижимать платок к лицу, Каллор глухо фыркнул.

– «Ночная Стужа», – пробормотал он. – Никакого воображения... К'рул-то хоть знал? Ах, какая ирония...

Серебряная Лиса продолжала:

– Эти трое собрались, чтобы помочь моей матери, этой рхиви, которая понесла под сердцем невозможного ребёнка. Я родилась в двух местах одновременно – среди рхиви в этом мире и в руках заклинателя костей на Пути Телланн. – Девочка помолчала, задрожала, будто исчерпала последние силы. – Моё будущее, – прошептала она после долгой паузы, обхватив себя руками, – принадлежит т'лан имассам. – Она вдруг резко обернулась к Корлат. – Грядёт Соединение, и вам понадобится их сила в будущей войне.

– Богомерзкая случка, – прохрипел Каллор, оторвав руку с платком от лица. Он гневно сощурился, кожа под пятнами крови побелела, точно пергамент. – Как я и боялся... ах, глупцы! Все вы здесь. Глупцы...

– Соединение? – повторила тисте анди, не обращая внимания на слова Верховного короля. – Зачем? Для чего они собираются, Серебряная Лиса?

– Это мне решать, ибо я существую, чтобы приказывать им. Приказывать им всем. Моё рождение стало знаком к Соединению – повелением, которое услышал каждый т'лан имасс в этом мире. А теперь те, кто может, собираются. Они *идут сюда*.

Голова у Скворца шла кругом. Мало того, что раскол в армии Бруда оказался очень серьёзным, а уж откровения этого ребёнка... мысли разбежались, ушли по спирали вниз... только чтобы всплыть совсем в другом месте. Штабной шатёр словно отступил в туман, а сам командир очутился в мире хитроумных планов, мрачных предательств и их кровавых, неожиданных последствий – в мире, который от всей души ненавидел.

Воспоминания встали перед ним словно призраки. Канонада у Крепи, уничтожение «Мостожогов», атака на Семя Луны. Эпидемия подозрений, водоворот отчаянных планов...

А'Каронис, Беллурдан, Ночная Стужа, Рваная Снасть... Список погибших чародеев, который можно было бы швырнуть к ногам Высшего мага Тайшренна, оказался начертан кровью бессмысленной паранойи. Скворец отнюдь не скучал по Высшему магу, хотя и подозревал, что тот совсем не так далеко, как кажется. *Объявив вне закона, Ласин развязала нам руки... но всё это ложь.* Лишь они с Дуджеком знали правду – остальное Войско искренне считало, что Императрица объявила их предателями. Они были преданы лишь Дуджеку Однорукому *и, быть может, мне тоже. И видит Худ, эту преданность нам придётся испытывать в этой войне...*

Но она знает. Девочка знает. Он не сомневался в том, что это – возрождённая Рваная Снасть. Чародейка проглядывала тут и там – в чертах лица, в позах, движениях, в сонном, понимающем взгляде. От этого у Скворца голова шла кругом – нужно время, необходимо обдумать все последствия...

Рваная Снасть возродилась... Худ тебя побери, Тайшренн, – нечаянно или нет, но что же ты наделал?

Скворец не помнил Ночную Стужу – они никогда не разговаривали, так что знал он её только понаслышке. Возлюбленная теломена, Беллурдана, владевшая чарами Высшего Рашана, была среди избранных Императора. И её тоже предали, как и «Мостожогов»...

У неё, как говорят, был жёсткий характер, точно внутри скрывался зазубренный, запятнанный кровью железный клинок. Скворец видел, как то, что осталось от этой женщины, бросило тень на ребёнка – мягкий блеск глаз Рваной Снасти, казалось, стал чуть более тусклым, и от этого у командира сердце было не на месте.

Ох, Худ. Одно из последствий вдруг улеглось на своё место в его голове – с гулким грохотом. Ох, боги, простите нам наши глупые игры...

В Крепи его ждал Ганос Паран. *Любовник Рваной Снасти. Что он подумает о Серебряной Лисе?* Из взрослой женщины стала в миг младенцем, затем из младенца – десятилетней девочкой за шесть месяцев. *А ещё через шесть месяцев? Двадцатилетней девушкой? Паран... ох, парень... может, именно горе прожигает дыру у тебя в животе? Если так, что же сотворит с тобой это возрождение?*

Пока он пытался осознать слова девочки и всё то, что увидел в её лице, мысли малазанца устремились к Мхиби, которая стояла позади Серебряной Лисы. Скворца захлестнуло горе. Как суровы боги. Старуха, скорее всего, умрёт в течение года, станет жестокой жертвой на алтаре нужд своего ребёнка. *Жуткое, злое извращение естественной роли матери.*

Последние слова девочки словно огнём обожгли командира. *«Они идут сюда». Т'лан имассы – Худов дух, будто без них было просто. Кому верить? Каллор, сам – холодный, бесчеловечный ублюдок, назвал её чудовищем. Он бы её убил, если бы мог. Это ясно. Я не подниму руку на ребёнка... но ребёнок ли это?*

И всё же... Худов дух! Она ведь возрождённая Рваная Снасть, отважная, благородная женщина. И Ночная Стужа, Высшая чародейка, которая служила Императору. И ещё – самое странное, самое тревожное: она – новая правительница т'лан имассов...

Скворец моргнул, снова увидел перед собой шатёр и людей в нём. Молчание, пронизанное беспокойными мыслями. Его взгляд вновь метнулся к Серебряной Лисе – малазанин увидел бледность юного, круглого личика, с уколом сочувствия отметил, как дрожат руки девочки – и вновь отвернулся. Тисте анди, Корлат, внимательно смотрела на него. Их взгляды встретились. *Какая удивительная красота... а Дуджек – уродлив, как собака. Вот ещё одно доказательство того, что я не ту сторону выбрал тогда, много лет назад. Нет, в этом смысле я её не интересую точно, что-то другое она пытается мне сказать...* Через некоторое время Скворец кивнул. *Серебряная Лиса... она пока ребёнок, да. Глиняная табличка, ещё едва тронутая. Да, тисте анди, я тебя понимаю.*

Те, кто будет рядом с Серебряной Лисой, могут повлиять на то, чем она станет. Корлат хотела переговорить с ним с глазу на глаз, и командир принял предложение. Скворец пожалел, что рядом нет Быстрого Бена – в таких ситуациях маг из Семи Городов чувствовал себя как рыба в воде. А командир уже и так растерялся. *Паран, несчастный ты негодяй. Что я тебе скажу? Устроить тебе встречу с Серебряной Лисой? Да и смогу ли я её предотвратить, когда ты узнаешь? И вообще, моё ли это дело?*

Карга распахнула клюв, но на этот раз отнюдь не в приступе беззвучного хохота. Её охватил непривычный страх. *Т'лан имасс! И К'рул, Старший бог! Они знают правду о великих вóронах, правду, которой не ведает никто другой – кроме Серебряной Лисы... клянусь Бездной, Серебряной Лисы, которая заглянула в мою душу и прочла там всё.*

Беспечная, неосторожная девочка! Хочешь заставить нас защищаться? Бороться с тобой, с теми, кому ты собираешься приказывать? Мы, великие вóроны, никогда не вели собственных войн – хочешь, чтобы мы всполошились из-за твоих необдуманных откровений?

Если Рейк узнает... оправдываться будет бессмысленно. Мы ведь были там, когда его сковали? Но... да, мы были там, даже когда он пал! Великие вóроны зародились, точно черви, в плоти Павшего, и это, о это нас погубит! Но погоди! Разве не были мы благород-

ными хранителями магии Увечного Бога? Разве не мы донесли до всех вести о Паннионском Домине, об угрозе, которую он представляет?

Магия, которую мы используем, если нас вынудить... Ах, дитя, ты столько всего поставила под угрозу своими неосторожными словами...

Чёрные, блестящие глаза ворониhi нашли Каладана Бруда. Какие бы мысли ни роились в его голове, всё оставалось скрыто под бездушной, звериной маской лица Воеводы.

Прекрати паниковать, старая дура. Займись делом. Думай!

Малазанская империя использовала силы т'лан имассов во времена правления старого Императора. Так она покорила Семь Городов. После гибели Келланведа союз распался, поэтому Генабакис так и не познал разрушительного, неумолимого удара десятков тысяч немёртвых воинов, которые способны странствовать по миру, как пыль на ветру. Только это и позволило Каладану Бруду на равных встретить малазанцев... *Ах, быть может, так только кажется. Разве он хоть раз использовал полную силу тисте анди? Или самого Аномандра Рейка? Разве показал хоть раз свою собственную истинную мощь? Бруд – Взошедший, об этом иногда забываешь. Путь его – Тэннес, сила самой земли, что служит домом для вечно спящей богини Огни. У Каладана Бруда есть сила – в могучих руках, в тяжёлом молоте за плечами, – которой хватит, чтобы раздробить горы. Преувеличение? Пролетишь низко над разбитыми пиками на плато Лейдерон и увидишь свидетельства несдержанных поступков его юности... Ах, Бабушка Карга, тебе ли не знать! Сила силу призывает, притягивает. Всегда так было, а теперь явятся т'лан имассы, и баланс вновь изменится.*

Мои дети следят за Паннионским Доминиом – они чувствуют силу, что подымается над этой землёй, столь обильно освящённой кровью, но сила остаётся безликой, словно скрытой под бесконечными слоями обмана. Что кроется в самом сердце этой империи фанатиков?

Жуткое дитя знает – клянусь ложем изломанной плоти бога, что знает. И она поведёт т'лан имассов... в самое сердце.

Понимаешь ты это, Каладан Бруд? Думаю, да. И пусть седой тиран Каллор упрямо повторяет свои предостережения... пусть тебя тоже потрясла весть о приближении армии нежити, куда больше ты огорошен осознанием того, что немёртвые воины будут нужны. Против чего же мы собрались воевать? Что останется от нас, когда война завершится?

И, клянусь Бездной, какую же истину о Серебряной Лисе знает Каллор?

С трудом одолев отвращение к себе самой, Мхиби придала своим мыслям жестокую ясность. Она слушала всё, что говорила Серебряная Лиса, отмечала каждое слово и то, что скрывалось между слов. Рхиви обхватила себя руками, пошатнулась под градом откровений из уст дочери. Всё в ней восставало против такого отчаянного разглашения тайн – сколько опасностей это вызовет! Но теперь Мхиби начала понимать, в каком положении оказалась Серебряная Лиса – эти признания были на деле мольбой о помощи.

Ей нужны союзники. Она знает, что одной меня мало, нижние духи ей это наглядно показали – здесь и сейчас. Более того, она знает, что эти два лагеря, столь долго бывшие врагами, должны соединиться. Родившись в одном, она тянется к другому. Всё, что было когда-то Рваной Снастью и Ночной Стужей, взывает к прежним друзьям. Отзовутся ли?

По лицу Скворца она не могла ничего прочесть.

Может, он согласен с Каллором. *Чудовище.* Мхиби заметила, как малазанец обменялся взглядами с Корлат, и задалась вопросом, что же это значит.

Думай! В природе всех здесь собравшихся разрешать всякую ситуацию тактически, отбрасывать личные чувства, оценивать, взвешивать, балансировать. Серебряная Лиса вышла на свет; заявила претензию на положение, сравнимое с властью Бруда, Аномандра

Рейка и Каллора. Может, Дуджек Однорукий теперь гадает, с кем ему на самом деле договариваться? Понимает ли он, что все мы объединились только лишь из-за него – что целых двенадцать лет кланы баргастов и рхиви, отряды и дружины из нескольких десятков городов, тисте анди, Рейк, Бруд и Каллор, не говоря уж о Багровой гвардии – все мы стояли плечом к плечу лишь из-за Малазанской империи? Из-за самого Первого Кулака.

Но теперь у нас новый враг, и большая часть его природы ещё неведома, что породило среди нас... хрупкость – и это ещё мягко сказано! – которую Дуджек Однорукий теперь видит.

Серебряная Лиса утверждает, будто нам понадобятся т'лан имассы. Только злобного старого Императора радовали немёртвые союзники – даже Каллор отшатнулся, когда понял, что ждёт нас. Хрупкий союз теперь скрипит и трещит по швам. Ты слишком мудрый человек, Первый Кулак, чтобы не испытывать серьёзных сомнений.

Первым после Серебряной Лисы заговорил однорукий старик. Он обратился к девочке с неторопливыми, тщательно взвешенными словами:

– Т'лан имассы, с которыми знакома Малазанская империя – это армия, которой командует Логрос. Из твоих слов можно заключить, будто существуют и другие армии, о которых мы никогда не слышали. Почему, дитя?

– Последнее Соединение, – ответила Серебряная Лиса, – произошло сотни тысяч лет назад, на нём был проведён Обряд Телланна, который вплёл Путь Телланн в каждого из имассов. Этот обряд сделал их бессмертными, Первый Кулак. Жизненная сила целого народа была связана во имя священной войны, которой было суждено продлиться тысячелетия...

– Против яггутов, – прохрипел Каллор. Под маской подсохшей крови его лицо скривилось в усмешке. – Если не считать горстки Тиранов, все яггуты были пацифистами. Единственное их преступление – то, что они существовали...

Серебряная Лиса резко обернулась к старому воину.

– Не смей говорить о несправедливости, Верховный король! У меня сохранилось довольно воспоминаний Ночной Стужи, чтобы знать об Имперском Пути – месте, которым ты, Каллор, правил до того, как малазанцы его присвоили. Ты разорил и уничтожил целое царство – погубил всё живое, не оставил ничего, кроме пепла и обожжённых костей. *Целый континент!*

Ухмылка высокого воителя была жуткой.

– Ага, ты всё-таки там. Прячешься, я полагаю, искажаешь правду в ложные воспоминания. Прячешься, жалкая, проклятая женщина! – Его ухмылка стала жёсткой. – Если помнишь это, должна помнить и то, что не стоит испытывать мой нрав, заклинательница! Рваная Снасть. *Ночная Стужа... милое дитя...*

Мхиби увидела, как её дочь побледнела. *Между ними... я чувствую давнюю вражду – как же я раньше этого не поняла? Древняя память – связь между ними. Между моей дочерью и Каллором – нет, между Каллором и одной из душ внутри неё...*

В следующий миг Серебряная Лиса снова перевела взгляд на Дуджека.

– Отвечаю на твой вопрос: Логрос и кланы под его рукой получили задание охранять Первый Престол. Остальные армии отправились уничтожать последние цитадели яггутов – яггуты возвели ледовые стены. Омтоз Феллак – Путь льда, Первый Кулак, Путь смертного холода, Путь, почти лишённый жизни. Яггутское чародейство грозило миру... уровень моря упал, целые виды вымерли – всякая горная гряда обратилась стеной. Лёд тек белыми реками вниз по склонам. Кое-где слой льда был глубиной в лигу. Смертные имассы оказались отрезаны друг от друга, потеряли единство. Они не могли преодолеть такие стены. Начался голод...

– Война против яггутов началась задолго до того, – огрызнулся Каллор. – Они пытались защищаться, и кто бы не пытался на их месте?

Серебряная Лиса просто пожала плечами.

– Став нежитью Телланна, мы смогли пересечь ледовые стены. Цена за уничтожение врага была... высокой. Ты ничего не слышал об этих армиях, потому что многие из них были полностью уничтожены, а иные, вероятно, продолжают войну в далёких, негостеприимных землях.

На лице Первого Кулака возникло печальное выражение.

– Сами воины Логроса однажды покинули Империю и скрылись в пустошах Ягг-одана, а когда вернулись... их стало намного меньше.

Девочка кивнула.

– Войска Логроса откликнулись на твой призыв?

Она нахмурилась и сказала:

– Я не знаю наверняка – ни про кого из них. Они *услышали*. Все придут, если смогут, и я чувствую приближение одной армии, по крайней мере, мне так кажется.

Ты многого не говоришь нам, дочь. По глазам вижу. Ты боишься, что мольба о помощи останется не услышанной, если скажешь слишком много.

Дуджек вздохнул и обратился к Воеводе:

– Каладан Бруд, продолжим обсуждение стратегии?

Солдаты вновь склонились над картой под тихое карканье Карги. Вскоре Мхиби взяла дочь за руку и повела к выходу. Корлат присоединилась к ним у полога. К удивлению Мхиби, следом вышел и Скворец.

Прохладный вечерний ветер приятно охлаждал кожу после духоты в тесном шатре. Все молчали, но не сговариваясь отправились вместе к пустой площадке между лагерем тисте анди и стойбищем баргастов. Там, задержавшись, малазанец пристально посмотрел на Серебряную Лису.

– Я вижу в тебе многое от Рваной Снасти, девочка. Сколько её памяти, сколько её воспоминаний о жизни в тебе осталось?

– Лица, – ответила Серебряная Лиса с едва заметной улыбкой. – И связанные с ними чувства, командир. Мы с тобой были союзниками какое-то время. Мы были, я думаю, друзьями...

Он мрачно кивнул.

– Да, были. Ты помнишь Быстрого Бена? Остальных солдат моего взвода? А Локона? Тайшренна? Ты помнишь капитана Парана?

– Быстрый Бен, – неуверенно прошептала она. – Маг? Из Семи Городов... человек со множеством секретов... да, – она снова улыбнулась, – Быстрый Бен. Локон – не друг, угроза – он причинил мне боль...

– Он мёртв.

– Я рада. Тайшренн – это имя недавно слышала. Любимый Высший маг Ласиин – мы состязались с ним, когда я была Рваной Снастью, и тогда, когда я была Ночной Стужей. Нет преданности, нет доверия – мысли о нём спутанные.

– А капитан?

Что-то в его голосе заставило Мхиби насторожиться.

Серебряная Лиса отвела глаза.

– Я с нетерпением жду новой встречи с ним.

Командир откашлялся.

– Он сейчас в Крепи. Это, конечно, не моё дело, девочка, но ты подумай о последствиях такой встречи... если он, кхм, узнает... – Он замялся, смешался и замолчал.

Нижние духи! Капитан Паран был любовником Рваной Снасти – мне следовало ожидать чего-то подобного. Души двух взрослых женщин...

– Серебряная Лиса... доченька...

– Мы его видели, мама, – отозвалась девочка. – Когда гнали бхедеринов на север, помнишь? Солдат, которого не брали наши копьё? Я узнала его – узнала, кто он. – Она снова повернулась к капитану. – Паран знает. Передай ему, что я здесь. Пожалуйста.

– Хорошо, девочка. – Скворец поднял голову и оглядел стойбище баргастов. – «Мосто-жоги»... зайдут сюда... в любом случае. Капитан теперь ими командует. Уверен, Быстрый Бен и Молоток тоже будут рады возобновить знакомство...

– Ты хочешь приказать им меня осмотреть, – сказала Серебряная Лиса, – чтобы помочь тебе решить, достойна ли я твоей поддержки. Не бойся, командир, меня такая перспектива не пугает – во многом я и для самой себя загадка, мне тоже любопытно узнать, что они обнаружат.

Скворец криво усмехнулся.

– Честность да прямота у тебя, девочка, от нашей чародейки. Жаль только, такт не сохранился.

Корлат заговорила:

– Командир Скворец, я полагаю, нам нужно кое-что обсудить.

– Да, – согласился малазанец.

Тисте анди обернулась к Мхиби и Серебряной Лисе.

– Сейчас мы покинем вас.

– Конечно, – ответила старуха, стараясь сдержать эмоции. *Солдат, которого не брали копьё – о да, я помню его, дитя. Старые вопросы... наконец получили ответ... и породили тысячу новых...* – Пойдём, Серебряная Лиса, пора продолжить твоё обучение обычаям рхиви.

– Хорошо, мама.

...Скворец посмотрел вслед двум рхиви.

– Она сказала слишком много, – промолвил он какое-то время спустя. – Переговоры хорошо шли, всё почти наладилось... а потом девочка заговорила...

– Да, – тихо произнесла Корлат. – Она владеет тайным знанием – знанием т'лан имасов. Памятью длиной в тысячи лет этого мира. Сколько всего видел этот народ... Падение Увечного бога, приход тисте анди, последний полёт драконов в Старвальд Демелейн... – Она замолчала, глаза Корлат подёрнулись пеленой.

Скворец посмотрел на неё, затем сказал:

– Никогда не видел великого воро́на в таком... волнении.

Корлат улыбнулась.

– Карга думает, будто тайна рождения их Воро́нов нам неизвестна. Позор рода – так они сами думают, во всяком случае. Но Рейк равнодушен к... моральной стороне вопроса, как и все мы.

– Что же такого позорного?

– Великие воро́ны – создания противоестественные. Явление чуждого существа, которое затем назвали Увечным богом, было... жестоким. Части его тела отрывались, падали огненными шарами на землю, раскалывая её. Из этой плоти, впитав часть силы Увечного бога, родились великие воро́ны. Ты видел Каргу и её родню – они пожирают магию, именно она – их истинная пища. Атакуя великого ворона магией, лишь сделаешь его сильнее, увеличишь его защиту. Карга – Первородная. Рейк полагает, будто скрытый в ней потенциал... ужасен, и поэтому старается держать её и весь их род поближе к себе.

Корлат помолчала, затем повернулась к малазанцу.

– Командир Скворец, в Даруджистане мы столкнулись с одним вашим магом...

– Да. С Быстрым Беном. Он скоро будет здесь, я хочу послушать его соображения.

– Ты упоминал его в разговоре с девочкой. – Корлат кивнула. – Должна признать, этот чародей вызвал у меня некоторое восхищение, я буду рада с ним познакомиться. – Их

взгляды встретились. – И я рада познакомиться с тобой. Серебряная Лиса сказала правду, когда говорила, что доверяет тебе. Думаю, я тоже тебе доверяю.

Малазанец смущённо заёрзал.

– Мы не так часто встречались, чтобы я мог заслужить такое доверие, Корлат. Но я надеюсь его оправдать.

– В девочке живёт Рваная Снасть, женщина, которая хорошо тебя знала. Хотя я не была знакома с этой чародейкой, я нахожу, что эта женщина – с каждым днём она всё больше проявляется в Серебряной Лисе – обладала удивительными качествами.

Скворец медленно кивнул.

– Она... была мне другом.

– Много ли ты знаешь о событиях, которые привели к этому... возрождению?

– Немного, – ответил он. – Мы узнали о смерти Рваной Снасти от Парана, который нашёл её... останки. Она умерла в объятьях мага-теломена, Беллурдана, который отправился в пустошь с трупом своей возлюбленной, Ночной Стужи, видимо, чтобы похоронить её. Рваная Снасть была уже в бегах, и Беллурдан, вероятно, получил приказ её вернуть. Всё так, как говорит Серебряная Лиса, насколько мне известно.

Корлат отвела глаза и долгое время молчала. Когда тисте анди заговорила, её вопрос – такой простой и логичный – заставил сердце Скворца бешено забиться.

– Командир, мы чувствуем в девочке Рваную Снасть и Ночную Стужу – она и сама признаёт их. Но где же тогда этот теломен, Беллурдан?

Скворец сумел лишь глубоко вздохнуть и покачать головой. *Видят боги, я не знаю...*

Глава четвёртая

Взгляни: вот те трое, что форму всему придают

*—
всему, что таится под мира тугой оболочкой;
взгляни: эти трое – истории кости, основа.
Сестра Холодных Ночей! Даже рассвет
для тебя знаменует предательство!
Но ты доверяешь ножу, даже если
уже устремлён этот нож в твоё сердце.
Драконус, от крови Тиам! Откована тьма,
что душу твою объемлет, и цепи, что держат
тебя,
тобою же созданы.
К'рул, дорогу твою Спящая избрала
тысячи лет назад, и Богиня спит до сих пор,
хоть ты сам пробудился, – о Древний, час пробил
бродить между смертных, творя
из собственных горестей дар
наисладчайший.*

Рыбак Кельтат. Аномандарис

Когда фургон, покачиваясь, покатился вверх по склону, из-за него появились Драсти и Скалла Менакис, оба с ног до головы в грязи. Ухмыляясь, Остряк опёрся о козлы.

– Так нам и надо, нечего было с тобой биться об заклад, – проворчал Драсти. – Всегда ты выигрываешь, мерзавец.

Скалла печально смотрела на свою перепачканную одежду.

– Низинская кожа... Она же задубеет! – Скалла вперила суровый взгляд голубых глаз в Остряка. – Чтоб тебя! Ты же из нас самый здоровый! Сам должен был толкать, а не сидеть тут да радоваться, что выиграл!

– Суровые уроки жизни – в этом весь я, – ответил Остряк и заухмылялся ещё шире. Изысканный чёрно-зелёный костюм Скаллы был покрыт коричневой жижей, а тяжёлые чёрные волосы свисали, прикрывая лицо, и с них капала мутная вода. – Ладно, на сегодня хватит. Давайте-ка отведём фургон на обочину, а потом вам обоим, похоже, придётся искупаться.

– Худ тебя побери! – рявкнул Драсти. – А мы, по-твоему, чем занимались?

– По звукам судя, тонули. Выше по течению, кстати, вода почище. – Остряк снова подобрал поводья. Переправа измотала коней, они не хотели идти, и капитану пришлось их уговаривать сдвинуться с места. Он остановил фургон на некотором расстоянии от брода. Поблизости раскинулись лагеря других торговцев: одни тоже только что переправились, иные готовились преодолеть брод на пути к Даруджистану. За последние несколько дней хаос у переправы только усилился. Последние булыжники, которыми было когда-то выложено дно реки у брода, отпихнули в сторону или втоптали глубоко в ил.

Чтобы перебраться через реку, им потребовалось целых четыре колокола, и Остряк несколько раз сомневался, что фургон вообще сумеет переправиться. Он спрыгнул с козел и осмотрел коней. Скалла и Драсти, переругиваясь, зашагали вдоль берега вверх по течению.

Остряк мрачно посмотрел на массивную повозку, которая преодолела брод непосредственно перед ними, а теперь стояла в пятидесяти шагах от фургона Керули. Пари, конечно, вышло нечестным. *Лучше не придумаешь.* Его подручные были уверены, что сегодня их

фургон на переправу не попадёт. Не сомневались, что огромная повозка завязнет и придётся ещё несколько дней сидеть на берегу, прежде чем остальные торговцы достаточно озвереют, чтобы приказать своим слугам помочь вытащить её из реки.

Остряк считал иначе. Бошелен и Корбал Брош были не из тех, кто станет терпеть подобные неудобства. *Они ведь треклятые чародеи всё-таки.* Слуга, Эмансипор Риз, даже не потрудился слезть с козел и легким подёргиванием поводьев направил волов вперёд. Огромная повозка будто поплыла через брод и даже не вздрогнула, когда колёса коснулись неровного, илистого дна. *Нечестное пари, да. Ну хоть сам я сухой и чистый остался.*

Странности на переправе заметили многие, так что к лагерю магов теперь не особенно подходили, тем большим было удивление Остряка, когда он заметил, что к повозке чародеев шагает вооружённый охранник. Этого человека капитан хорошо знал. Даруджиец, Бук, работал с небольшими караванами, заключал контракты с торговцами победнее. Предпочитал работать в одиночку, и Остряк знал почему.

Наниматель Бука ещё утром попытался переправиться. Ветхий фургон посреди реки развалился на куски, под беспомощные завывания торговца обломки и тюки с товаром поплыли вниз по течению. Купца Бук сумел спасти, но с потерей товаров контракт потерял силу. Когда охранник упросил других торговцев взять нанимателя с собой обратно в Даруджистан, тот сдержанно поблагодарил Бука за труды и отпустил на все четыре стороны.

Остряк думал, что Бук тоже отправится в город. У него ведь осталась хорошая, крепкая лошадь. Дня три пути, не больше.

Но вот сейчас Бук стоял – высокий, худой, в полном снаряжении, пластинчатый доспех наново смазан, арбалет за спиной, меч у пояса – и тихо разговаривал с Эмансипором Ризом.

Остряк не слышал ни слова, но мог уловить ход разговора по жестам и позам обоих. Когда они обменялись несколькими репликами, капитан заметил, что Бук чуть сутулился. Седобородый охранник отвёл взгляд. Эмансипор Риз пожал плечами и полуотвернулся, словно заканчивая разговор.

Затем оба повернулись к повозке, а в следующий миг изнутри появился Бошелен, надевая на ходу свой широкий чёрный кожаный плащ. Под взглядом чародея Бук выпрямился, дал на краткие вопросы не менее лаконичные ответы, затем вежливо кивнул. Бошелен положил руку на плечо слуги, и тот чуть не упал от этого лёгкого касания.

Остряк тихонько и сочувственно хмыкнул. *Да уж, от такого прикосновения обычный человек поди и в штаны бы наложил, видит Королева... Храни нас Беру, Бука ведь только что наняли. Дайте боги, чтоб он об этом не пожалел.*

Пожары в больших домах в Даруджистане уносили много жизней, особенно если дело доходило до газа. Тот, который погубил жену, мать и четверых детей Бука, был страшней прочих. То, что в это время сам Бук лежал мертвецки пьяным в подворотне не более чем в сотне шагов от дома, не слишком помогло ему оправиться. Как и многие другие охранники, Остряк ожидал, что Бук после этого возьмётся за вино всерьёз. Но тот поступил с точностью до наоборот. Вместо того чтобы опуститься, стать жалким пропойцей, он начал заключать одиночные контракты с небогатыми, уязвимыми торговцами. Бедных купцов на дорогах грабили куда чаще, чем богатых. *Парень собрался на тот свет. Только быстро и даже, может, с честью. Хочет бороться до конца, как боролась, если верить рассказам, его семья. Одна беда, трезвым – а он не пьёт ни капли с той злосчастной ночи – Бук очень уж хорошо дерётся, и это могут с досадой засвидетельствовать призраки по меньшей мере дюжины разбойников.*

Ледяной ужас, который будто пронизывал воздух вокруг Бошелена и особенно Корбала Броша, отпугнул бы любого вменяемого охранника. Но если человек собрался умирать, ему всё будет видеться иначе, верно?

Эх, дружище Бук, надеюсь, ты о своём выборе не пожалеешь. Спору нет, кровь и ужас ходят следом за твоими новыми нанимателями, только тебе скорей придётся быть им свидетелем, чем жертвой. Может, ты уж достаточно пострадал?

Бук зашагал прочь, чтобы забрать свою лошадь и припасы. Когда вернулся, Остряк успел развести костёр. Он увидел, как Бук уложил свои вещи и обменялся несколькими словами с Эмансипором Ризом, который тоже принялся готовить еду, а затем седой охранник обернулся и поймал на себе взгляд Остряка.

Бук подошёл.

– День перемен, дружище Бук, – сказал со своего места у огня Остряк. – Я заварил чаю для Драсти и Скаллы – они вернутся с минуты на минуту. Хочешь кружку?

– Спасибо, Остряк. Принимаю твоё предложение. – Он подсел к капитану.

– Жаль, что так вышло с фургоном Мёрка.

– Я его отговаривал. Увы, он к моим советам не прислушался.

– Даже после того, как ты его из реки вытащил и воду из лёгких откачал?

Бук пожал плечами.

– У него испортилось настроение из-за того, что чуть не поцеловался с Худом. – Он покосился на повозку своих новых нанимателей, в уголках печальных глаз залегли морщины. – Ты уже беседовал с ними, так?

Остряк сплюнул в огонь.

– Ага. Лучше бы ты со мной посоветовался, прежде чем браться за этот контракт.

– Я ценю твой совет, Остряк, и всегда ценил, но ты бы меня не переубедил.

– Знаю, потому больше об этом ни слова не скажу.

– А другой, – проговорил Бук, принимая от Остряка жестяную кружку, которую затем сжал обеими руками, чтобы подуть на горячую жидкость, – я его уже разок видел.

– Корбал Брош.

– Хоть бы и так. Он ведь убийца, ты же понимаешь.

– Честно говоря, я между ними обоими особой разницы не вижу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.